

Гай Юлий
Орловский

Марко
Генер

Золотой Тапсман

Ворг. Успеть до полуночи

Гай Юлий Орловский
Марко Генер

Зотод
Ладисман

Гай Юлий Орловский
Марко Генер

Вопр. Успеть до полуночи

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Разработка серийного оформления *Андрея Старикова*

В оформлении обложки использованы
рисунки художников
Андрея Липаева и Вячеслава Коробейникова

Орловский, Гай Юлий.

О-66   Ворг. Успеть до полуночи / Гай Юлий Орловский,
Марго Генер. — Москва : Издательство «Э», 2017. —
384 с. — (Золотой Талисман).

ISBN 978-5-699-93202-3

Ворги — хищная раса оборотней. Они не подвластны влиянию Луны и живут в чащах Изумрудного леса. Сила, здоровье и хитрость — главные умения ворговского племени. Все обходят стороной этих полузверей-полулюдей. Особенно опасны ворги-одиночки. Гоблин Курт Зут'Вакар хорошо знал об этом, когда спасал от грабежа случайного попутчика по имени Лотер. Не знал только, что его новоиспеченный приятель — ворг. А когда узнал, за оружие хвататься было уже как-то неудобно. Впрочем, оборотень Лотер, если надо, умеет прикинуться безобидной овечкой...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93202-3

© Орловский Г.Ю., Генер М., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

В глотке заклокотало, клыки медленно удлинились, кожа на губах треснула, и соленая струйка потекла в рот. Покосившись на кусок баранины в тарелке, я скривился. Подмешали. В мясо подмешали.

Я приподнял голову, в глазах задвоилось, а когда оперся подбородком на кулак, бутылки на полках расплылись в бесформенные пятна. Пришлось сконцентрироваться на центральной, чтобы перестали шататься.

Одно из пятен качнулось и исчезло. Через секунду появилось с другой стороны столешницы. Я проморгался, пятно приобрело четкие границы и превратилось в виночерпия с мутными радужками. Кожа бледная, во рту загадочно блестит золотой зуб.

Звериное чутье шевельнулось. Если бы не отравленная баранина, сразу понял бы, что к чему. А так лишь нутром ощущаю — что-то опасное.

Виночерпий на ходу трет деревянный стакан куском льняной тряпки и ухмыляется. Волосы прилипли ко лбу, маленькие глазки смотрят так, словно украл сотню золотых.

Он ехидно оскалился, взгляд хитрый и озабоченный. Я вцепился в столешницу, чтоб не потерять равновесия, и медленно повернул голову к огромному зеркалу. В глянцевої поверхности отразилось помятое лицо с побледневшими от яда губами. Хорошо, что лицо, а не звериная морда.

Я сдул волос со лба и сосредоточил взгляд на себе. Щеки бритые, волосы по плечи сосульками болтаются, не мыл давно. Глаза, правда, оплывшие, черной радужки не видно. Но это все от баранины, чтоб ее. К утру пройдет, если не помру.

Хотел похлопать по карманам, чтобы проверить, на месте ли золотые, но все же не удержался и рухнул на пол, как мешок с картошкой. Из глотки вырвался рык, клыки вытянулись еще на полногтя, но усилием воли заставил их стать человеческими.

Минуту пытался подняться, получилось только развернуть голову и упереться носом в доски.

— Крепко меня... — прошептал я одними губами.

Сквозь пелену свечи на стенах кажутся матовыми. Толстые. Такие ставят с расчетом на долгое время работы, но они все равно выгорают за неделю. Таверна работает круглые сутки, и никому не приходит в голову гасить их днем.

Время от времени в пламя попадают пыль и брызги хлебного напитка. Это рядом коренастый гном стучит кружкой о стол и что-то яростно доказывает другому гному в рогатом шлеме.

Я захрипел и уперся ладонью в пол. Хотел подняться, но не вышло — руки ватные, в глазах плывет. Скверное место, воняет, и виночерпий все еще странно косится, словно это он испортил баранину и ограбил.

Слабой рукой я потянулся к кафтану. Где-то в подкладке спрятан сонный порошок, который можно швырнуть в наглую рожу виночерпия.

Из-за соседнего стола раздался веселый гогот. Я зло покосился на них, шерсть на загривке стала подниматься, пришлось думать о птичках и водопадах, чтобы не выдать в себе полужверя и не перепугать посетителей таверны.

Наконец удалось подцепить пальцами рукав. Хотел потянуть, но кафтан соскользнул под ноги жирному гоблину, который остановился прямо передо мной. Снизу его пузо показалось круглым, как кожаный шар.

Он наклонился, едва не вспоров мне щеку клыком. Над ухом раздался трескучий голос:

— Эй, парень, тебе нужна помощь?

Я захрипел, правая ноздря не дышит, и хорошо понимаю почему. Нос упирается в пол.

Затуманенный взгляд опустил к настилу из шербатовых досок. Прямо перед лицом грязные сапоги. Чуть выше они превращаются в гоблина, который наклонился и с сочувствием смотрит сверху. Гоблины, жирные гоблины, желающие помочь.

— Нет... мне и здесь неплохо... — хрипло проговорил я. — Но виночерпий уволок у меня три десятка золотых, кажется...

— Три? — удивился гоблин и цапнул широкой ладью рукоять кинжала. — За три десятка золотых можно купить всю таверну, не то что еду.

Мутными глазами увидел, как гоблин шагнул к виночерпию и схватил его за ворот.

— Вы со Шмыгом опять за старое? — прорычал он.

Виночерпий съежился и выставил ладони перед лицом.

— Что ты, что ты, — простонал бедняга. — После последней порки Шмыг как шелковый ходит. А на меня вообще молиться можно. Вот те зуб!

Виночерпий вытащил изо рта длинный клык и положил перед гоблином. До меня с запозданием дошло — нежить. Лишь теперь заметил легкое подрагивание морока вокруг мертвяка, который скрывает гнилой запах и придает человеческий облик.

Гоблин скривил мясистые губы и отпустил полутрупа.

— Главное, чтоб самому не пришлось молиться, — ответил он многозначительно и обернулся ко мне: — Уверен, что виночерпий уволок?

Перед глазами поплыло еще сильнее, хотел сказать, что уже ни в чем не уверен, но в этот момент дверь с грохотом распахнулась, в таверну ворвался гном с дикими воплями.

— Баррра! Адамас твою кимберлита мать! — заорал не в меру захмелевший гном. — Кувалду в скважину! А подать мне бочку кертерберийского светлого, а то прям шас здесь будет Великий Разлом!

Из тени колонны выступила массивная фигура. Сквозь закрывающиеся веки разглядел широкую спину огра. Тот шагнул к гуляке, подхватил, словно куклу, и вынес за порог. С улицы слышались недовольные вопли, потом жалобный писк. Огр вернулся в таверну и снова скрылся в тени.

Гоблин присел рядом на корточки и заглянул в лицо.

— Э, брат, тебе на воздух надо, — сказал он с сочувствием, — Яды нежити косят людей, только в путь. Но некоторые выживают. Пойдем-ка отведу тебя.

Хотел рявкнуть — какого лешего человеком обозвал?! Но зеленомордый повесил меня на плечо и выволок на улицу.

Яркий свет резанул по глазам, мир завертелся еще сильнее. Помню, как прижало к земле и долго трясло, потом какие-то люди пытались напоить молоком. После этого все как в тумане.

Очнулся уже в телеге по дороге через Изумрудный лес. Колеса брички мерно поскрипывают, в углу ворох какого-то тряпья и пара мешков, кажется с репой. На козлах все тот же гоблин.

Увидев, что я наконец разлепил веки, он жизне-радостно оскалился. Не такой уж гоблин и жирный, видимо, ракурс с пола показывал живот солиднее. Голый торс, серый с зеленцой, мышцы рельефные, на животе разве что небольшая складка и пупок торчит выпукло, как кукиш. Нижние клыки закусил губу в веселом оскале, зеленомордый поднял волчовку двумя пальцами.

Я страдальчески закатил глаза — волчовка вся изодрана, на спине огромная дыра. Гоблин покосился зеленым глазом, набрал воздуха, чтобы что-то сказать, но в последний момент со свистом выдул, схватился за кинжал и метнул в кусты. Из зарослей послышался сдавленный крик, затем на дорогу грохнулось тощее тело.

Я приподнялся на локте и заглянул за край. Нежить.

Гоблин громко высморкался и потянул поводья на себя.

— Проклятые твари. Зря король пошел на союз с этой чужеядкой, — проговорил он зло.

Лошадь устало фыркнула, телега остановилась. Зеленомордый спрыгнул с козел и пошел к дважды

труп. Пока он возился с кинжалом, что-то бубнил, я быстро оглядел телегу. Оружия не видно, но это гоблин, у них даже под подушками ножи и дротики.

В голове еще звенит от яда, но ясность ума уже вернулась.

Когда гоблин забрался на телегу, я спросил, садясь на грязных мешках:

— Долго я так провалялся?

— Ровно столько, чтобы очухаться для починки моей волчовки, — сказал гоблин и швырнул мне изодранный меховой доспех.

И хотелось бы возмутиться, но факт налицо.

Зеленомордый ударил поводьями. Лошадь переступила копытами, но не сдвинулась с места. Лишь после того, как гоблин крикнул что-то на своем гоблинском языке, она двинулась по дороге.

Колеса тихо поскрипывают, телега умиротворяюще качается на кочках. Звериный организм справился с ядом, еще немного — совсем оклемаюсь. В голове мелькнуло: какого лешего вообще еду с ним в этой телеге?

Видимо, мои мысли отразились на физиономии. Гоблин вытащил из-под перекладки звякающий мешочек и кинул мне. Я быстро поймал. От рывка в голове случился болезненный спазм.

Пальцы распознали рубчики золотых монет, улыбка невольно поползла по лицу. Вроде по весу все на месте, что удивительно.

Губы зеленомордого расплзлись в улыбке, он вытащил из мешка голову, которая словно дожидалась — сохраняла последнюю кровь, чтоб резко закапать. По голове, точнее, по лицу распознал таверного. Сквозь пелену воспоминаний прорисовалось его лицо с алч-

ной ухмылкой. Кажется, шарил по карманам. А я на виночерпия подумал.

— Меня зовут Курт Зут'Вакар, — почему-то радостно произнес гоблин. — Ты мне должен!

Я секунду пялился на окровавленную голову с подкатанными глазами, затем перевел взгляд на довольную рожу гоблина.

— Ты ж совсем убил его, — проговорил я, раскрыв рот.

Пальцы чуть удлинились, когти вытянулись. Я спрятал руки под мышки, вроде грею. А сам проверил языком клыки — не вылезли ли. Биться с гоблином после яда нежитьи тяжко. А южные гоблины одни из немногих, кто в бою равен вору.

Но он отмахнулся, положив окровавленную голову под козлы.

— Не благодари, лучше помоги монетой. Кляча моя совсем издыхает. Коня мне купишь, золотых хватит, я пересчитал.

— Странно, сам не купил, — буркнул я.

— Я не граблю немощных и больных, — проговорил он веско. — Чего? Они ж беззащитные, как дети.

Гоблинов с моральными принципами прежде не встречал. Думал, у них как у нас — первым делом от хворых и хилых избавляются. Или последним. Но в живых не оставляют точно.

В желудке неприятно заворочалось, я громко икнул и быстро постучал по груди.

— Дрянное мясо, — пробормотал я. — Ловко замаскировали.

Гоблин сочувственно покачал головой:

— Говорил я, нельзя людям есть в этой таверне. Так нет, храбрятся, доказать что-то пытаются. Сто раз

видел, берут здоровенные порции. Прямо как ты, а потом на заднем дворе вместе с поросятами.

Я сплюнул за край телеги и вытерся рукавом.

— Я не человек.

Гоблин опасливо развернулся на козлах и прищурился.

— То-то мне твоя рожа показалась странной, — пробубнил он, схватился за кинжал и напрягся. — Отвечай, кто таков.

Я откинулся на спинку телеги и проговорил:

— Ворг.

— Ворг... — оторопело протянул гоблин. — Многодушец!

Брови гоблина сомкнулись и изобразили бы лук, не будь такими редкими. Скорее сошлись бровные мыщцы, а уж волосинки изобразили тени.

Я снова с холодком увидел, как его пальцы ухватились за рукоять крашара, кривого зубастого ятагана. В прошлый раз, когда это видел... Ах да, вот же она — голова таверного. Пялится в небо, даже веки никто не надвинул. Одинокaя муха сидит прямо в уголке глаза, потирает лапки.

— Послушай, гоблин... Как тебя там. Курт, — сказал я устало. — О нас ходят много легенд, и я просто не знаю, какие ходят у вас. Давай говори, я весь здесь. И не хватай оружие. Я тебе должен.

Он несколько секунд изучающе рассматривал меня, как муху на столе, затем отложил крашар.

— Говорят, вы жестокие и лживые, — проговорил он с сомнением. — Готовы любому в спину нож всадить, лишь бы получить свое.

Я хмыкнул.

— Ну, у нас много общего, хотя с ложью ты перегнул. В этом гоблинам равных нет.

Гоблин оскалился, но крашар остался на поясе, глаза прищурились, словно пытается разглядеть, где у меня мешок душ припрятан.

— Еще скажи, ворги соблюдают правила, — с сомнением произнес гоблин.

Я развел руками и заверил:

— Можешь не верить, но у нас тоже есть законы. Например, всегда отдавать долги. Так что не дергайся.

Курт недовольно зарычал, будто уже сто раз пожалел, что спас чужака. Он еще секунду сверлил взглядом, потом хлопнул ладонью рядом по деревянному сиденью.

— Садись, ворг, — сказал он, успокаиваясь. — Есть немного мяса и вода. Много не пей.

— Почему?

— Ручья впереди нет.

Я, стараясь держаться ровно, переполз вперед по скрипучим доскам и опустился на деревянную перекладину.

— Ворг... — начал он. — Но, если честно, я даже за эльфа вписался бы.

— Чего это вдруг?

— Не дело это...

— Ты о чем?

— Подло пользоваться тем, — пояснил он неуклюже, — что клиент мордой в пол уткнулся.

— Ну с эльфом ты перегнул, — сказал я.

Голова с запекшейся кровью подкатилась ближе, я ногой отодвинул подальше.

— Ничего похожего, ворг, — ответил он. — Эльфы, они зануды, конечно. Что у них в головах творится?

Видел как-то одного — рожа белая, аж светится, на конях с рогами ездят. Ну кто на таких ездит, кто ездит?

— Это эльфы-то?

— Эльфы, — подтвердил он. — А гонору у каждого на гномью деревню хватит. В бою собственными руками придушил бы.

— Я тоже...

— Только если безвинно помирать будет, — закончил он, — надо помочь. Нельзя не помогать.

Я промолчал. Поди разбери, какие правила у зеленолицых. Может, и правда положено помогать сирым и убогим. Или только у Курта заморочки. Выяснять не хочется. Хватит, что вытащил меня из той треклятой таверны.

Он шумно поскреб подбородок и проговорил:

— Такэ, што б ты понял. У гоблинов легенды говорят, ворги — оборотни. Превращаются во всяких тварей. Волков, гиен, орлов, а то и тигров. Страшные, в общем, звери. Это чтоб ты понял. Расскажи как есть, по-твоему, чтоб я понял, а то...

Гоблин нутужно покачал ятаганом и убрал в ножны. Правда, взгляд остался внимательным и сосредоточенным. Сразу не заметно, но чую, гоблин — опытный боец. Одно неверное движение — крашар засверкает в воздухе, как лопасти мельницы. Мне же сейчас меньше всего хочется с кем-то драться.

Я уныло промолчал. Зеленомордый начнет канючить — покажи да превратись. А в зайца, а в медведя? И станет довольно гоготать, когда перекинусь. Хотя гоблин серьезней, чем пытается казаться, я такое за версту чую.

Шерсть на загривке тревожно шевельнулась и вздыбилась. Я украдкой глянул по сторонам, но кро-

ме деревьев ничего не обнаружил. На всякий случай потянул носом — тоже чисто. Но ощущение мерзенькое, словно кто-то крадется.

В районе живота на секунду появился комок, показалось, сейчас перекинусь, но это невозможно — о твердое не бился, на звере не сосредотачивался.

Я тряхнул головой, выгоняя наваждение. С волос посыпались комки грязи, гoblin отклонился, недовольно скривив губы, но промолчал.

— Что тебе сказать. Правду говорят, — признался я. — И в орла можем, и в волка. Только я бракованный на желудок. Не могу жрать человеческую еду.

Он проговорил с сочувствием:

— Это да. Даже у меня несварение после похлебки в той таверне.

Я кивнул.

— Хлеб тоже не переносу.

— Так зачем ешь?

— Я не ем. Я так расслабляюсь. Молюсь вроде.

— А... — протянул он. — Ну так чего, и в орла... и в волка?

Гoblin дружелюбно обнажил ряды зубов. Это выглядело бы нормальной улыбкой, если бы бивни, которыми с легкостью можно вспороть кожу от живота до горла, не закусывали верхнюю губу. Как дите, смотрит с любопытством, только слюни не текут.

Я закричал и перевернулся на козлах.

— Ладно, смотри.

Пришлось подпрыгнуть на телеге, чтоб как следует стукнуться лбом. Доски жалобно заскрипели и прогнулись. Из глаз рассыпались искры, меня перевернуло три раза.

В нос ворвались миллионы запахов и звуков, клыки обнажились в волчьем оскале. Курт восторженно открыл рот и прижал кулак к груди.

— Етить твою клячу! — прошептал он. — Натуральный ворг!

Я снова стукнулся лбом и вернулся в человеческий облик. Гоблин пялится и цокает языком — доволен, как навозный жук, который нашел чужой козий шари́к.

Я поправил одежду — в волчьем обличье штаны сползли, а рубаша собралась гармошкой на шее.

— Ты куда меня везешь? — спросил я наконец.

Курт еще немного полюбовался, даже приятно стало, я весь такой необыкновенный.

— Ну теперь-то точно в Межземье, — сказал он так, будто этим все объяснил.

— Это почему? — спросил я.

Гоблин посмотрел на меня как на полоумного.

— Тебе, видать, яд совсем память отшиб. На воров охота идет, за одну твою голову я могу купить дворец в центре Востока.

Я насторожился:

— Так чего не купишь?

— Не люблю я Восток, — буркнул гоблин. — Да и нет на Востоке дворцов.

Губы мучительно пересохли, так бы и облизнуть, мощно, по-волчьи, чтоб аж глаза языком захлестнуть. Но лучше пока не надо. Взял фляжку и сделал пару звучных глотков, облизнулся как надо под напряженным взглядом гоблина.

Я постарался всем видом показать, что сейчас совершенно безвреден, насколько это сочетается с понятием ворга. Да, язык у меня до шеи, когда перекинусь.

Но на клыки свои посмотри. Я, даже оборачиваясь в зверя, таких не имею!

Гоблин проследил за моим взглядом, глаза скосились к клыкам, он потрогал острия большими пальцами.

— Как хорошо без этих дурацких колец на клыках, — сказал он довольно. — Жмут конкретно, но по договоренности в городах носим, как, тьфу, намордники какие.

— Я думал, вы их для красоты носите.

— Какая там красота!? — обиделся он. — Красота — это вот!

Гоблин сорвал пыльный кожаный сапог с ноги, резко двинул головой снизу вверх. Хрустнуло, и голенище стало лохмотьями.

Я сморщился. От гоблинских ног несет так, хоть топор вешай. Да что топор, тут секира застынет в полете. Зеленая рожа довольно скалится, глаз прищурен, того и гляди вывалит язык от радости.

— Ты полегче с сапогами, — порекомендовал я.

— А что не так? — искренне удивился Курт. — Клыки у меня что надо!

Я с недоверием покосился на распоротый сапог. Вообще-то гоблин прав, у их брата те еще бивни. Особенно у южных. Слышал, как-то в таверне драка была, зеленомордый одним махом вскрыл гнома, это с их-то твердую шкурой!

— Босиком теперь будешь? — спросил я.

Гоблин тупо уставился на клочок сапога в кулаке.

— Тфу, — запоздало спохватился он, — вот так всегда. Как разойдусь, начинаю махать бивнями направо и налево. Потом то жилетки не хватает, то вон теперь обувки.

— Сочувствую, — сказал я.

Он отмахнулся.

— Да ерунда, все равно так себе сапоги. Ну не смог удержаться, ты не представляешь, как плохо в этих дурацких накладных кольцах.

— Сочувствую...

— Везет вам, — сказал он, — что не заставляют намордники надевать при входе в город. О гоблинах все знают. Хотя теперь не завидую твоей шкуре.

Он немного помолчал, потом сказал:

— Слушай, Расскажи, чтоб я тоже знал, о воргах. Как вы живете? А то ехать скучно, а я о вас лишь легенды знаю. Ну а легенды — сам понимаешь, у каждого народа свои. Вот, например, слышал, что если ворг тыпнет человека и тот не помрет, то в ворга обратится.

Я угрюмо хохотнул. Особо рассказывать о наших обычаях не хочется, но это развеселило.

— Тебя послушать, все сплошная магия, — проговорил я. — Выходит, если ты человека укусишь, он гоблином станет.

Пока гоблин соображал, станет ли человек гоблином от укуса, я понял, что куртка с сонным порошком безвозвратно потеряна. Видимо, гоблин посчитал лишним брать ее с собой. А я два золотых за порошок отдал.

— Нет, — наконец сказал он, — так в гоблина не перемахнуться.

— Ну вот и с воргом так же, — пояснил я. — Либо таким уродишься, либо нет.

Гоблин потрогал переносицу, она странно сжалась, словно у него в носу вообще кости нет, затем хрустнул шеей. Сразу захотелось тоже потянуться. Еле сдержался

Я бы мог растянуться по-волчьи во всю спину, чтоб каждый позвонок услышать. Да только гоблин опять тарашиться начнет и требовать, чтоб фокусы показывал.

Он зевнул во всю необъятную пасть. Ощутив, что тоже набрал воздух, я прикрыл рот ладонью и прогу-дел сквозь зевоту:

— Так шо там с Ильвой?

Гоблин почесал зеленый бок:

— Да чего говорить? Король заключил договор о взаимопомощи.

— Зачем? — удивился я.

Курт тяжело вздохнул, лицо стало задумчивым. Странно наблюдать, как клыкастая рожа печально морщится.

— У короля дочь умирала, — начал гоблин, — а Ильва, сам знаешь, водится с духами, ну и вообще руководит мертвяками. Когда обратился за помощью, эта чужеедка, чтоб ей вечно в склепах гнить, выставила условия — свободу нежити. Теперь по всему краю бегают мертвяки, грабят деревни под видом дани или не знаю чего. Люди тихо воют, гномы ворчат, но терпят. Им вообще не страшно: засядут у себя в горах — и поминай как звали. Нежить пока туда не особо рвется. Мне — плевать, главное, чтоб торговать не мешали. А то, что иногда из лесов выскакивают, так это вон...

Он похлопал ладонью по крашару.

Я с трудом соображал, пытаюсь переварить, как нежить может свободно бегать по Восточным землям. Раньше только по ночам встречалась, да и то в заброшенных местах.

— А ворги чем не угодили? — спросил я осторожно.

Он бросил на меня хитрый взгляд.

— Что, зацепило? — спросил он и поскреб лоб. — Меня на твоём месте тоже зацепило бы. Если честно, друг, очень рад, что не на твоём.

Я насторожился.

— Это ещё почему?

— Да тут вот какое дело, — начал объяснять Курт. — Когда заключали договор, Ильва потребовала, чтоб всех воров изловили и отправили на псарни. Оно и понятно, нежить вас боится, как эльфийского огня.

Я не поверил.

— И что? Король вот просто так взял и согласился?

Курт кивнул.

— Не просто, но согласился, — подтвердил он, — и даже переловил большую часть. А тех, кто не переловился, приказал порешить. Ты не серчай, понять его можно. Дочка-то единственная.

Переловил, мелькнула тревожная мысль. Значит, наверное, и мою стаю. Мою бывшую стаю отправили на псарни или куда там не знаю. Выходит, я один. Совсем. Хотя должен был это понять ещё когда уходил. Но раньше грело ощущение, что там, на опушке Изумрудного леса, есть ворги, с которыми вырос, а теперь — все.

Я вздохнул печально:

— Красивая дочка хоть?

— Говорят, просто загляденье, — ответил гоблин. — По человеческим меркам, конечно. Не знаю, как воргам, но по мне, если клыков нет, то и разговаривать не о чем.

Дорога, раздолбанная тысячами колес, сузилась в две глубокие колеи. Из них торчат пучки травы и даже кусты. Основная дорога пошла правее, а мы свер-

нули на малоезжую. Лошадь, что топала себе, опустив голову, сначала начала прядать ушами, а потом вздернула голову и стала осторожно коситься по сторонам.

Небо потемнело, да не той вечерней темнотой, от которой хочется зевать и мудро смотреть на звезды, а суровым облачным полумраком. За лесом засверкали зарницы. Но грома не слышно, да и тьма далеко, может, и краем пройдет.

Правое колесо поскрипывает и описывает серьезную восьмерку. Были бы мужики-наблюдатели — обязательно обсудили бы, доедет оно до Королевства Джерона или отвалится в Восточном крае. Но мужиков, к счастью и сожалению, нет.

Впереди расступились деревья и показались возделанные поля, местами выкошенные.

Я свесился с телеги и сорвал пучок колосьев. Не люблю поля. Где возделывают — значит, охраняют. А раз так, волком не побегаешь, всюду мужики с вилами, медвежьи капканы и ямы.

Загривок напрягся, будто сам по себе, в горле заклокотало. Гоблин заметил перемену в настроении и проговорил успокаивающе:

— Ты не переживай, ворг. Это свободная ферма, сюда нежить не суется. Вон, глянь.

Над небольшим домиком красный огонек, колючие лучи бешено вертятся и пускают зайчиков в стороны. Огонек на секунду замер, из центра вырвался длинный сноп и умчался куда-то в лес. Послышался сдавленный крик.

— Это чего? — спросил я.

Гоблин довольно закрихтел.

— Нравится? Маг из Восточного края зачаровал. Убивает всю нежить на расстоянии двух перелетов

стрелы. По мере надобности ставит защитный барьер на любых живых существ.

— Так это твой дом, что ли? — изумился я.

Гоблин покосился на меня как на умалишенного.

— Я похож на фермера? — спросил он обиженно. — Это угодыя моей сестры.

Я пожал плечами: откуда мне знать, как выглядят гоблинские фермеры?

Из зарослей раздался рассерженный голос:

— Эй, там! Эгей!

Не успел уточнить, что этот рык имеет в виду, как из тьмы прямо в нас вылетело бревно.

Большое бревно с остатками корней. Лошадь не ожидала такой подлости от обжитых районов, потому не успела среагировать. И оглобли помешали. Бревно сухо стукнуло в лошадиный затылок. Бедное животное выпучило глаза, тяжело выдохнуло и, неуверенно переступив ногами, медленно опустилось на землю.

— Растудыть его в копыто! — прокричал гоблин и отпустил поводья. — Сдохла!

Гоблин быстро спрыгнул с перекладкины. С земли поднялось облачко пыли и осело на зеленой коже.

Я кувыркнулся через край телеги, шарахнувшись об угол, и опустился на четыре конечности. Не успел подумать, в кого перекинуться. Горизонт появился слишком высоко, и мир стал желтоватым. Звуки закрутились в голове беспорядочным хором. В кота превратился, олух.

С досадой стукнулся лбом о колесо, вернулся в человеческое тело. Гоблин вытащил крашар.

— Какого рожна тут творится? — заорал он в темноту. — Выходи, а то кинжалами закидаю!

В кустах послышалось шевеление, раздался хриплый голос:

— Курт, ты, что ли?

Гоблин слепо прищурился и скривил губы.

— Азута? — спросил он неуверенно.

Из зарослей показалась зеленая физиономия, нижняя челюсть выпирает, аккуратные клыки торчат в разные стороны. В два раза меньше, чем у Курта, но такие же опасные. Нос широкий, глаза раскосые, на голове высокий гребень из волос, зафиксированный так крепко, что даже в бою не рассыплется.

Курт рассерженно рявкнул:

— Ты чего мою лошадь убила?

— А ты чего тут едешь без предупреждений? — гаркнула в ответ гоблинша.

Курт спрятал крашар в ножны.

— Я что, должен о каждом приезде докладывать? — спросил он раздраженно. — Говорили же, что буду торговать в ваших землях. Хватит с тебя. Что теперь без клячи прикажешь делать?

Гоблинша вышла на дорогу, подтянула до груди широченные шаровары, кулаки уперлись в бока. Высокая грудь затянута кожаным доспехом, ощущение, что там у нее тоже мышцы. Подбородок широкий из-за бивней, настоящая воительница.

— Я сто раз говорила, что плохо вижу в темноте. Думала, опять нежить ломится.

— Нежить на телеге? — не унимался Курт. — И вообще, чего ты на ночь глядя в поле полезла?

Азута отмахнулась.

— А когда, по-твоему, сумеречную траву собирают?

Я некоторое время наблюдал, как пререкаются гоблины. Есть в этом что-то приятное, даже милое.

У нас так не принято. Если в стае — то иерархия. А если одиночка, то и спорить не с кем.

Осторожно шагнул вперед, чтоб не напугать гоблиншу, а то пришибет, ручища больше, чем у Курта, и тихо покашлял.

Гоблины одновременно обернулись, Курт хлопнул себя по лбу.

— Вот опять! Увлекся. Забыл, у меня попутчик, — проговорил он. — Знакомься, это ворг. Как тебя, кстати, звать?

Гоблинша испуганно попятилась, шаря рукой. Ищет, чего бы твердого ухватить.

Курт поспешно заверил:

— Успокойся, он свой. В смысле, не кидается.

Она с сомнением покосилась на меня. Чтобы гоблин доверял воргу, нужна веская причина. Впрочем, правило работает и в обратном направлении. Зеленокожим тоже не очень-то верят. Те еще хитрюги. Хотя воины первоклассные.

Я приветственно оскалился. Не знаю, насколько дружелюбно получилось, но я старался. Волосы на затылке встали дыбом, это на всякий случай, чтоб видела: хищника надо уважать, даже если спокойный.

— Лотер, — сказал я. — Меня зовут Лотер. Но чаще называют воргом.

Курт неловко повел плечами, видимо, недоволен, что испортил впечатление. Так радостно хвастался красным огоньком над крышей, а тут и лошадь убили, и семейные склоки посреди поля.

— Это моя сестра Азута, — сказал он и кивнул в ее сторону.

— Да я уже понял, — ответил я.

Гоблинша перестала пятиться, сложила руки на груди и сдвинула брови.

— А чего ты его ко мне притащил? — спросила она. — Слышал, сколько золота обещают за голову вора?

Он набычил лоб и оскалился.

— Если сдашь гвардейцам, твою голову повешу вон на тот столб. Он мирный. К тому же должен мне.

Глава 2

Спустя несколько минут объяснений и уговоров Азута согласилась пустить меня в дом, но не дольше чем на ночь. Хотя мне не обязательно спать под крышей — обернусь барсуком, отлежусь в какой-нибудь норе. Но в домашнем тепле приятно.

Оказалось, сестра Курта хорошо готовит. Мой звериный аппетит ликовал и пел песни поджарке из свинины с луковыми колечками, свежему сыру и пирогам с мясом.

Гоблины с изумлением смотрели, как я поглощаю одну порцию за другой. Мне даже неловко стало, но остановиться сложно. После отравленной баранины ничего не ел.

Наконец в желудке приятно потяжелело, я откинулся на спинку стула и перевязал веревку на поясе. Живот не выпирает, и это хорошо. А то ходил бы как огр, с торчащим пузом наперевес.

— Ты всегда такой проглот? — осторожно поинтересовался гоблин, кивая сестре на тарелки.

Та поднялась и собрала тарелки. По выражению ее лица понял: нести добавку не намерена. Будто я опустошил кладовую.

— Понимаешь, — начал оправдываться я, — у воров хороший аппетит. Это из-за превращений.

— В каком смысле? — спросил гоблин.

— Они много сил забирают, — пояснил я. — Поэтому если едим, то от души. Вы извините, что так накинулся.

Зеленомордый отмахнулся.

— Да ерунда, — сказал он. — Все равно это не мои запасы. А сестрино фермерство процветает.

— Рад за нее, — искренне сказал я.

— Но ты это, поосторожней, — все же предупредил он. — Раскабанишься, точно перевертываться не сможешь.

Я вытер пальцы о волосы, помыть их, наверное, стоит, а то плохо уже справляются со своим назначением. Хотя мыл месяц назад, а часто этого делать нельзя — повыпадают еще.

— Ты когда-нибудь видел толстого вора? — спросил я.

Гоблин пожал плечами и ответил:

— Да я вообще никаких воров не видел. Ты первый.

— То-то же, — сказал я значительно. — Ворги не толстеют. Если бы ты по сто раз на день перекидывался в лису, в медведя или еще в какую тварь, тоже не толстел бы.

— Я и не толстею, — произнес Курт обиженно и указал на рельефный живот.

Под зеленой кожей восемь кубиков. Ему и правда ожирение в ближайшую пятилетку не грозит, если не осядет на ферме. Хотя в таверне яд сделал свое черное дело и дорисовал гоблину насколько жирных складок под пупом.

— Да я не говорю, — поспешил оправдаться я, — я просто это... Ну... В общем неважный из меня объяснительщик.

Пока мы разговаривали, сестра Курта развела огонь в очаге и поставила котел с водой. Удивительно, как таскает тяжести. Хотя она метнула в нас бревно и убила лошадь. Если вдруг предложу помощь — еще обидится и зашибет в сердцах.

Из кухни вернулась с тремя кружками кобыльего молока. Она поставила передо мной ту, что побольше, и уселась рядом на скамейку. Наверное, по гоблинским меркам она красивая — любят они поклыкастее.

— Так куда направляешься? — спросила Азута, отхлебнув из кружки.

На толстых губах осталась белая каемка. Она быстро вытерла тыльной стороной ладони, взгляд стал строгим. Даже поежиться захотелось.

— Курт говорит, в Межземье. Из-за охоты на воров, — ответил я и тоже отпил из кружки.

На вкус молоко оказалось сладким и чуть терпковатым. Раньше не пробовал, но слышал, что полезное. Да и не стали бы гоблины пить всякую дрянь — слишком любят себя.

Азута кивнула.

— Дело говорит, — сказала она. — В Восточном крае нынче неспокойно. Нежить шляется по лесам, вместе с гвардейцами отлавливает воров.

— Убивают? — с опаской спросил я.

— Официально говорят, что сгоняют на псарни, — ответила гоблинша. — Почему туда, непонятно. Но один гном недавно болтал, мол, на самом деле Ильва с нежитью самолично гоняется за ворами и уводит

в склепы. Зачем — тролль ее знает. Тот же гном утверждал, мол, для превращения в нежить.

Меня передернуло. Ворг-нежить — противостоит естественно.

— Не верю, — проговорил я.

Азута пожала плечами и залпом осушила содержимое кружки.

— И я так сказала, — произнесла она. — Но гном клялся своей секирой, что лично видел толпу нежити.

— Удивила, — бросил я.

— Да? А закованный ворг на цепи среди них? В Мертвую степь небось тащили.

Я задумался. Если рассказ Азуты — правда, нашему брату грозит не то что вымирание. Вечное рабство у хозяйки мертвяков! Это хуже самой позорной смерти. Лучше сразу кинуться со скалы, чем до конца времен прислуживать Ильве.

— Это просто смешно, — сказал я нервно. — Нежить боится нас.

Курт допил молоко и отставил кружку на край стола. Глаза покраснели, наверное, давно не спал. А может, перед костром где-то долго сидел.

— Вообще-то, на их месте я бы тоже вас отлавливал, — сказал он, потягиваясь. — Знаешь старую гоблинскую поговорку? «Не можешь победить врага — сделай его союзником». Способ у них не очень, но делают четко.

— Хочешь сказать, — решил уточнить я, — из страха нас в нежить превращают?

— А из-за чего же? — удивился Курт. — Вы их главные враги. Остальные как-то уживаются с Мертвой степью, а вы то и дело навешиваетесь.

Я оскалился и проговорил:

— С каких пор набеги на человеческие деревни стали мирным «уживанием»? Да и не часто мы наведываемся. Ну приходила стая пару раз, ну утащила несколько мертвяков. Я подростком тогда был. И что? Они все равно множатся как зайцы. А кости их самые что ни есть полезные.

— Чем это? — поинтересовался гоблин.

— В них особый сок. Улучшает превращение, — ответил я.

Азута прикрыла губы ладонью.

— Фу, гадость какая, — сказала она, вставая из-за стола. — Ворг ест нежить. От одной мысли желудок к горлу подступает.

— Можно подумать, отрубать им голову менее противное занятие, — произнес я.

Сестра Курта собрала кружки, уместив в одной ладони все три. Все-таки она слишком массивна даже для гоблинши. Хотя все южные гоблины высокие и крепкие. Зато их собратья на севере — низкорослые карлики со скрипучими голосами. Ломятся на работу в таверны Межземья, там хорошо платят, хоть и приходится пахать без продыху.

— Ты вот что, Лотер, — сказала она, направляясь в кухню, — раздевайся.

Я вытаращил глаза. Курт, спокойно ковырявший в хлебном мякише, замер. Палец так и остался в хлебе, гоблин с недоумением посмотрел на сестру.

Вода в котле забурлила. Капли шипят, попадая на дрова. Ощущение, что за очагом клубятся маленькие змейки.

— Болваны, — сказала Азута строго. — Ворг, будешь мыться. Я не дам ложиться на чистые просты-

ни. С тебя грязь комьями отпадает. И разит. Даже не пойму чем. Случайно в козлином загоне не ночевал?

Я облегченно выдохнул. Сестра Курта высокая и статная, но гоблины — точно не мое.

Зеленомордый вытащил палец из хлеба и обтер его о штаны. Послышался сдавленный смешок. Я бросил суровый взгляд на гоблина, тот хмыкнул и прищурился.

— Ну, — начал я, — может, и ночевал. Теперь уже не помню. Был какой-то постоялый двор на краю Центральных земель. Мест не было, но овчарня теплая и уютная.

— Ужасно, — сказала Азута брезгливо. — Ест всякую дрянь, спит где попало. Поди, еще разбойник. Одно слово — ворг.

— Ну-ну, — предостерег ее брат. — Ты не больно наседай на него. Все-таки хищник, хоть и должник.

Он опасливо покосился на меня.

Холка встала дыбом, ощутил, как клыки стали удлиняться. Не обращение, конечно, так — свирепство. И опять это странное чувство, что за мной кто-то следит. Я глухо зарычал, но когда поймал на себе строгий взгляд Азуты — все моментально улеглось. Говорят, что нет ничего страшнее разозленной женщины, а гоблинская она или гномская — без разницы.

Я понял, если действительно улягусь грязным на ее белье — головы не сносить. И оборот в медведя не спасет. Когда хлестают мокрым полотенцем, мало того, что больно, так еще и обидно.

— Уговорила, — сказал я побежденно. — Буду мыться.

Азута самостоятельно вытащила огромную дубовую лохань на середину комнаты. Долго возилась с установкой, чтоб не шаталась. Хотел помочь, но Курт

остановил, шепнув на ухо: — Не суйся. Решит, будто сочли хилой.

Молча наблюдали, как она наполняла лохань то горячей, то холодной водой. Если первую вылила прямо из котла в очаге, то вторую пришлось несколько раз таскать из бочки, что в сенях.

— Прошу купаться, — пригласила она и отошла в сторону. — Гостю положено мыться первым. Потом ты, Курт.

Гоблин взмолился:

— А меня за что?

— Еще спасибо скажешь, когда чесаться перестанешь, — пробурчала Азута, удаляясь из комнаты.

Мы несколько секунд молча смотрели, как от воды поднимается пар. Гоблинша не забыла накапать в лохань несколько капель пихтового масла, теперь вся комната наполнилась приятным хвойным запахом. Может, оно и правильно — мыться почаще, может, и шкура зудеть перестанет. Но не мужское это дело. И точно не ворговское.

Курт уперся ладонями в колени и поднялся.

— Ну, я это, пошел, — сказал он на выдохе. — Ты плескайся, а я с сестрой о семейном потолкую. Как намоешься — кричи. Слишком не старайся, а то сороки утянут.

Гоблин вышел, затворив дверь, чтобы не выпускать теплый воздух. Ночи в Восточном крае холодные, хотя днем жарко.

Я скинул скромную одежду — штаны и рубашу с широким воротом. Мешок с золотом бросил на стол и опустился в лохань. Мягкое тепло растеклось по телу. В домашних условиях купаться приятней, чем в холодных ручьях и реках.

Несколько минут лежал не двигаясь, привыкал к новым ощущениям. Несколько раз чуть не уснул. Потом вымыл волосы оставленным на бортике мылом. Теперь буду пахнуть пихтой. Не то чтобы это плохо, но слишком уж сильно. Я должен пахнуть дорогой и пылью.

Спустил пятнадцать минут вылез на маленький коврик возле лохани. Хотел отряхнуться по-волчьи, но заметил на стуле отрез ворсистой ткани — специально для меня положили. Пришлось воспользоваться.

Все же надо признать: чистота приятна, хоть и слишком хлопотна. Именно поэтому она так подходит гоблинам, эльфийкам, гномкам и остальным женщинам.

Когда был маленьким, стая жила на опушке Изумрудного леса. У нас предпочитали перекидываться в волка. Уж не знаю — то ли традиция, то ли еще что-то. Я тоже привык к волчьему облику. Раз в неделю мать гоняла с братьями на ручей. Тот тек откуда-то из Мертвой степи и был жутко холодным. Люди брезговали подходить к нему из-за суеверий, а нам было плевать. Гораздо ужасней сам процесс омовения: с разбега прыгаешь в ледяную воду и барахтаешься, пока не разрешат вылезти. Еще и с головой нырять заставляют.

Я насухо вытерся, даже на голове волосы умудрился подсушить — хорошее полотенце, рыхлое. Затем быстро оделся и вышел в сени.

Там обнаружил Курта и Азуту, тихо о чем-то беседующих. При моем появлении гоблин дернулся, на лице отразилось раскаяние, словно втихую сожрал недельную провизию.

— А, Лотер, — сказал он расстроенно. — Уже? Думал, будешь не меньше часа там плавать.

Я виновато развел руками:

— Что поделать — не могу долго в воде сидеть. Детская травма.

Азута с критическим видом осмотрела меня сверху вниз и обратно.

— Не похож ты на травмированного, — проговорила она. — От слова совсем.

Курт потер кончики клыков пальцами и обратился к сестре:

— Слушай, пойди проверь, как там овцы у тебя. Не голодные?

Азута нахмурилась так, что надбровные дуги сошлись на переносице.

— Нет у меня никаких овец, — сказала она обиженно.

— Ну, тогда козы, — предположил гоблин. — Козы есть?

— Есть, — фыркнула Азута и вышла вон из сеней.

Я удивленно хмыкнул. Гоблины, а все равно следуют внутренним правилам. Наверное, сестра младшая, иначе не стала бы слушать, как отправляют подышать из собственного дома.

Раньше как-то не было надобности общаться с гоблинами. Теперь оказывается, они гостеприимны, еще и к старшим почтительны. Я всегда считал зеленомордых дикарями. Хотя сам ни много ни мало — ворг.

Когда мы остались одни, Курт оглянулся на двери и немного помялся. Такие телодвижения обычно предвещают что-то вроде: «Слушай, тут такое дело...»

— Слушай, — начал гоблин. — Тут такое дело. Азута торгует провизией с лордами Центральных земель, а они, сам понимаешь, напрямую связаны с гвардейцами и королем.

— Понимаю, — сказал я, чувствуя, как приподнимается шерсть на загривке.

— В общем, — проговорил гоблин, — в конце недели к ней приезжают за товаром. А завтра как раз конец.

Гоблин виновато посмотрел на меня и закричал, потирая затылок. Я сделал два глубоких вдоха, зверь внутри успокоился, шерсть улеглась. Зеленомордый и так помог — не дал ограбить в таверне. Теперь придется долги отдавать.

— Да ладно, — сказал я ободряюще. — Понимаю. Утром уйду, даже следов не останется.

— Да неудобно как-то, — пробормотал Курт. — Вроде сам притащил в дом. А теперь гоню. Негостеприимно.

Даже смешно стало — гоблин, рассуждающий о гостеприимстве, плохо сочетается со свирепой физиономией и крашаром, который, наверное, даже в постель берет.

Он вытащил из кармана небольшую коробочку. В ней оказалась красноватая густая масса с приятным запахом.

Я покосился на коробку. Слышал, что гоблины жуют какую-то гадость для роста зубов и крепости бивней. Но никогда не видел.

— Успокойся, — проговорил я. — Дело житейское. Не хочу навязываться. И так задолжал.

— Ну это да, — согласился гоблин. — Ты сказал, что отдашь долг. Почему-то кажется, не врешь.

Зеленомордый поковырял в коробочке, часть массы осталась на пальце, он сунул его в рот. Я наблюдал, как гоблин медленно жует, периодически чавкая из-за того, что бивни приоткрывают губы там, где должны

смыкаться. Несколько секунд он будто не видел меня, затем пришел в себя и протянул мне коробочку.

— Попробуешь? — спросил он. — Бесценный опыт.

Зубы гоблина окрасились в бордовый цвет, создавалось впечатление, что он только что загрыз кого-то и намеренно демонстрирует окровавленные резцы.

— Сомнительная гадость, — сказал я приняхиваясь.

Гоблин подsunул мне коробку под самый нос и проговорил обиженно:

— Никакая не гадость. Очень даже приятно на вкус. Это батлок. У Азуты целая плантация за пшеничным полем.

— И зачем он?

— Мы всегда его жуем, чтобы клыки и бивни укреплять, — пояснил гоблин. — Ну и вообще, гоблинам полезно.

Я с сомнением посмотрел на красную пасту в коробке. В плотной массе видны черные вкрапления и длинные прожилки. Не очень аппетитно.

— А это что? — спросил я и указал на черные точки.

Гоблин поднес коробку к самому носу и стал приглядываться. Через секунду лицо Курта просияло.

Он снова протянул мне короб и сказал довольноно:

— Это колотые орехи и мак. Да бери уже. Думаешь, я каждому предлагаю батлок из своей коробки?

Делать нечего, пришлось согласиться. Я подковырнул тягучий шарик пасты и отправил в рот. На вкус батлок оказался сладковатым и немного пряным. Я старался жевать как можно медленнее, чтобы в случае неожиданностей успеть выплюнуть. На зубах захрустели орехи и маковые зерна. Голова моменталь-

но стала легкой и пустой, мысли о гвардейцах, Ильве и нежити показались незначительными. Даже удивился — зачем вообще о них думал.

Рот наполнился вязкой слюной. Я стал быстро глотать, чтобы не потекло изо рта.

— Во-во, а теперь плюй сюда, — сказал гоблин и подал небольшую миску, где уже лежала одна пережеванная порция.

Я выполнил его требования и вытер губы рукавом. Не то чтобы совсем противно, но я предпочитаю мясо и кости. Даже если обращаюсь птицей, то непременно хищной. Но ощущения от батлока интересные.

— Голова немного чумная, — сказал я, сплевывая в миску.

— Это потому, что ты ворг, — проговорил гоблин. — Сейчас пройдет. В ближайшие пять минут не перекидывайся.

— Почему это? — спросил я настороженно.

Гоблин поставил миску с остатками бетеля на полку с кувшинами и протянул мне кружку воды.

— Не получится.

— Что-о? — зарычал я.

— Да, говорят, на воров странно действует, — ответил Курт. — Затормаживает, что ли. Это не страшно, просто надо подождать чуток и воды попить.

Я схватил кружку и буквально опрокинул в глотку. Голова перестала кружиться, мысли потекли ровные и четкие. Ну, слава богам и матери природе — нормализовалось.

— Зачем ты мне его подсунул? — спросил я глухо, чувствуя, как начинает дыбиться холка.

Курт не растерялся, видя мою перемену, положил пальцы на крашар и отшагнул.

— Да успокойся, ворг, не сердчай, — проговорил он осторожно. — Я из добрых побуждений. Мало ли где столкнешься, чтоб знал, так сказать, ощущения.

— Предупреждать надо, — процедил я.

Шерсть на загривке все еще торчит, дыхание участилось. Не нужна мне такая забота. Лишить ворга возможности перекидываться — все равно что убить, превратить в слабого и беззащитного человека. Без оружия люди всего лишь ягнята на бойне, а ворг без превращения — совсем жалкое зрелище.

— Я не просил о такой услуге, — прорычал я, чувствуя, как удлиняются клыки.

— Спасать из таверны тоже не просил, — сказал гоблин и присел на полусогнутых, занимая удобную для атаки позицию.

Курт верно говорит. Если бы не он, меня не только обобрали бы, но, возможно, пришили где-нибудь за углом. Тут не Межземье с зачарованными тавернами, где нельзя убивать. Это Восточный край, здесь черт знает, что творится.

Но ярость уже потекла по жилам.

Из глотки вырвался звериный рык, по хребту прокатилась горячая волна. Без оборота я лишь немного меняюсь — отрастают клыки с когтями, шерсть встает дыбом, глаза загораются красным.

Курт выхватил ятаган и занял боевую стойку. Биться с гоблином — плохая идея: они с малолетства приучены обращаться с крашаром. Даже картошку ими чистят.

Только я не щенок. Много было драк, даже с троллем бился. Того убить почти нереально, но обдурить — только в путь.

Мир накрыла красная пелена, я чуть подался вперед и наклонил голову, изворачиваясь для броска. Го-

блин перекинул ятаган из ладони в ладонь и выставил бивни перед собой.

Когда я готов был кинуться, дверь на улицу открылась и вошла Азута с ворохом мокрого белья в корыте.

Секунду она наблюдала немую сцену, затем бросила корыто, на лету выхватив мокрое полотенце.

— Ах вы бестолочи! — крикнула она, замахиваясь то на одного, то на другого. — Вы что собираетесь устроить? Завтра гвардейцы приедут. Что я скажу, когда увидят погром после ваших игрищ? А если с собаками придут? И так воргом все пропахнет.

Вид бесстрашной гоблинши с мокрым полотенцем в руках немного отрезвил, красная пелена спала.

Все еще часто дыша, я прорычал:

— Он мне батлок подсунул.

Азута наигранно всплеснула руками:

— Ах ты, батюшки, какой мягкотелый ворг. Ты что, вчера родился? На кой леший его жрал? А ты? — Она обратилась к брату: — Совсем, что ли, сдурел?

Курт зыркнул на сестру, косясь на меня одним глазом, и сказал:

— Я предупредить хотел. Нежить прознала, как батлок на них действует. Ворги-то о нем слухом не слыхивали.

— Да плевала я, что ты хотел! Заботливый какой! — взорвалась Азута. — Вечно от тебя неприятности. Таскаешь в дом кого ни попадя.

Она стояла с грозным лицом, замахнувшись полотенцем. Я думал, насколько нужно быть бесстрашной и уверенной, чтобы вот так накинуться на ворга и гоблина.

Ярость как-то сразу улеглась, даже стало немного стыдно — вспылит из-за мелочи. Хотя, с другой сто-

роны, совсем не мелочь, но можно было обойтись без стычки.

Ко мне вернулся прежний вид — загривок улегся, зубы стали человеческими. Курт, глядя на меня, тоже убрал ятаган, но таки остался в полуприседе.

— Вот и чудненько, — сказала гоблинша, — Курт, дуй мыться. Ворг — пожалуйста спать. Я постелила в кухне на лавке. Там широко, уместись.

Долго уговаривать не пришлось, после такого всплеска самое лучшее — нормально выспаться. Я на всякий случай бросил грозный взгляд на Курта и прошмыгнул на кухню.

По рассказам слышал, что гоблины строят не кухню в доме, а дом вокруг кухни. Так и оказалось: широкая жаровня с углублением для котлов, несколько веревок для копчения и куча полок с посудой.

Пол под ногами глухо скрипнул. Ага, вниз подвал. Его специально для долговременного хранения провизии делают. В наших жилищах такого нет, потому что в землянках селимся. Вообще, все, что ловится, съедается в ближайшие дни.

В углу нашел застеленную белыми простынями лавку, подушку из соломы и даже небольшое шерстяное покрывало. Мне не нужно, но на душе потеплело.

Я лег, не раздеваясь, и тут же уснул.

Глава 3

Снилась ерунда: толпы нежити, убегающие ворг. Я сам почему-то был нежитью. Кидался на своих и возносил славу Ильве.

Проснулся оттого, что кто-то трясет за плечо. Первым желанием было вцепиться в глотку, но потом учуял запах гоблина и открыл глаза.

Курт опасно трепыхал меня, пытаясь привести в сознание. Лицо гоблина встревоженное, лоб от усердия сморщился, глаза вытаращились.

Наконец, заметив, что я проснулся, отпустил и быстро заговорил:

— Фух. Я уж начал думать, что не получится. Мало ли, как крепко вы спите.

Он покосился на дверь и продолжил:

— Вот что, ворг. Бежать тебе надо. Гвардейцы приперлись с утра, Азута во дворе их отвлекает, а они все норовят зайти в дом.

— Зачем?

— Жрать хотят, что ли, — бросил гoblin. — Будто мало им товара, дармоеды.

Я сел и потер ладонями щеки, чтобы сбросить остатки сна. Гвардейцы — это плохо, даже с моими звериными навыками против вооруженной толпы не попрешь. Хотя попробовать можно, правда, не уверен, что выживу.

Гoblin метнулся к сундуку возле стены и стал толкать. Несколько секунд сундук стоял неподвижно, потом половицы скрипнули, он медленно пополз в сторону.

— Как Азута тягает это одна? — пыхтя, удивился гoblin. — Настоящая гoblinша.

Курт поковырял пальцами в досках, через несколько секунд между щелей показалась тонкая ручка. Он дернул на себя и открыл вход в подвал.

— Давай сюда, — проговорил он и снова глянул на дверь. — Спустишься вниз, дойдешь до конца. Там между винными бочками и мешками с репой тряпка на стене. За ней дверь в тоннель.

— К гномам, что ли? — недоверчиво спросил я.

Гоблин покачал головой:

— Нет. Наверх. Только не сворачивай никуда. Азута сама копала. Кто ее знает, куда ведут ее тоннельчики.

Остатки сна окончательно испарились, я подскочил с лавки и мигом оказался у подвала. Попадаться гвардейцам нет ни малейшего желания, особенно после того, как наслушался от гоблинов последних новостей.

— А ты? — спросил я, впопыхах выслушив воду из кувшина.

Гоблин махнул рукой.

— А чего я? — ответил он беспечно. — Я тут в гости у сестры. Чего они мне сделают? Хорошо, хоть без собак пришли. За укрывательство вора — смерть.

Для убедительности он сомкнул пальцы у себя на шее и скривил рожу, как у висельника.

— Спасибо, гоблин, — сказал я, спускаясь по земляным ступенькам. — Теперь я совсем твой должник.

— Ага, — согласился зеленомордый. — Ты это, извини за батлок.

Я уже достиг дна подвала. Внизу пахнет сыростью и чем-то земляным, будто на кладбище дождевых червей и мокриц. Хотя именно так должны пахнуть подвалы. По стенам ползают жучки с зеленоватыми светящимися брюшками. Не очень яркие, но позволяют ориентироваться в темноте.

Я поднял голову и глянул на клыкастую физиономию гоблина. Тот с нервным ожиданием заглядывает в проход. По выражению лица видно: хочет побыстрей закрыть крышку и придвинуть сундук на место.

— Ладно, — сказал я, махнув рукой. — Опыт и впрямь бесценный.

Гоблин облегченно выдохнул и опустил деревянную крышку. Подвал моментально погрузился во мрак, даже жучки-светлячки не помогли. Наверху слышался скрежет — гоблин задвинул сундук. Затем раздались удаляющиеся шаги.

Итак, один. Всегда один.

Что там гоблин говорил про тряпку?

На ощупь добрался до противоположного конца подвала, он оказался большим. Обычно их роют шириной чуть уже, чем дом. В крайнем случае — соразмерно. Но тут помещение больше раза в два.

Пока шел, ощупывая пальцами стены, находил полки с кувшинами, склянки, мешки с разным добром. Пару раз под ногами кто-то пронесся, будто нарочно пытался обозначить свое присутствие. Обычные мыши, а все туда же, все норовят заявить права на территорию.

Наконец добрался до винных бочек и мешков с репой. Пошарил рукой перед собой — тряпка и правда висит. Из грубого ворса и с запахом, говорящим, что не снимали ее лет десять.

Я осторожно отодвинул завесу и толкнул дверь. Створка осталась на месте, видимо долго не использовалась. Пришлось изрядно попотеть, прежде чем она сдвинулась и поползла в сторону.

До конца открывать не стал. Как только щель оказалась достаточно широкой, я протиснулся внутрь и затворил дверь. Никогда не понимал тех, кто при побеге оставляет очевидные следы.

Если в подвале было просто темно, то здесь вообще безнадежная чернота. Принюхался — все тот же запах земляных червей.

Я кинулся вправо и с силой ударился головой о стену. Думал, что недостаточно твердая, оказалось — зря. Плотности земли хватило, чтобы начать превращение.

Меня перевернуло три раза, в голову ворвались звуки и запахи, недоступные для человеческих органов чувств. Секунду назад было тихо, но теперь слышно, как в двух шагах в стене копает крот, где-то скрипит мышь, а копошение червей — вообще не в счет, шелестят как фон.

Но самое главное — чую дорогу. В темноте еле заметно тянет пшеницей и лесом.

Я довольно щелкнул зубами и потрусил на четырех лапах по извилистому тоннелю. Не знаю, что имел в виду гоблин, говоря «не сворачивай», потому что не свернуть — задача на миллион золотых. Если бы не перекинулся волком, заплутал бы на первой развилке.

Когда мир вокруг яркий и сочный, удерживать мысли в человеческом русле сложно. Так и хочется взвыть и кинуться куда глаза глядят. Но в тоннеле у глаз выбор не велик.

Рубаха нелепо повисла поверх шерсти, штаны свалились. Пришлось скомкать и взять в зубы — не хочу потом голым по лесу бегать. И так пришлось отказаться от обуви, хожу в рванине, как скиталец.

Тоннель невыносимо длинный, местами с резкими поворотами, провалами и повышениями пола. Азуте надо было не фермерством заниматься, а строительством. Вот уж действительно — серьезно подошла к вопросу.

Мелькнула мысль о короле, из глотки произвольно вырвался рык. Как король мог так поступить с воргами? Мы сражались на его стороне, когда Ильва напала на Центральные земли. А теперь с ней в сгово-

ре, предатель. Говорила мне мать: не доверяй никому, верь носу и зубам. Хотя к людям относилась с теплотой и пониманием, как к несмышленным детям, которые по неведению топчут палисадник с редкими цветами. Наверное, из-за нее чаще бываю человеком, чем волком или медведем. Никогда не забуду ее прощальный вой, когда уходил из стаи.

Не знаю, сколько бежал. Земля набилась в лапы и местами противно чавкает из-за грунтовых вод.

Наконец запах поверхности стал сильнее. Я перешел на быструю рысь. Галопом нельзя — слишком уж неудобный тоннель. Через несколько минут выбрался наружу и огляделся.

Еще утро, но солнце успело нагреть поле, день будет жарким. Гроза так сюда и не дошла, наверное, пролилась где-то за лесом, в Мертвой степи. В воздухе чувствуется влага, но это ненадолго. В поле вообще влажный воздух — редкость.

Ферма осталась далеко позади, но даже отсюда видно красный огонек над домом. Принюхался — ах ты черт! — не чую. Ветер с моей стороны. Надо шевелиться, гвардейцы без собак, но все равно неудобно, когда знаешь, что твой запах разносится по всему полю.

Перекидываться не стал, ухватил поудобней штаны и кинулся в глубину Изумрудного леса.

Когда удалился на приличное расстояние, решил передохнуть и собраться с мыслями. Надо, в конце концов, понять — что делать и куда идти.

Я стукнулся головой о ближайшее дерево, ствол отозвался недовольным гудением. В макушку ударились пара желудей, не больно, но настойчиво. Будь я эльфом — извинился бы перед дубом. Но я, слава богам, не эльф.

Все снова стало обычным: деревья как деревья, трава как трава. Никаких тебе звуков за версту, ни запахов. Только шелест листвы да шорохи в кустах. Хоть на этом спасибо. Людям сложно обходиться таким скудным набором чувств, потому вечно придумывают новые способы защиты. Мечи, топоры, ятаганы. Хотя нет, ятаганы — это у гоблинов.

Я натянул штаны и подвязал вшитой веревкой. Удобное устройство, особенно если постоянно перекидываешься в кого попало. Немного посидел под деревом, вычищая грязь между пальцами.

Значит, Ильва придумала безумный план по захвату Центральных земель и, видимо, Восточного края. Чтобы обезопаситься от единственных серьезных врагов — воргов, решила превратить нас в мерзких чудовищ, которыми может руководить. Короля связала по рукам и ногам с помощью умирающей принцессы. Получила серьезное влияние на двор, но этого Ильве, естественно, мало. Алчная тварь. Но план хороший.

Действительно, лучше отсидеться в Межземье.

Внутри зашевелился червячок сомнения — а как же стая? И другие ворги, которые попадут в лапы нежити. Будут порабощены?

Я тряхнул головой, выгоняя беспокойные мысли. Из стаи ушел по всем законам. Как они теперь и что — их личное дело. Остальные ворги — на то они и ворги, чтобы уметь позаботиться о себе.

В Межземье так в Межземье. Там хоть и безвластие, зато хоть таверны нормальные.

Я поднялся и двинулся на восток, сквозь заросли крапивы.

Плотная ткань штанов не дает жгучим волоскам добраться до кожи. Хорошо, что торговец в городе убе-

дил купить. Я еще жмотился: четыре серебряных — это не слабо. Но торгош убеждал, что таких штанов больше нигде не найду, клялся в безусловной прочности и легкости. В общем, купил и теперь рад.

Солнце пробивается сквозь листву, лучи рассыпаются солнечными зайчиками по земле. Изумрудный лес назван так из-за того, что осенью листья на деревьях не желтеют, а начинают пылать ярким зеленым светом, похожим на цвет изумрудов из Черных рудников. Рудники не видел, но много слышал. Сейчас лес не отличается от других, если не считать, что теперь тут шатается нежить. Хотя не знаю, может, в других лесах тоже шатается.

Слева хрустнуло. Я резко обернулся, в кустах шиповника застыла вытянутая рожа с пятном серой гнили на щеке. Волосы на половине головы отсутствуют, кожа тоже, правая часть черепа белая и блестящая, как очищенное яйцо.

Глаза мертвяка немигающе уставились на меня, во взгляде безнадежность и смирение.

Я глухо зарычал и присел, изготавливаясь к атаке, губы расплылись в хищной ухмылке.

— Страшно тебе? — спросил я, вытягивая клыки. — Нежить.

В груди все заклокотало, ярость накатила плотной волной и превратила кровь в венах в кипящую лаву. Перекидываться не стал, достаточно клыков и когтей, чтобы разорвать мертвяка на части. А потом с наслаждением хрустеть нежными косточками.

— Молись Ильве! — проревел я и кинулся на полутруп.

В этот момент мертвяк с неожиданной прыткостью отскочил назад. Откуда-то раздались хриплые голоса:

— Руби канаты!

— Не дайте ему удариться головой!

— Осторожно, не подходите к краю!

В прыжке успел подумать: к краю чего? Ответ появился подо мной в виде глубокой ямы с широким дном и узким входом. Сверху что-то упало, я попытался перевернуться, но запутался в сетке. Через секунду стукнулся боком о дно и перекатился на спину.

Сквозь дырки в сетке увидел, как за край ямы заглядывают изъеденные гнилью лица. Когда-то были вполне себе человеческими, возможно, даже красивыми. Теперь это всего лишь живые трупы, которые сами удивлены собственной смелости. Нежить, ловящая вора, — что-то совсем невозможное.

От веревок пахнет чем-то знакомым и сладковатым. Секунду пытался вспомнить, и тут осенило: батлок!

Глава 4

Пока нежить удалилась размышлять, как еще больше обезопаситься, я пытался удариться головой обо что-нибудь твердое. Пол ямы целиком состоит из земли, перемешанной с глиной, и все попытки потерпели провал. Кроме того, мертвяки предусмотрительно пропитали веревки бетелем. Я-то думал, он влияет на превращение, только если принять внутрь.

Спустя полчаса ползанья нашел окаменевший кусок глины и как следует стукнулся. Перекинуться в мышь или крысу сейчас самое то.

Из глаз посыпались искры, острая боль растеклась по затылку. Обычно оборот поглощает все ощущения, но сейчас превращения не произошло. На затылке теперь будет огромная шишка, а я все еще пленник в яме у мертвяков.

Значит, контакт с бетелем тоже блокирует оборот. Прекрасно, буду знать. Главное — понять, как это применить.

Поковырялся в памяти, глядя на небо сквозь зеленые кроны. Гоблин говорил, надо воды попить и подождать. Только воды нет.

Чувство беспомощности вызвало новый приток ярости, я зарычал в бессильной злобе и дернулся в сторону в надежде, что сетка где-нибудь прорвется. Но мертвяки и это предусмотрели — оставили веревки мокрыми, а такие только троллю по зубам.

Доберусь я до вас, полутрупы! Костей не соберете, в прямом смысле.

— Что вам надо? — зарычал я. От злости голос стал похож на медвежий.

Из-за края снова появилось лицо мертвяка, видимо, главный. На груди сверкает здоровенная колба, у рядовых обычно поменьше.

Он чуть наклонился, мутные глаза прищурились. Из-за гнили нос провалился, волосы полностью выпали, но кожа почти не сморщилась, только челюсть немного отвисла.

— Ты не такой страшный, как говорят, — сказал мертвяк шипящим голосом.

— Погоди... — процедил я.

— Думал, будет труднее, — продолжил полутруп. — Готов ли ты, зверь, пополнить непобедимые ряды нежити?

Мне аж поплохело. Помню, что рассказывал Курт о задумке Ильвы, но это казалось далеким и нереальным. А тут вот они, трупачи, завлекают меня к себе.

Я с трудом перевернулся, лежа попытался выпрямиться — ноги быстро затекли в неудобном положении.

— Не дожدهшься, — ответил я зло. — Лучше себе горло перегрызу.

Мертвяк захихикал и пнул землю. Мелкие крупинки посыпались с края ямы прямо в глаза. Роговицу сразу больно защипало. Самое обидное — даже потеть не могу, руки запутаны.

— Я посмотрю на это, — прошипел он, словно лопнувший пузырь. — У тебя будет такая возможность, когда перейдешь к нам. Нежить могущественна.

С этими словами он отсоединил кисть от руки. Из раны капнуло несколько капель вязкой жижи со знакомым запахом. Едва успел увернуться, чтобы не попало на лоб. Затем мертвяк приложил конечность обратно. Тихо чавкнуло, и кисть снова приросла на место. Он довольно пошевелил пальцами, на перекошенном лице появилась ухмылка.

Я хотел бросить что-нибудь резкое, но передумал. Лучше помалкивать, так им будет сложнее найти ко мне подход, если, конечно, станут искать.

Мертвяк скрылся, а я остался на дне ямы, предоставленный сам себе. Это главная ошибка. Нельзя оставлять вора без присмотра, даже если в плену.

Мокрые веревки, пропитанные бетелем, — это, конечно, разумно. Но когда-нибудь они высохнут. А озвериться, поднапрячься могу и в человеческом облике, этого мертвяки не предугадали. Нужно только немного подождать.

Около часа пришлось лежать почти неподвижно в открытой позе, чтобы сетка подсохла. Слышно, как наверху нежить тихо переговаривается загробными голосами, что-то обсуждает, спорит.

От земли тянет промозглым холодом и сыростью. Спина задубела, онемела шея. Я чуть приподнялся на локте и покрутил головой. Кровь из всего тела в один момент устремилась в череп, перед глазами забегали крошечные звездочки. Дождавшись, пока прекратится мельтешение, я ухватился за веревки и потянул в разные стороны.

Волокна затрещали, но не поддались. Спустя пять минут безуспешных попыток понял: тянуть надо всем телом. Сто раз пожалел, что не могу перекинуться, иначе уже давно был бы на свободе и с полным желудком. Как они вообще умудрились меня поймать? Странно, что не услышал и не учуял. Магия замешана. Это все Ильва, чтоб ее!

Пока думал, голоса наверху стали оживленнее, если это применимо к нежити. Послышалась беготня и стук камней.

— Кристаллы ставь по кругу, — захрипел кто-то из мертвяков. — Призыв не сработает, если криво будет.

— Ты слишком беспокоишься, — ответил другой сиплым голосом. — Ильва не придиричива к обстановке, а вот за неугодный результат может оторвать голову.

Я наострил уши. Если они готовы призвать Ильву прямо сюда — плохи мои дела.

Нежить продолжил:

— Я уже давно под знаменем королевы нежити. Она строга, вспыльчива, но справедлива. Заслужить ее

благосклонность непросто, но если удалось, считай — обрел бессмертие.

— Мы ж и так бессмертные, — отозвался другой голос.

Кто-то хрипло прогудел:

— Ты называешь бессмертием полуразложившиеся кости и выпадающие глаза?

— Что ты несешь, — прошипел первый голос. — Ильва спасла нас!

— От чего? — спросил хриплый.

— От смертей и болезней! — почти прокричал первый. — Она даровала вечную жизнь под своим крылом. Ты должен молиться на нее.

— Лучше б дала сдохнуть по-человечески! — бросил третий.

Послышался шум, похожий на грохот костей. Если бы не знал, что нежить все-таки обтянута кожей и жилами, решил бы, что упал скелет. Думал, сейчас начнется бойня, но потасовка быстро прекратилась. Все же воины Ильвы в основной массе преданы ей, что среди людей и гоблинов, например, редкость.

— Если я еще раз услышу от тебя что-то подобное, — пригрозил первый, — притащу в людскую деревню и брошу там. Посмотришь, как бывшие собраты тебя примут.

Снова раздался звонкий удар по костям. Наверное, вожак долбит черепом подчиненного о камень.

— Знаешь, что будет? — хрипел он, стук продолжался. — Знаешь? Тебя разорвут на части, натравят собак или еще хуже — воргов! Ты больше никому не нужен, пропащий. Никому. Лишь ее темнейшеству.

Стук прекратился, сверху донеслись жалобные стоны. Не думаю, что нежить способна испытывать боль, но, похоже, с обидой знакома.

По шелесту травы понял: поколоченный мертвяк отполз от греха подальше и затих в кустах. Пока они занимались подготовкой к призыву, я извернулся и зацепил носками нижний край сетки, руками натянул верхние веревки.

Пришлось изогнуться всей спиной и напрячь локти. Показалось, что мышцы в ногах затрещали. Лишь когда напряжение в локтях оборвалось, понял: трещала высохшая сетка.

Когда с ней наконец было покончено, я вскочил на ноги и приготовился как следует шарахнуться об окаменевшую глину.

С поверхности снова донеслось:

— А я говорю, ставь ровнее. Помнишь, как получилось, когда чародей явился?

— Как? — не понял собеседник.

Послышалось тихое шуршание, похожее на вытаскивание из мешка чего-то большого. Я настороженно застыл, потягивая воздух, но в яму ветер не тянет.

— Не помнишь, что ли? — удивился мертвяк. — А, да. Тебя ж еще не было. Так вот, пару дней назад к Ильве являлся чародей. Как раз призывали для обращения ворга. Из-за криво поставленных кристаллов ее темнейшество и чародей образовались в одном месте. Паники было...

Я весь превратился в слух. Зачем королеве нежити чародей? Чародеи могущественны и опасны.

Подойдя к стене ямы, я привстал на носочки, но до края все равно не дотянулся — чертовы полутрупы, на славу постарались.

Свежерожденный мертвяк спросил:

— Чародей сильно бушевал?

— Чародей? — снова изумился бывалый. — Да что ему будет? Он же из магии соткан.

— Ну-у, — протянул молодой. — Ильва тоже может обращаться духом.

— Может, — согласился другой. — Но не положено, чтобы призываемые в одном месте появлялись.

Первый мертвяк поинтересовался:

— С каких пор она с чародеями водится?

— Да откуда я знаю, — бросил полутруп. — А вообще не понравился он мне. Слишком непонятный. Видно — знает много тайн. Про талисман с таким видом говорил, что аж взлетел.

Голос молодого стал любопытным:

— Какой талисман?

— Да какой-то Золотой Талисман, вроде упадет совсем рядом, на горе Ир. У нас, в Мертвой степи.

— А зачем он? — не унимался мертвяк. — И как получилось, что ты обо всем слышал?

Голос старого полутрупа стал раздражительным и резким.

— Я, если хочешь знать, — сказал он грозно, — один из приближенных ее темнейшества и всегда в курсе дел. Талисман дает безграничную силу и могущество, для Ильвы это как раз то, что нужно. С его помощью наконец перестанем быть вечно презренными изгоями. И вообще, хватит задавать вопросы, ответы на которые твоя гнилая башка не способна понять. Иди за столбами. Ее темнейшество сама должна вора привязывать?

Я дернулся, услышав упоминание о себе. Из-за разговора так увлекся, что забыл: я пленник, ждущий позорной расправы и рабства.

Несколько секунд переваривал услышанное. Потом мысли понеслись со скоростью молнии. Значит, Ильва охотится за неким Золотым Талисманом, чтобы заполнить мир своими подданными. По земле станут расхаживать полутрупы, как в Изумрудном лесу, чинить беспредел, никто не сможет им помешать, потому что воров превратят в себе подобных.

Аж во рту пересохло от мысли, что в мире вдруг воцарилась Ильва. Надо что-то сделать. Я, конечно, одиночка, ушедший из стаи. Но так все ворги делают, чтобы создать свою. А со мной вообще разговор отдельный. Но что такое стая, если тут такая беда?

Но как справиться одному? Обратишься к гномам — заломят небывалую цену. Эльфы вообще отвратительные снобы, с ними лучше не связываться. Кто там еще есть? Люди?

Даже смешно стало: обращаться к людям за помощью самое последнее дело. Они слабы и ненадежны, без принципов и правил.

В груди заклокотало, еле сдержал звериный рык. Ладно, потом разберусь, главное — выбраться из ямы и уйти подальше от нежити с их полудохлой королевой.

Я развернулся и что было сил ударился о камень в глине. В глазах вспыхнули искры, мир завертелся и остановился лишь тогда, когда ощутил, что стою на четырех конечностях.

Одежда ворохом свалилась на голову. Несколько секунд ползал по собственным штанам в поисках свободы.

Наконец удалось вылезти. Лапки сразу утонули в земле. Оказывается, она рыхлая, а когда был человеком — даже не заметил.

Повертел головой. С короткой шеей неудобно, пришлось приподняться на задних лапах. Все огромное и расплывчатое. На расстоянии чуть больше людского шага мир превратился в мутное пятно. Зато звуки и запахи заменили плохое зрение. Голоса нежити стали четкими, показалось — мертвяки стоят прямо на краю ямы.

Несколько секунд прислушивался — не увидел ли кто. Убедившись, что оборот остался незамеченным, шевельнул длинным, как червяк, хвостом и кинулся к большому темному объекту. Пока был в человеческом облике, на том месте стояла вполне себе стена.

Наконец приблизился, картинка стала четкой — серо-коричневые крупинки и прожилки корней. Внутри стены шевеление, из земли тянется запах сочных, жирных червей. Очень трудно не думать о еде, когда тымышь.

Я собрал волю и стал рыть. О расстоянии постарался забыть — это точно отобьет крохотному тельцу любое желание работать.

К тому же остался без одежды.

Пообещав, что больше никогда не обернусьмышью, я погрузился в лесную почву.

Глава 5

Прошло не меньше часа, прежде чем решился копать вверх. Лапы устали, в глаза насыпалось земли, вдобавок на пути попадают жирные черви. Еле сдерживаюсь, чтоб не впиться зубами в склизкие жгуты. Никогда большемышью. Никогда.

Наконец выбрался на поверхность. Долго соображал, что за серые стены вокруг. Потом догадался:

трава. Мышиное зрение не различает зеленый цвет, зато обоняние и слух почти как волчье.

Несколько секунд прислушивался. Голоса нежити слышны далеко в зарослях, но что-то подсказывает: расстояния и размеры в этом облике искажены. Мертвяки могут стоять за соседним деревом.

Я припустил на всех четырех лапах. Не знаю, как грызунам удастся справляться с хвостом: длинный отросток волочится сзади, цепляет палки и листья. Маленькие палочки колют незащищенную кожу и противно царапают.

Когда отбежал на достаточное расстояние, маленькие лапки стали трястись от напряжения. Сердце тарбанит, как после гонки за ланью.

Разбежавшись, я шарахнулся крошечным черепом обо что-то большое и темное. По телу прокатилась горячая волна, меня резко растянуло, кости затрещали.

Темная стена перед глазами быстро уменьшилась и превратилась в старый пенёк изумрудного дерева. Хорошо, сейчас не осень, иначе даже трухлявая колода вспыхнула бы зелеными искрами. Шерсть точно подпалил бы.

Я с трудом поднялся на ноги, шатаюсь, подошел к толстому стволу и уперся лбом. Резкое изменение мира от большого к привычному на секунду смешало ощущения. В конечностях слабость, все-таки долго рыл землю. Лесная почва достаточно мягкая, но руки с непривычки трясутся, а ноги подкашиваются.

Несколько минут приходил в себя. Сил нет, в голове бардак и мельтешение. Ощущение, что неделю землянки копал.

Долго думал, в чем дело. Наконец, дошло: слишком давно не ел мертвячьих костей.

Смешно, лес полон нежити, а меня ломает от их нехватки.

— Не годится, — сказал я себе, — нужно выследить одиночку.

Я покрутил головой, будто вот прямо сейчас из кустов появится мертвяк и уляжется калачиком на тарелку. Нынче сказать легче, чем сделать. Нежить особо не возмущалась, когда ворги таскали одиноких полутрупов, что забредали в Изумрудный лес. Но когда стаи начали совершать набеги на Мертвую степь — стали ходить группами.

Ильве это, видимо надоело, вот и ломится на царство. Вроде неплохо — много нежити, много еды. Но когда добыча начинает охотиться на хищника, это как-то неправильно.

Через несколько минут головокружение прекратилось. Я отшагнул от ствола и с силой потер щеки. Под пальцами зашуршало от трехдневной поросли. В отличие от большинства воров, я предпочитаю сбривать щетину, чтобы не бросаться в глаза в людских поселениях. Теперь придется где-то искать цирюльника или хотя бы острый нож. Обычно сам справляюсь, но цирюльник быстрее.

Сейчас первый вариант не подходит, одежду пришлось оставить в яме, и я стою голый посреди леса. Только штаны жалко, материал хороший. Тьфу ты! Проклятая нежить.

Пока размышлял, что делать и как перемещаться в таком виде, слух уловил скрип колес. Я развернул голову правым ухом, в человеческом облике оно лучше работает.

Прикинул — меньше трети версты. Деревья искажают звук, может показаться, что до телеги идти и ид-

ти. Но вот тут чуть громче, ага... тут выше. Значит, дорога проходит совсем рядом. На людей нападать не люблю, но что делать — надо где-то штаны взять.

Я тряхнул головой, окончательно выгоняя мышинные воспоминания о жирных червях и белых личинках, и осторожно потрусил на звук.

Скрип становился все ближе, я приготовился разбежаться и выпрыгнуть на дорогу — путники сперва оцепенеют, пока будут соображать, успею растолковать, кто тут главный и почему.

Справа подул легкий ветерок, нос уловил запах полутрупов.

— Да что ж такое! — прошептал я в гневе. — Штаны спокойно отобрать не дадут.

Решил отсидеться. Неохота снова попадаться в отпадающие руки мертвяков. На секунду даже стыдно стало — прячусь от нежити, как какой-то человек. С другой стороны, когда нежити много, даже самый могучий ворг не справится, пусть даже трижды медведем обернется. Еще и батлок этот.

Я присел под кустом шиповника и затаился. Мелкие травинки неприятно щекочат зад, колючки царапаются. Жаль, что людское тело почти безволосое, сейчас бы и штаны не понадобились. У меня только руки волосатые, ну и щетина растет, как терка.

Скрип колес донесся совсем близко, раздался хриплый крик:

— Вперед!

Нежить с булькающими сипами повыскакивала из-за деревьев и накинута на повозку или что там едет. Испуганно заржали лошади. За ветками ничего не видно, но стоны телеги и грохот сабель слышны прекрасно.

Донесся предсмертный стон, кажется, возникшего. Жаль, они обычно вообще ни при чем. Но решил не вмешиваться — это не мое дело. Мое — найти штаны, одинокого мертвяка и успеть перехватить Талисман раньше Ильвы.

В экипаже кто-то тоненько взвизгнул:

— Нет! Что вы делаете!

— Не бойтесь, госпожа! — послышался отчаянный мужской голос. — Я смогу вас защитить!

Потом услышал злорадный хохот, больше похожий на клекотанье. Зазвенел металл, донеслась ругань, которую гвардеец вряд ли позволил бы себе в других обстоятельствах.

Он держался достаточно долго, но в конце концов раздался сдавленный крик. Я покачал головой — эх, парень, их слишком много. Даже я не сунулся, куда уж тебе.

— Не смейте! — снова раздался тонкий голосок. — Вы не знаете, кто я такая! Как вы можете! Вас казнят!

— Мы и так мертвы, — усмехнулся один из мертвяков.

Другой произнес протяжно, даже почтительно:

— Да хранит тебя вечная тьма...

Внутри что-то шевельнулось. Нет, не суйся, напомнил я себе. Мне нужны лишь штаны. Что там творят мертвяки — их личное дело.

Из экипажа донесся пронзительный крик, через секунду я обнаружил себя в толпе нежити, раскидывающим полутрупы в стороны. «Чертовы инстинкты», — подумал я, вырывая кадык у очередного мертвяка.

Увидев меня, нежить полезла со всех сторон. Рожи перекошены, у одного вообще нет челюсти. Тот, что был ближе всех, захрипел, вскидывая саблю:

— Ворг! Ильва будет рада!

— Угадал, задохлик, — прорычал я в толпу. — Но не совсем.

Оскалившись, я стал лицом к гнилолицей толпе. Мертвяки на секунду замерли, все-таки перед ними ворг. В глазах ненависть и страх, сабли блестят в лучах солнца. Их не меньше полусотни, все вооружены, и каждый жаждет выслужиться перед Ильвой.

Покосившись на экипаж, я повел носом — пахнет приятно. Девушкой. И не просто дочкой сыровара, а кем-то очень чистым и ухоженным.

Быстро перевел взгляд обратно. Самое разумное — развернуться и бежать, а потом хранить позорную тайну до конца дней.

Не успел додумать, как понял, что несусь с оскаленными клыками на нежить.

Полутрупы с непривычной быстротой обступили меня и всей массой накнулись со всех сторон. Послышались победные хрипы.

Я рвал и грыз, не видя, за что хватаюсь, пальцы все время попадали во что-то мягкое и липкое, в лицо летели брызги застоявшейся крови и слизи. Во рту поселился сладковато-металлический привкус, по подбородку текло вязкое.

Не знаю, сколько времени вертелся в толпе нежити, но неожиданно поток мертвяков стал реже, кое-где в просветах проявился лес. Они нападали, но уже с меньшим энтузиазмом, будто поняли, что не справятся.

В голове пульсирует мысль: «Я смог. Чтоб вам вечно в склепе гнить, я смог!»

Эта придало сил. С медвежьим ревом даже без преращения ринулся на оставшихся мертвяков, на бегу

ломая хребты. Оставшаяся стайка нежити бросилась врассыпную, удивительно быстро перемещаясь на гнилых ногах. Пришлось бегать за каждым и добивать. Если уцелеет хотя бы один — обязательно доложит остальным, а у меня и так забот выше крыши.

Наконец я замер с чьей-то кистью в кулаке и повертел головой. Сквозь красную пелену разглядел горы мертвяков вокруг экипажа, оторванные руки и ноги. Дорога залита зелено-коричневой жижой вперемешку с пылью.

На козлах в неестественной позе замер возничий, глаза раскрыты, мертвый взгляд устремлен в небо. Бедняга, наверное, даже понять ничего не успел, умер от страха.

Лошади стоят, как статуи, даже хвосты висят неподвижно. Наверное, оцепенели от ужаса. Глаза круглые, подстриженные гривы топорщатся, словно щетки.

Я вытер губы тыльной стороной ладони и, не глядя, вгрызся в конечность мертвяка. Косточка сочно хрустнула на зубах, в горло потекла блаженная жидкость — особый костный мозг нежити, помогает при обороте. А то совсем ослабел после мышиноного побега.

От воспоминаний даже передернуло: не дело это: вору в мышь перекидываться. Одно дело уметь, другое — перекидываться.

Я дожевал кость и подошел к экипажу. Возничий примерно моего размера, штаны, конечно, не так хороши, как те, что купил у торговца, но на безлюдье и гном человек.

В целом штаны добротные, с широким кожаным поясом, материал тонкий, но чистый. Надеюсь, задняя часть тоже.

Пока размышлял над штанами, в экипаже послышалось шевеление, в дверце появилась рыжая головка с растрепанной прической. Раньше она была, вероятно, похожа на закрученную башенку. Теперь же волосы просто торчат в стороны из покосившегося столбика.

Девушка сдунула со лба прядь и повернула ко мне кукольное личико с васильковыми глазами.

— Ой! — вскрикнула она и скрылась в экипаже. — Пожалуйста, не трогайте меня! Отец заплатит сколько скажете, если доставите в целости и сохранности.

Только сейчас вспомнил, что все еще голый.

Я поспешно стянул штаны с возничего, встряхнул и быстро оглядел критическим взглядом. К моему облегчению, они оказались чистыми с обеих сторон, разве что на пятой точке пристрочена кожаная вставка. Видимо, чтобы не натирало при верховой езде. Хотя не знаю, зачем возничему ездить верхом.

Торопливо всунул ноги в штанины, долго возился с замысловатым замком на поясе. На кой пень делать такие застёжки! А если по нужде приспичит? Надо будет веревку вместо этой ерунды вставить.

Я отряхнул пыль и проговорил бодро:

— Эй, ты там в порядке?

Девушка бесшумно сидит в экипаже, даже дыхания не слышно. Мой голос ее не особо вдохновил, но раздался шорох, будто кто-то двигает ящики под дверь. Глупая, при желании я и крышу проломить могу.

— Не бойся, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал дружелюбно. — Они все издохли. Уже во второй раз. После такого не восстают.

Видимо, слова прозвучали неубедительно, снова послышалось шуршание. Я подошел к дверце — про-

зрачное окно забаррикадировано сундучками и шка-
тулками.

В целом дело не мое. Вроде живая, а дальше пусть
что хочет делает. Штаны добыл, да и мертвячьи ко-
сточки в самый раз. Можно разворачиваться и топать
на все четыре стороны.

Из экипажа донеслось:

— Ты ворз. И ты... Ты голый!

— Я уже одетый, — поспешил сообщить я. — И да-
же сытый.

Осторожно постучал в дверцу, внутри глухо бухнуло
и грохнулось о противоположную стену. Я зарычал на
себя. И так уже влез в чужие дела, теперь еще совесть
проснулась. Возиться не хочется, но если бросать, то
целую и невредимую.

— Слушай, — начал я и наклонился к повозке, —
у тебя все нормально? Если так, то я пошел, дел не-
впроворот.

В ответ молчание, я продолжил:

— Не хочется светиться перед нежитью. Хотя эти
уже ничего не расскажут. Но чую нутром — новая пар-
тия мертвяков близко.

Из повозки послышалось шуршание, что-то стук-
нуло.

— Ты бросишь меня здесь одну? — раздался
изумленный голос.

Я пожал плечами. Для ворга это обычное дело, тем
более и так вмешался больше положенного. Долгов
перед ней не имею, а вот она — да. Но требовать от-
дачи нет ни желания, ни времени.

— В общем-то, брошу, — согласился я, отходя
в сторону.

На некоторое время воцарилось молчание. Пока ждал ответа — разглядывал обновку. Штаны сели хорошо, даже замысловатый пояс удобный, если наловчиться быстро расстегивать. Держит хорошо, не ездит. На правом колене небольшая дыра, но это мелочь.

Наконец в повозке снова зашевелилось, слышался грохот сундуков и шкатулок. Через некоторое время окно освободилось, дверца распахнулась, и в дорожную пыль опустилась маленькая ножка в кожаной туфельке.

Слегка наклонив голову, чтобы не зацепиться за рельефный узор над дверцей, девушка вылезла из повозки. Голубые глаза сердито сверкнули. Маленький носик аккуратно вздернут, кожа чистая, как весеннее утро. Прическа окончательно растрепалась, и локоны свободно ниспадают на плечи. Платье слишком роскошное для путешествий — зеленый шелк с золотыми нитями, каемки в жемчугах. Хотя кто знает этих господ, — может, ей удобно в пышной юбке и корсете с глубоким вырезом? Даже неловко как-то: пришел тут, раскидал нежить, погрыз кости и стою в одних портках с окровавленными руками.

— Гм, — кашлянул я и отвел взгляд, стараясь не смотреть на вырез. — Все нормально?

Девушка быстро окинула себя критическим взглядом и отряхнула верхние юбки.

— В целом да, — ответила она и снова строго посмотрела на меня. — Но бывало и лучше.

Я хмыкнул одобрительно. Вот это выдержка — только что пережила нападение толпы полутрупов, а теперь разговаривает с воргом посреди леса. И не трясется, хотя всего лишь человек.

— Руки-ноги целы? Ходить можешь? — спросил я.

Она кивнула.

— Ну и отлично, — сказал я с выдохом. — Тогда можешь отправляться по своим делам. Желаю удачи.

С этими словами я развернулся и зашагал прочь. Нужно успеть добраться до Мертвой степи. Хотя не представляю, как опередить Ильву. Придется ломиться через Абергудские топи, а там... какой только дряни не водится. Не знаю, как стаи ходили сквозь болота.

От мыслей о гиблом месте шерсть на загривке встала дыбом. Я лязгнул зубами и зарычал для поднятия боевого духа.

— Эй! — раздался возмущенный голос за спиной. — Ты не можешь вот так уйти!

Девушка явно недовольна, сейчас потребует, чтобы доставил ее куда попросит, наобещает кучу золота, которую обязательно выдаст счастливый отец, когда увидит дочь целой и невредимой. Все это я уже видел и проходил. Обычно, когда первая радость проходит, наступает время сожалений о потерянном богатстве и чрезмерном расточительстве. Вроде можно было и поменьше награду выдать. Зачем воргу столько денег? Штаны и рубаха стоят недорого, обувь ему не нужна, да и на лошади не ездит. И вообще, можно было не награждать. В конце концов, вернуть дочь в лоно семьи — святая обязанность каждого. За это награда не полагается.

После этого вопрос о золоте деликатно заминается. Если успели заплатить, а ворг ушел — даже гвардейцев могут выслать. Попытаются отобрать. У меня-то не отбирали — уползали побитые и оборванные, но кому-то могло повезти меньше. Учитывая нынешнюю ситуацию, вообще нельзя показываться ни среди людей, ни среди гномов, ни среди кого-то еще.

— Могу, еще как могу, — бросил я через плечо.

Послышался глухой стук каблучков и шорох не в меру длинной юбки.

— Но ты спас меня! — крикнула она в отчаянии. — Так не делают!

— А как делают?

— Ты должен доставить меня домой! — выдохнула девушка. — Точнее, не домой, а в гроты. Но точно должен!

Я чуть замедлил шаг, но не остановился, не дай боги, решит, что меня легко переубедить.

— Деточка, я тебе ничего не должен, — сообщил я будничным тоном. — Своему спасению ты обязана инстинктам, а не сознанию. А оно всеми силами пыталось удержать. Так что честь имею. Или не имею.

Она не отстала, шорох юбок приблизился. Наверное, тащит за собой дорожную пыль и оставляет длинный след.

— Но отец, он не вынесет, если со мной что-то случится, — обреченно сказала она. — Меня специально отправили в Сокрытые гроты, в королевстве неспокойно из-за Ильвы.

— Твоя правда, — согласился я. — Не знаю, как в Центральных землях, но в Восточном крае полный бардак.

Она сказала печально:

— В центре тоже. Это все я виновата.

Я остановился и обернулся. Девушка замерла на середине дороги с опущенной головой. Рыжие локоны треплются от ветерка, подол юбки покрылся серо-коричневой пылью, и вообще — она плохо вписывается в окружение изумрудных деревьев. Такой самое место сидеть во дворце и сжимать фарфоровую чашку изящными пальчиками.

— А вот теперь поподробнее, — сказал я.

Она тяжело вздохнула и проговорила так тихо, что пришлось напрячь слух:

— Отец пошел на сделку с Ильвой ради меня.

Картинка наконец сложилась в одну. Резная повозка, ухоженные лошади, штаны с замысловатым ремнем, наряд на десяток золотых.

Я спросил изумленно:

— Ты принцесса?

Она кивнула:

— Да. Горе-принцесса.

Я задумался. Что делать с изнеженной принцессой, да еще в опасном путешествии? Тащиться во дворец — последнее, что станет делать разыскиваемый вор. Кроме того, мне действительно без разницы, что с ней дальше случится. В конце концов, надо было охраны больше давать. Не больно-то король переживал, отправляя дочь через лес, полный нежити, в сопровождении возничего и одного гвардейца. Тот сражался храбро, но что такое человеческий гвардеец против полсотни мертвяков?

— Что ж, — сказал, наконец, я. — Наверное, принцессой быть хорошо, но это ничего не меняет.

— Что это значит? — спросила она.

— Я не могу тащить тебя за собой, — пояснил я. — Тем более ты ведь действительно отчасти виновата в этом бедламе.

Девушка подняла на меня голубые, как небо, глаза. В них задрожала влага. Она секунду смотрела на меня, потом всхлипнула и спрятала лицо в ладонях. Плечи затряслись от рыданий, даже страшно стало — как истерика изменяет женщину.

Не выношу слез, ни ворговских, ни человеческих. Есть в этом что-то противоестественное, будто тебя обманывают самым подлым способом и совершенно этого не скрывают. И запах у слез ужасный. Не то чтобы плохой, но от него теряешь волю и концентрацию.

— Ну, перестань, — не выдержал я наконец. — Слезами горю не поможешь. Я действительно не могу тебя взять и отвести домой или куда там надо...

— В гроты, — подсказала она, всхлипывая.

— Вот-вот, — согласился я. — В гроты. Туда тоже не могу.

— Почему-у-у? — протянула принцесса сквозь ладони.

Я раздраженно зарычал и проговорил:

— Во-первых, времени мало. Во-вторых, ваш брат, сама знаешь, отлавливает нас, как диких зверей. А мне не очень хочется на псарни.

Она еще сильнее зашлась в плаче. Я заткнул уши и сморщился — невыносимо. Чувствует она, что ли, как у меня крышу сносит от истерики?

Несколько минут она редела, как раненая лиса, терла кулачками глаза и прикрывала нос. Губы распухли, веки покраснели, но даже в таком виде она все еще красавица.

В конце концов я не выдержал и рявкнул:

— Хватит!

Она тут же замолчала и уставилась на меня круглыми глазами. Мокрые ресницы блестят на солнце, грудь часто вздымается. Конечно. Не получилось истерикой, будет пробовать всякие женские штучки.

— С меня довольно. Удачи, — сказал я резко, развернулся и побежал по дороге.

Бежал около получаса, все время думая: что будет с этой дурехой? Девушка одна, в Изумрудном лесу. Первый же разбойник разделается с ней известным способом. Хотя девка хитрая, может убедить не трогать, доставить куда надо. Если правильно поманить золотом — любой задумается. Особенно люди. У них к деньгам особая страсть.

Убеждая себя, я добрался до развилки. На обочине торчит невысокий столбик с двумя дощечками, вырезанными в форме стрелок. Время и шашель их не пожалели, поверхность изъедена длинными бороздами, кое-где сквозные дыры. Надписи поистерлись, пришлось потратить пять минут, чтобы разобрать, какая дорога куда ведет.

— Абергуд, — прочитал я вслух и поплевал на пальцы, чтобы стереть куски грязи с дощечки.

Дорога в топи ведет налево и теряется где-то в тумане. Вот уж точно — болота. До них неизвестно сколько верст, а дымку аж отсюда видно. Жуткое место, эти Абергудские топи.

Когда был детенышем — нас пугали кровожадными болотными тварями. Они обязательно придут, если не слушаться старших, не мыться и перекидываться без разрешения. До четырех лет оборачиваться можно только под присмотром, и то ненадолго. Иначе заиграешься и не вернешься в человеческий облик. Дети податливы для ворговства, не заметишь — как уже и лисой быть вполне привычно, да и превращаться обратно неохота. Бегай себе, лови мышей.

Я отошел в сторону и сел под куст, чтобы как следует обдумать план действий. Что там говорил мертвяк? С чародеем Ильва разговаривала два дня назад. Тот обещал талисман через три. Значит, у меня в запасе сутки,

чтобы добраться до горы Ир через Абергуд и Мертвую степь. Главное, не помереть где-нибудь по дороге.

Не знаю, что хуже — полная неизвестности трясина или полчища нежити, которые шатаются по полям. Вообще-то, одинокая нежить — это хорошо: еда, кости, все прекрасно. Главное, не попадаться на глаза отрядам или как там они организуются. Еще понять бы, где эта гора.

Мысли настолько увлекли, что не заметил, как переменился ветер. Что-то не везет в последнее время с ним — все от меня дует. Я резко обернулся и приготовился к атаке.

Глава 6

На дороге застыла принцесса и виновато хлопает ресницами.

Я зарычал от раздражения — ну что этой дурехе от меня надо?

— Ты как меня нашла? — спросил я.

Она немного помялась, накручивая рыжую прядь на палец, и отшагнула назад.

— Просто шла следом, — ответила она робко, так робко, что покраснели щеки.

Но меня этим не пробить, видал я, как даже гоблины теряют голову рядом с очаровательными человеческими девушками. Есть в них что-то притягательное. Слабые, беззащитные, совсем негодные, по ворговским меркам. Это я какой-то кривой — всех сирых и убогих собираю. Только после неудачного приключения с дочерью сыровара дел с людьми иметь не хочется. Бок целый месяц заживал от удара вилами.

— На что надеешься? — снова спросил я, чуть мягче. Неловко как-то рычать на женщину просто так.

В глазах принцессы блеснуло нечто вроде надежды, хотя волосы постоянно лезут ей в лицо и трудно понять — что там за выражение.

— Надеюсь, передумаешь и возьмешь меня с собой, — произнесла она просто.

Я на секунду оторопел. Встречать упертых девиц доводилось, непонятливых тоже, но такую простую и бесхитростную — впервые.

Грозно надвинув брови, я произнес:

— Человеческим языком, не ворговским, говорю: не могу и не хочу тебя брать.

— Придется, — произнесла она со вздохом.

— Назови хотя бы одну причину, по которой должен это сделать? — поинтересовался я, поднимаясь с земли.

Она поправила волосы и сказала спокойно:

— Ты не сможешь оставить беззащитную девушку одну в лесу.

— Уже оставлял, — напомнил я.

— Да, — согласилась принцесса, — но сейчас не сможешь. Потому что я хорошая.

Мне аж смешно стало, вот упертая — напрочь отказывается воспринимать, что ей говорят.

— Может, ты и хорошая, — проговорил я глухо. — Но я плохой.

Она подняла пушистые ресницы и посмотрела с такой надеждой и преданностью, что у меня аж зубы свело — нельзя так доверять полузверю.

— Неправда, — произнесла она. — Ты меня спас. Значит, хороший.

— Я ворг! — зарычал я, теряя терпение. — Бесчинствую, жру в три горла, таскаю дочек сыроваров на сеновал, нападаю на кого вздумается. Я хищник, многодушец и зверь. До хорошего мне — как до Великого Разлома на улитке.

— Нет, — покачала она головой. — Ты меня не оставишь.

Да что за напасть... С каждой минутой все больше наваливается.

Я пригляделся к лицу девушки. В левом глазу зрачок вытянулся, как у кошки. Похоже на небесный мор. Только у тех, кто им болеет, зрачки просто вертикальные, как трещины в роговице. Нелепые и уродливые.

Говорят, от этой хвори люди начинают видеть всякое. Духов, проходы в другие миры, умерших предков. Но быстро умирают. Лекари говорят, ум человека не способен выдержать истину. Верится с трудом, скорее, больные умирают от лихорадки, трясет их, как березы, об которую медведь чешется.

У принцессы же зрачок совершенно симметричен, будто с таким родилась. На кукольном личике выглядит аккуратно, даже мило. Наверное, вытягивается, когда нервничает, потому что в карете был вполне обычным.

— Послушай еще раз, — начал я. — Мне некогда возиться с тобой, тащить к королю, в гроты, пещеры или куда еще приспичит. У тебя неподходящая одежда для дороги, ты слаба, неумела и бесполезна. Будешь обузой.

— Не буду.

— Помяни мое слово, — пробубнил я. — Нутром чую, гора Ир не проста, не проста...

— Гора Ир? — спросила она заинтересованно и откинула рыжий локон. — Зачем ты туда идешь?

— Всегда расспрашиваешь незнакомцев о том, что тебя не касается? — сказал я и двинулся по дороге.

Давно нужно было отправиться, иначе рискую не успеть к сроку.

Принцесса осторожно последовала за мной. По грунтовке глухо стучат каблучки. В таких не по пыльным дорогам таскаться, а на светских балах выплясывать. Или; на худой конец, капризно стучать ножкой, если кто-то не вовремя исполнил приказ.

Я прибавил шаг — может, отстанет. Пару раз думал перекинуться в волка и удрать подальше, за четвероногим точно не угонится. Но не хочется со штанами возиться — ремень больно тяжелый, челюсть выверну, пока донесу.

По спине прокатилась неприятная волна, шерсть на загривке поднялась, я потянул воздух, ожидая уловить запах нежити. Но рядом лишь рыжая принцесса с тонким, приятным ароматом. Вроде безопасно, но ощущение слезки осталось.

— Ворг? — послышался за спиной скромный голосок.

Я нехотя бросил через плечо:

— Чего тебе?

— Ты идешь прямо в Абергудские топи.

— Совершенно верно, — согласился я. — В топи, через топи.

— Но там опасно, — изумилась она. — Даже гвардейцы не рискуют туда соваться без надобности. И то, только отрядами.

Я расправил плечи и выпрямился, пусть видит — ворги не только сильны, но и бесстрашны, когда надо. Принцесса, мира не видела, жизни не нюхала. Что там во дворце за существование, особенно

у дочери короля Центральных земель? Ей, наверное, даже одеваться помогают, такое платье сама натягивать упаришься.

Прошло около часа. Я молча шагал, оставляя слишком очевидные следы. Сапоги не ношу, даже самый бездарный охотник поймет: тут прошел ворг. Но это не важно, потому что дорога в Абергуд крайне непопулярна, а когда начнется топь — о следах можно будет забыть.

Принцесса настырно следует за мной. Не догоняет, но и не отстает — держится на расстоянии примерно в два волчьих прыжка. То ли боится, то ли не хочет, чтоб опять начал прогонять.

Лес становился ниже, чрез некоторое время превратился в рощу. Расстояние между деревьями постепенно увеличивалось.

Одинокие березки у обочин напоминают хмельных плясунов, которые застыли прямо в танце. Мало того, что стволы кривые, так еще и ветки похожи на когтистые лапы.

— Ты совсем не боишься? — спросила принцесса.

По звуку понял — все-таки приблизилась. Страх перед природой оказался сильнее ужасов, которые поджидают рядом с воргом.

— Не боятся только дураки и гномы, — ответил я.

— Почему?

Я пояснил:

— Если первые не способны от рождения соблюдать осторожность, то у вторых просто характер не позволяет.

— То есть все же боишься, — заключила она.

От ее слов стало не по себе. И так стараюсь не думать об Абергуде, предпочитаю решать вопросы по мере их поступления. А тут все время на лапу наступают.

— Что кривить душой. Боюсь, — сознался я. — Ровно настолько, чтобы со страху вцепиться кому-нибудь в глотку и порвать к лешему. Ты бы лучше о себе подумала.

Девушка приблизилась еще на несколько шагов, теперь могу различать ее пульс.

— А что со мной не так? — спросила она и окончательно поравнялась.

Вот упертая. Увязалась, как щенок, втерлась в разговор и шагает. Вроде как уже вместе идем. Говорят, что рыжие хитрые, потому что предками были лисы. Это ерунда — если так, остались бы оборотнями. Но хитрость у них точно есть. Даже нет, плутовство.

— С тобой, может, все так, — сказал я, — только болотным жителям на это плевать.

Она тихо вздохнула, но промолчала. Вообще-то, рассчитывал на словесную перепалку, может, наконец, обиделась бы, ушла. Но нет, идет смиренно, словно не особа королевских кровей, а послушная овечка.

Я хмыкнул. Умение вовремя промолчать — очень ценное умение. А женщины, в частности человеческие, редко обладают таким даром.

Ох, принцесса, далеко пойдешь.

Туман над Абергудом стал ближе, в носу защеколало от первых признаков влажности. Скоро воздух станет совсем промозглым. Мне без разницы — воровская кровь и лед растопит, а вот принцессе придется не сладко. Хотя кто знает, какие сюрпризы припрятаны под маской благочестия.

Постепенно небо затянулось серо-зелеными облаками. Старые ворги рассказывали о тучах над топями из-за зловонных испарений. Те под собственной тяжестью не могут никуда сдвинуться. Даже ветер едва способен всколыхнуть неподвижную массу.

— Как называть тебя? — спросил я, стряхивая с живота толстого жука, который сел прямо над пупком.

Краем глаза заметил, как покраснели щеки принцессы. Вероятно, ей непривычно вышагивать с полутолым хищником. Во дворце все иначе — наряды и манеры.

— Изабель, — сказала она и едва заметно повела на меня глазами.

Робеет, как пастушка перед конюхом, ей-богу. Вроде ничего лишнего не говорю, веду себя естественно. Настроение у меня не очень с тех пор, как попал в яму к нежити, но вполне приличное.

— Хорошее имя. Подходит для принцессы, — сообщил я. — Меня можешь звать Лотером, но обычно достаточно просто — ворг.

Примерно через сотню шагов показались первые признаки болот. Небольшие лужицы с темной водой, зеленые кочки с кустиками болотной ягоды, кажется — брусники. Над ними кружатся темные тучки.

Комары. Отвратительные создания. С самого детства невзлюбил, такие маленькие, а неприятностей, как от енотов. Только тех напугать можно, изловить, а комаров, сколько ни бей, меньше не становится. И ладно, когда один, но здесь тучи. Впрочем, если перекинуться, стану им не интересен. А вот Изабель придется несладко.

Я нервно хмыкнул. Принцесса увязалась за мной, знает, что иду в Абергуд, а все равно идет.

Шагает рядом, вся смиренная и послушная, даже голову не поворачивает. В экипаже совсем иначе себя вела, возмущалась и топала ножкой. Поди разбери этих принцесс.

Небо окончательно скрылось в зеленоватом тумане, сгустился мрак. Лужицы пошли шире, местами превращаясь в затянутые травой пяточки. Раньше не бывал на болотах, а старые ворги говорили: главное правило в Абергудских топях — не ходить в Абергудские топи.

Когда почва под ногами стала проседать, пришлось остановиться.

— Значит, так, Изабель, — начал я сурово. — Ты вот что должна понять.

Девушка развернулась ко мне всем корпусом и смотрит круглыми глазами. Пушистые ресницы изредка хлопают, во взгляде такая покорность, что даже неловко. Стараясь не смотреть на нее ниже шеи, продолжил чуть мягче:

— Место, куда иду, очень опасное. Сам не понимаю, как решился. Ты можешь погибнуть. На воров и без того знать ополчилась. Если еще из-за меня умрет королевская дочь — будет совсем плохо. Пока не поздно, разворачивайся и иди обратно. Если повезет — кто-нибудь подберет, доставит куда надо, получит свою награду за спасение, ну и все как полагается. Не знаю, что от тебя хотела нежить, но не станет она тебя убивать, это точно.

Изабель несколько мгновений молча смотрела на меня васильковыми глазами. От влажности рыжие волосы покрылись мелкими капельками. Если б туман не скрывал солнце — сверкали бы, как драгоценные камни. Сейчас же копка кажется подернутой матовым

свечением, но скоро это закончится. Они окончательно намокнут и повиснут сосульками.

— Я пойду с тобой, — просто сказала она.

В голове взорвалось, я не удержался и крикнул так, что из ближайшего куста выпорхнула перепелка:

— Не понимаешь?! Я не могу тебя защитить и не то чтобы хочу! Здесь Абергуд, топь, неизвестная опасность, смерть, в конце концов. Ты будешь мешать, в итоге оба сгинем в трясине. У меня времени — без малого сутки.

От гнева вздыбился загривок, клыки удлинились на полногтя, пульс участился, еще немного — и озверюсь. Невозможная прилипала, хоть и красивая. Как объяснить женщине, что со мной опасней, чем без меня?

Она тихо вздохнула и опустила голову. Намокающие локоны упали в вырез платья. Я постарался не смотреть, но звериные повадки не удержать — взгляд все равно съехал в декольте.

— Лотер, — произнесла она кротко. — Я не могу вернуться в замок.

— Чего это?

— Отец нарочно отправил меня подальше, — проговорила принцесса. — Там часто бывает Ильва со своими подопечными. Он боялся за меня. Я — его единственная отрада. Знаешь, на что он пошел ради спасения моей жизни?

Я буркнул:

— Знаю.

По лицу принцессы скользнула тень, она опустила виноватый взгляд и сказала:

— Королева нежити держит его на коротком поводке. Манипулирует как хочет.

Внутри неожиданно ухнуло, дыхание участилось, как перед дракой, наверное, и глаза светятся. Опять ощущение слезки. И во рту привкус гнилой.

Я сделал несколько глубоких вдохов и покосился на принцессу. Странно, что не испугалась. Обычно человеческие женщины с криками бросаются врассыпную, когда видят красноглазого вора. Мне — плевать, одиночкам никто не нужен. Но выдержка принцессы вызывает уважение.

— Что ж он отправил тебя из дворца в сопровождении только гвардейца и возничего? — зло спросил я и оглянулся в поисках источника беспокойства. Но вокруг лишь болото и кусты клюквы.

Она покачала головой:

— Нет, была еще кавалерия и пешие гвардейцы. Они погибли, когда нежить напала в первый раз. Гвардейцы остались биться, а сэр Гренлик поехал со мной. Но мы не ожидали повторной атаки.

Изабель печально вздохнула, в уголках глаз собралась влага, но она удержалась и продолжила:

— Отцу с огромными усилиями удалось выкупить у ихтионов несколько гротов, чтобы спрятать меня.

— Ничего себе, — присвистнул я.

Она кивнула и сказала еще печальней:

— Морской народ не любит людей, так что стоило это немало. Король не хочет, чтобы Ильва с помощью меня помыкала им и творила что вздумается.

— Раньше надо было думать, — фыркнул я, — когда шел на сделку с королевой нежити.

И тут же прикусил язык, вспомнив, что причина сделки стоит передо мной, хлюпая носом. Девушка прекрасно понимает — если бы не болезнь и горячая

отцовская любовь, Центральные земли и Восточный край были бы в безопасности.

Зеленый светлячок прожужжал над головой принцессы и после двух кругов опустился на плечо. Она вздрогнула и быстро смахнула жука. Тот поднялся и с недовольным гудением скрылся в тумане.

— Я знаю, — смиренно проговорила она. — Все из-за меня. Но сейчас уже ничего не поделать. Нельзя, чтобы Ильва получила окончательную власть над королем и королевством. Лучше сгинуть в Абергуде. Тогда отец сможет разорвать союз с королевой нежити и все будет как раньше.

Мой гнев немного утих. Я смотрел на королевскую дочь и думал; она сейчас серьезно или просто пытается разжалобить, чтобы взял с собой?

Несколько секунд присматривался к кукольному личику — взгляд серьезный и обреченный. Она правда готова умереть!

— Ну, ты чего, — сказал я озадаченно. — Вряд ли твой батюшка будет счастлив узнать, что все его усилия пали крахом. Он многим пожертвовал, вон воргов предал.

В голове мелькнуло — сейчас она точно меня разжалобит. Эх, прости, отец, не прошел я инициацию суровостью. Ни в первый, ни теперь, во второй раз. Тогда, на холме, не смог оставить слабого волчонка. Забрал. Месяц потом ругали, что из-за меня, дармоеда, приходится кормить. Слабых в стае не держат.

Пока я думал, Изабель на ходу начала возиться с завязками корсета. Наконец верхние узлы разошлись. Я оторопело уставился на нее. Оно, конечно, приятно, но не среди болота же. Хотя...

Она не стала расшнуровывать до конца, но этого хватило, чтобы я увидел причину. В середине грудной клетки между двух полусфер светится зеленоватый камень размером с орех. В самом центре пульсирует яркая точка, в стороны расходятся прерывистые волны.

— Благодаря этому я жива, — сказала Изабель, зашнуровываясь. — Ильва вдохнула в меня новую жизнь уже после того, как дух покинул тело. Если камень вынуть, я тут же погибну.

Я отшатнулся, едва не свалившись в лужу, и спросил:

— Ты нежить?

Изабель покачала головой.

— Нет, — ответила она. — Я человек во всех смыслах. Чтобы оставить мне волю, Ильве пришлось вложить в камень часть своей души, если она у нее есть. Потому так важно, чтобы я все время была рядом, под контролем. Если Центральные земли полностью перейдут в ее владения, она сможет забрать камень. Но король все еще могуч, а без меня влияние на него значительно ослабевает.

От дворцовых заморочек и интриг закружилась голова. Почему люди не могут жить просто? Обязательно нужно выдумывать проблемы, решать их. Ильва не очень-то человек, но ведет себя еще хуже, чтоб ей вечно гнить в склепах.

Хотел сказать что-нибудь ободряющее, но вопрос вылетел раньше, чем успел все обдумать.

— Если так рвешься умереть, чего просто не выколупаешь камень? — спросил я и тут же пожалел.

Губы Изабель задрожали, влага в глазах наконец прорвала невидимую пленку и заструилась по бело-

снежным щекам. Грудь заходила ходуном, плечи за-
тряслись, она рыдала молча. От этого стало жутко.

Однажды видел смертника, который шел на костер. У него были такие же остекленевшие глаза и обреченный вид. Когда смертник взошел на помост, толпа взревела, но он не обратил внимания. Стоял рядом со столбом и смотрел в никуда. Думал, начнет кричать, когда зажгут огонь, но он молчал, даже когда лицо скрылось в пламени.

Губы принцессы побелели, она прерывисто выдохнула и проговорила дрожащим от истерики голосом:

— Я не могу убить себя.

Абсурдность ситуации окончательно меня выбила из равновесия. Даже мелькнула мысль, что со мной отправились в надежде покончить со всем.

Я зарычал и лязгнул челюстью, принцесса рядом вздрогнула, взгляд стал испуганным.

— Прекрасные принцессы не должны погибать ни от рук королевы нежити, ни в Абергудских топях, ни где-то еще, — глухо проговорил я.

— Но Ильва... — попыталась вставить она.

Я оборвал:

— Они должны становиться женами королей соседних земель, скреплять союзы и жить долго и счастливо. А это какой-то кошмар маленькой девочки.

На несколько минут воцарилась тишина. Только слышно, как чавкает под ногами болотная грязь и утробно кричит выпь.

— Так, — сказал я, собираясь с мыслями. — Умирать тебе не обязательно. В конце концов, Ильва дала тебе вторую жизнь, пусть из корыстных соображений.

Взгляд Изабель все еще стеклянный, будто не слышит, что говорю. Боги, дайте сил не прибить ее.

Туман стал плотнее, животное чутье шевельнулось в недобром предчувствии. Обоняние тут бесполезно — влажность такая, что из носа течет, но слух улавливает странные шорохи и чмокание.

— Мы вот как поступим, — сказал я, разворачиваясь в сторону болот, — ты идешь со мной. Дадут боги, выживем оба, а нет — и разговаривать нечего. Иди за мной след в след, но ближе чем на четыре шага не подходи.

Лицо принцессы понемногу стало принимать нормальное выражение, губы порозовели, даже на щеках выступил небольшой румянец. Она быстро дошнуровала корсет и откинула назад влажные волосы. От сырости нежная кожа на плечах пошла мелкими прыщиками.

Я выругался на себя непонятно почему. У воргов температура тела выше, чем у людей, даже на снегу могу спать. Девчонка замерзнет, простынет тут. А у меня даже рубахи нет, чтоб на плечи накинуть.

— Ты как себя чувствуешь? — спросил я на всякий случай.

— Лучше, чем когда-либо, — соврала она и выпрямила спину на всякий случай.

Я покачал головой. Не представляю, как тащить-ся через болота с таким спутником. Видимо, это кара богов за нарушение законов стаи и вообще всех законов.

— Ладно, идем, — сказал я и осторожно двинулся по проседающей земле.

Снова повисло молчание. Иду, стараясь выбирать кочки понадежнее, но получается не всегда. Чаще выходит наоборот — места, что выглядят сухими, с хлюпаньем проваливаются под ногами. Приходится

цепляться за одинокие деревья, которые тоже иногда не слишком крепкие. Пару раз молодые березки выворачивались вместе с кочкой.

Наконец понял: нужно передвигаться равномерно, без рывков. Тогда ноги не так сильно вбиваются в торфяные лужи, их легче вытаскивать.

Изабель идет сзади, иногда слышно, как постанывает, чавкает грязью, но не отстает. Периодически приходится оглядываться, она, конечно, смелая и не жалуется, но откуда я знаю — может, принцессы вообще не жалуются.

Нога в очередной раз ушла по колено, в пятку ткнулось что-то твердое и колючее, я торопливо потянул вверх, стараясь держать вес тела по центру. Если слишком подаваться вперед — нога идет на излом.

— Дрянь какая... — прорычал я, отрывая от бока жирную пиявку.

Не знаю, когда та успела присосаться, но бока раздулись, блестят и перекатываются. Уже напилась крови, но продолжает жрать.

Я с брезгливостью швырнул прилипалу в болото, та с тихим бульканьем скрылась в темной воде.

Через некоторое время показалась небольшая полянка. Во всяком случае, похожа. Поверхность затянута зеленым ковром, в тумане торчат редкие кустики с белыми цветами на длинных ножках. Издалека кажутся пушистыми, наверное, от влаги.

По бокам узкие дорожки с черной водой. Ручейки ветвятся между кочек и сливаются в центральное русло шириной не больше одного прыжка.

Я решил, надо добраться до полянки и передохнуть немного. По болоту все равно быстро передвигаться не получается. А платить жизнью за скорость не хочется.

Стараясь держаться кочек, я двинулся в сторону твердой земли. Кочки тоже с сюрпризами — если сами более-менее надежны, то вода рядом глубже раза в два. Если соскользнуть — уходишь по самый пояс. Благо рядом деревья и есть за что схватиться.

Только хотел совершить рискованный прыжок, как сзади послышалось жалобное:

— Лотер!

Я резко обернулся.

Половина Изабель торчит из заросшей топи, платье надулось вокруг громадным пузырем. Рыжая копна торчит, как фонарь, в глазах паника и бессилие.

Она начала барахтаться и махать руками, погружаясь все глубже.

— Не двигайся! — крикнул я и кинулся к ней.

Все произошло моментально. Я оказался рядом с Изабель в тот самый момент, когда из воды осталась торчать одна голова.

— Замри, не дергайся! — приказал я. — Так еще быстрее затянет.

Принцесса застыла с немигающими от ужаса глазами. В них снова мелькнули обреченность и смирение.

— Даже не думай, — пригрозил я и стал лихорадочно соображать, как вытащить, если даже подцепить нечем.

На глаза попалась длинная изогнутая ветка, торчащая прямо из кочки. Я одним рывком выдрал, оказалось — молодое дерево с широкими мочалистыми корнями. Осторожно, стараясь не задеть хрупкое тело принцессы, опустил верхний конец в трясину.

— Можешь рукой достать? — спросил я.

Голова девушки стала запрокидываться, лицо застыло над водой, как погребальная маска.

— Я тону, — леденящим голосом прошептала она.

— Ты можешь схватиться или нет? — выкрикнул я в бессильной злобе.

Повисла небольшая тишина, в который слышно лишь, как лопаются непонятные пузыри на болоте, что-то капает и чавкает. Наконец ощутил дерганье за ветку.

— Ну, неужели, — выдохнул я и осторожно потянул на себя.

Ташил одной рукой, другой пришлось держаться за ствол березы. Из топи показалась грязная от торфа рука, затем плечи. Спустя вечность я вытащил ее из трясины и усадил на кочку рядом с собой.

Одежда Изабель оказалась безвозвратно испорчена, не представляю, как в таком идти через Абергуд.

Девушка молчит, иногда постукивая зубами от холода. Волосы превратились в сосульки, с них стекают ручейки и промывают дорожки на испачканном торфом платье.

Я еще раз пожалел, что не могу дать ничего накиннуть, ну разве что штаны снять. В таком случае ей придется идти от меня на приличном расстоянии, а это совсем не годится.

— Жива? — спросил я, чтобы хоть что-то спросить.

Она подняла на меня испуганные глаза и пролепетала бледными губами:

— Насколько это возможно.

Я хмыкнул. Ишь, даже шутить пытается. Значит, быстро оклемается.

Поднявшись, протянул ей руку и спросил:

— Доползешь до той полянки?

Она скорбно посмотрела в сторону зеленого ковра, который лежит сразу за двумя широкими топиями с кучей мелких кочек.

— Куда я денусь, — вздохнула она и вложила пальцы в ладонь.

На удивление кожа оказалась теплой. Мне казалось, раз она возрождена Ильвой, то должна быть холодной, как мертвяк. Но Изабель дышит жизнью, если не считать смиренного выражения лица и готовности умереть ради спасения королевства.

Я дернул на себя. Принцесса не ожидала такой силы, хрупкое тельце взлетело, как пушинка, и упало мне в руки.

Даже сквозь торфяную грязь и болотные испарения почувствовал приятный запах ее тела. Она на секунду замерла, губы снова порозовели. Пришлось отстраниться, а то мало ли что. Давно не был в таверне, где есть дом с багровыми фонарями.

— Пойдем, принцесса, — сказал я, отворачиваясь. — Разведем костер, просушим тебя.

Глава 7

Кое-как сквозь туман дотащил Изабель до относительно сухого места. Им оказалась огромная кочка, которая за длительное время превратилась в островок. На ней появились болотные цветы с белыми маковками, несколько кустиков клюквы и даже маленькая нора.

Вокруг по воде стелется зеленоватая дымка, коряги из нее торчат, как кривые пальцы, норовящие схватить и утащить на самое дно.

Мы буквально вползли на зеленый ковер. Я быстро отряхнулся по-волчьи и глянул на девушку.

Колени принцессы подкосились, она рухнула в траву, раскинув руки. Я не успел подхватить, Изабель не обиделась или сделала вид. Мол, в походе все должны проявлять стойкость. Даже принцессы.

Сейчас она похожа на свинопаску, но никак не на придворную леди: платье в торфе, лицо забрызгано грязью, волосы висят темными сосульками. От бывлой рыжести не осталось следа.

Я не стал ее трогать, пусть полежит, придет в себя. Сам прошелся по пятаку суши, собрал немного веток. Все сырое, развести огонь в таком месте — целая наука. Немного подумав, бросил сырые ветки и наломал палочек со стоячих деревьев. Эти хоть не пропитаны водой. Долго ковырялся с площадкой для костра — надо как-то сделать, чтобы влага от травы не просачивалась. На глаза попался небольшой трухлявый пенёк.

Вытащить его из податливой земли оказалось проще, чем тащить принцессу по болоту — корни почти не держат. Я перекатил его на возвышенность, когда очистил середину от трухи, появился терпкий смолянистый запах. Отлично, раз есть смола — значит, даже мокрым гореть будет.

Поставил ветки шалашиком. Вроде должен загореться, осталось только камешки подходящие найти.

Принцесса все еще лежит, раскинув руки, и тяжело дышит. В таком положении корсет чуть оттянулся, открывая белоснежное декольте. С каждым вдохом грудь высоко вздымается, как от бега.

Я хмыкнул и отвернулся. Красивая, ничего не скажешь. Беспомощная, но красивая. Из стаи ее бы все равно выгнали за слабость, а мне — жалко.

Над ней стала собираться тучка комаров, еще немного — и начнут кусать.

— Ты бы встала с земли, — посоветовал я. — И так мокрая, еще и лежишь на сыром. Если простудишься, точно брошу.

Она вывернула голову и преданно посмотрела на меня. Даже глаз с кошачьим зрачком выглядит честным. Ох уж этот взгляд. Специально ее, что ли, обучали так смотреть?

Я помахал рукой, показывая, мол, давай-давай, поднимайся. Она со стоном перевернулась на живот. Под ней чавкнуло мокрое платье. С заметным усилием принцесса села на колени и уперлась ладонями в мох.

— Ощущения, что меня жевали тролли, — протянула она жалобно.

— Ты даже не представляешь, что такое тролли, — ответил я, скользя взглядом по островку. — Если встретишь, убегай. Они сильные, но не слишком проворные.

Изабель подползла к коряге, торчащей из травы, и с выдохом оперлась спиной.

— Похоже, знаешь, о чем говоришь, — произнесла она устало.

Я кивнул:

— Лучше бы не знал.

Пока принцесса приходила в себя, мне удалось найти подходящие камешки. Несколько минут безуспешно чиркал над деревянным шалашиком. Потом дошло: нужно что-то быстро воспламеняющееся.

Повертел головой, справа на дереве коричневым блином торчит гриб. Отлично, с помощью таких стая переносит огонь с места на место, чтоб не разводить по десять раз.

Ствол оказался гладким, как вымоченная кожа. Пришлось попотеть, прежде чем смог забраться наверх и сорвать с коры бурый нарост.

Спустя несколько минут стараний из сухой сердцевины гриба появился дымок. Я облегченно выдохнул — не упал в грязь мордой перед принцессой, думал, совсем плохой стал, огонь не могу развести.

Я подложил тлеющую массу под шалашик, стараясь, чтобы сырой воздух не пустил мои старания насмарку. Наконец веточки зарделись желтыми языками.

— Подсаживайся ближе, — сказал я, оборачиваясь к принцессе. — Суши платье, в мокром далеко не уйдешь. И комары к костру не полетят. У тебя уже несколько красных точек на руке.

Она стала моститься у костерка, а я наломал еще веток. Для обогрева и сушки нужно много тепла.

Собрав достаточно хвороста, уселся рядом и стал подбрасывать топливо. Костер сразу оживился, пламя раздулось, приятный жар защекотал кожу. Вот оно, счастье: дорога, огонь, свобода.

На мне штаны высохли еще раньше, от тепла тела. Принцессе же пришлось высунуть ноги из-под юбки, чтобы хоть как-то дать просохнуть тому, что намокло под ними. Судя по всему, слоев ткани немерино, иначе платье было бы не таким пышным. Я покачал головой — с человеческими женщинами сложно.

Она несколько минут молча перекладывала юбки. Набухшая ткань хлюпает и чавкает. Трудностей добавляет то, что сидит на мокром, что вообще нехорошо.

Наконец она поднялась, на щеках проступил яркий румянец. Я насторожился — видел я такое выражение, оно предвещает, предвещает... Непонятно что.

— Платье плохо сохнет, — сказала она, еще больше смущаясь. — И нижние юбки с панталонами.

Я приподнял бровь. Такая откровенность от принцессы — явный перебор. Да что там, сама от себя не ожидала, стоит вся пунцовая, пальцы заламывает.

— От меня-то что хочешь? — спросил я, подозрительно прищурившись.

У Изабель даже уши стали цвета летнего заката. От такого одежда не то что высохнуть — вспыхнуть должна. Вместе с волосами и травой вокруг.

— Ну... — сказала она и замялась.

— Давай, не томи, — поторопил я.

Принцесса потупила взгляд.

— Мне бы снять ее и развесить, — проговорила она тихо. — Верхнее, может, и высохнет от костра, но нижнее — нет. А оно важнее.

Несколько секунд я смотрел на Изабель, стараясь, чтобы мои мысли не отражались на лице. Принцесса замерла с круглыми глазами, губы крепко сжаты. Ни одна мышца на лице не дрогнула. Неужели правда верит мне? Чокнутая.

Спустя пару минут удалось совладать с инстинктами, укрощению они поддались с огромным трудом. Боги, дайте сил.

Я прочистил горло и отвернулся, чтобы не смотреть на нее, как на котлету из телячьей вырезки.

— Гм, — вырвалось у меня.

Откуда-то слышались уже знакомые чавкающие звуки. Пока лезли через топь, они приблизились, но, когда добрались до островка, развели ко-

стер — все стихло. Большинство тварей пугает тепло и огонь. Для болотных гадов тоже закономерно — существа, живущие в сырости и холоде, не могут любить пламя.

В который раз по заливку прокатилась неприятная волна, она подсказывает — надо ускориться. Ощущения, что в Абергудских топях лучше на одном месте не сидеть.

— Делай что хочешь, — выдохнул я наконец. — Только поскорей.

Она начала было развязывать корсет, но спохватилась и отшагнула назад.

— Может, поставить какие-нибудь палки? — попросила она робко. — Я платье на них повешу. И потом отвернись.

Я закатил глаза: что за наказание? Сначала увязалась, теперь раздевается. Какой нормальный ворг при этом сохранит рассудок?

Едва соображая, я подскочил. Наугад воткнул несколько веток перед костром на достаточном расстоянии, чтобы высушить ткань, но не спалить. Даже перекладину сделал, чтоб мысли отвлечь.

Установив последнюю палку, я буквально перепрыгнул через кострище и уселся спиной к нему.

— Готово, — буркнул я под нос. — И давай шевелись. Долго нельзя расслаживаться, место жуткое и времени мало.

Сзади слышалось шуршание. Я тяжело вздохнул. То, что сижу спиной, ничего не меняет. Обоняние у меня сейчас не волчье, конечно, да и слух слабее, но в три раза лучше человеческого. Картинка всплывает перед глазами, почти как если бы видел воочию.

Слышу, как возится с завязками, вот справилась с корсетом, но сразу не сняла. Перешла к верхним юбкам, тоже клепки какие-то, бантики.

В воздухе растекся приятный, чуть сладковатый запах ее тела. Значит, уже вылезла из юбок. Раздался тихий скрип — стянула корсет. Я скрипнул зубами, надо держать себя в руках. Это просто человеческая девушка, просто инстинкты, просто... Фу ты черт, точно пора в таверны Межземья.

По звукам понял — развесила вещи по перекладинам и уселась на корягу.

— Я закончила, — раздался робкий голос из-за спины.

— Поздравляю, — ответил я хрипло.

— Можешь поворачиваться, — разрешила Изабель. — Платье висит как ширма, меня не видно.

— Какое счастье, — ответил я и обернулся.

Юбки и правда развешены таким образом, что полностью скрыли принцессу. Только ноги выставила к костру из-под ткани. От костра пятки кажутся розовее обычного, такие ножки никогда не наступали ни на что грубее дворцового ковра. Рядом на вертикальных прутьях замерли панталоны и корсет. Из-за каркаса он стоит, как флаг.

Я тяжело втянул воздух, улавливая не только манящий запах Изабель, но и совершенно чужой и тревожный. Опять чувство преследования. Какая-то дрянь околачивается вокруг островка, это к ведьме не ходи.

Внутри шевельнулась тревога, я хищно зыркнул на покрытую ряской воду. Намерения у твари не слишком добрые. Существо, которое пахнет мертвечиной и гнилью, не может нести светлое и вечное. Хотя вечное, наверное, как раз может.

Во рту снова появился трупный привкус, я раздраженно лязгнул челюстью — не люблю, когда изменения происходят без моего ведома.

Принцесса потеряла стопу о стопу, из-под ткани показались пальцы. Она быстро ощупала юбки.

— Как быстро подсыхает, — удивилась она. — Надеюсь, панталоны тоже. В мокрых очень неприятно.

— Еще бы, — согласился я, отворачиваясь. — Думаю, тебе вообще придется отказаться от некоторых деталей одежды.

Из-за юбки-ширмы донесся вздох удивления.

— Ты предлагаешь идти без платья? — изумилась принцесса.

Совсем рядом в зарослях камыша раздалось бульканье, я поднялся и настороженно всмотрелся в туман. Без толку — дымка окружает островок, как молоко. Загрибок встал дыбом, из глотки непроизвольно вырвался рык.

— Что случилось? — спросила она испуганно.

— Не знаю, — ответил я и с силой шарахнулся головой о ствол березы.

Не придумал ничего лучше, чем перекинуться в волка. Болотных хищников не знаю, а в нехищника превращаться опасно.

В голову ворвались звуки и запахи. Шорохи, бульканье, чмокание, все это рядом — под водой, в кочках, внутри гнилых стволов. Непонятно только, что за звери так шумят.

Я осторожно перепрыгнул на холмик возле островка. Затормозив передними лапами, опустил голову и принялся.

В камышах перестало чавкать, похоже, существо догадалось, что раскрыто. Вода пошла мелкой рябью,

будто кто-то поплыл от берега. Тыфу ты, пропасть! Надо было хватать.

В глотке заклокотало от гнева, не люблю, когда добыча убегает. Но что-то подсказывает — мы еще встретимся. Видать, волчий облик напугал тварь, звериная морда всех пугает.

Вернувшись на островок, обнаружил Изабель сидящей в панталонах и корсете прямо у костра. На землю под себя подложила небольшое бревнышко, руки обнимают колени, голова смиренно лежит сверху. Пришлось быстро натянуть штаны, пока она не увидела и не залилась своим подкупающим румянцем.

Принцесса беззащитная, а ворги не любят слабых. Если тело никудышное, значит, и потомство будет хилым, в этом с гоблинами у нас согласие. А у меня неправильная тяга защищать немощных, хотя борюсь с этим всеми силами.

Волосы Изабель подсохли, лежат огненными кольцами на плечах. Пару секунд любовался — если ее поднатаскать, возможно, получится следопытка или... Да кого я обманываю.

— Ты готова? — спросил я, даже не скрывая голодного взгляда.

Изабель подняла голову и захлопала пушистыми ресницами. Румянец все же залил щеки, пылают, как летнее зарево. Она попыталась натянуть панталоны пониже, получилось лишь чуть прикрыть колени.

— Нижняя одежда высохла, — проговорила она смущенно. — А верхняя еще сырая.

— Отлично, — гаркнул я настолько резко, что сам удивился. — Обувайся. Пора уходить.

— Почему такая спешка? — не поняла она.

— По кочану и по репке, — ответил я. — За нами слежка.

Изабель испуганно спросила:

— Кто следит?

— Откуда я знаю, — зло бросил я, ощущая позорное бессилие. — На глаза не попадается, запаха не чую. Может, нежить уже выследила, а может, болотные проглоты выжидают подходящий момент, чтоб сожрать.

Глаза принцессы округлились, плечи затряслись.

— Проглоты? — спросила она в ужасе.

Я закивал, снимая с палок юбки и платья.

— Угу. Проглоты, твари, нечисть. Как хочешь называй. Думаю, им без разницы. Для них куда интереснее поживиться нежным мясом. Если что, тебя первую съедят.

Изабель побледнела и поднялась. Корсет завязан не полностью, поэтому в вырезе виден камень и два округлых полушария с белоснежной кожей.

Я потрянул головой и сказал:

— Сделаем из твоих тряпок полезные вещи.

Спустя несколько минут усилий, под возмущенные вздохи и причитания Изабель, я соорудил из тряпок мало-мальски годный плащ. Непокрытые плечи быстро зябнут на сыром воздухе. Пару юбок все же оставил — они тоже греют, но одну наказал заправить в панталоны. Принцесса долго возмущалась, кричала, что это недопустимо и вообще неудобно. Пришлось пригрозить бросить ее прямо тут. Лишь тогда девушка снова присмирела. Туфли вместе со шиколотками обмотал остатками ткани, чтоб не соскакивали, если увязнет.

Наконец самодельное обмундирование принцессы было готово. Я удовлетворенно окинул ее с ног до головы и сказал:

— Так-то лучше. А то намылилась в поход в шелковом платье.

Изабель посмотрела на меня исподлобья и поправила панталоны под юбкой. Наверное, заправленная часть давит и собирается волнами, но что поделать.

Небо все еще скрыто мутной дымкой, вокруг квакают лягушки, да так громко, что кажется — это не лягушки, а огромные существа, которые под них только маскируются.

— Ну что, — спросил я намеренно бодро, — готова к новому забегу?

Лицо принцессы стало скорбным, но ничего не сказала, только покорно кивнула и вцепилась в край юбки.

Мы двинулись навстречу сгущающемуся туману, хотя трудно представить — куда уж плотнее. На расстоянии трех прыжков ничего не видно. Стараюсь вести девушку по кочкам, но она все равно нет-нет, да находит место, где уйти по колено. Приходится кидаться к ней, вытаскивать.

Пока лезли сквозь заросшую ряской низину, я размышлял. На кой все-таки она за мной увязалась? Не думала же, что в самом деле сожру. Хотя я ворг, к тому же беглый. А толпы гвардейцев и нежити, что ищут нашего брата, совсем не добавляют авторитета и спокойствия.

— Изабель? — бросил я через плечо и покосился на нее.

Принцесса с пыхтением перетаскивает ногу через бревно. Поверхность скользкая, еле удерживается, чтобы не свалиться в грязь.

Увидев, что смотрю, она резко дернулась и потеряла равновесие. Послышался треск ткани, видимо, юбка зацепилась за сучок. Девушка пискнула и полетела в лужу, растопырив руки.

Я метнулся и успел подхватить ровно в тот момент, когда ее спина почти коснулась воды.

Глаза Изабель расширились, она испуганно застыла, не зная, как реагировать на ситуацию. Наверное, во дворце не принято хватать принцесс, но нынешняя ситуация мало похожа на дворцовую. Поэтому она аккуратно сложила пальцы на животе и слабо улыбнулась.

Все мысли отразились на лице принцессы как на ладони. Даже непривычно. Обычно женщины хитрят и изворачиваются, а эта — сама наивность и целомудрие.

— Спасибо, — сказала она и отвела взгляд. — Думала, снова придется сушиться.

Я, все еще держа девушку, ответил:

— Нет уж. Еще одна внеплановая сушка нам точно ни к чему. И так тащимся, как слизни по столу.

Судя по всему, сидеть у меня на руках Изабель понравилось — собралась комочком, пригrelась. Почти ничего не весит, а может, это для меня ее тело кажется легким. Во всяком случае, нести могу очень долго. Только трясине это не объяснить. С двойным весом буду вязнуть сильнее и выбираться дольше.

— Отдохнула? — спросил я, ставя ее на кочку. — Идти можешь?

Она взглянула на меня васильковыми глазами и чуть улыбнулась.

— Конечно, — проговорила Изабель. — Не стоит так переживать за меня.

— Да. Как же, — бросил я, нехотя отстраняясь, и направился вброд по болоту.

Кочки стали попадаться реже, растительность, что обычно растет на бережках, исчезла вместе с этими самыми бережками. Спустя полчаса увидел перед собой непроглядную зеленую дымку.

Земля под ногами ходит ходуном, как если стоять на гоблинском ковре, а под ним вода. Вперед убегает покрытая зеленью поверхность и теряется в тумане. На вид вполне твердая, но чутье говорит обратное. Стоит шагнуть — провалишься по самую голову.

На секунду дымка впереди рассеялась, я увидел заболоченное русло, петляющее между старых сосен. Стволы широкие и старые, даже смог разглядеть массивные наросты трутовиков на коре.

Если держаться поближе к деревьям, есть шанс пройти по сухому. Правда, чавкающие кочки едва ли можно назвать сухими.

Весь путь пришлось держать Изабель за руку. Не то чтобы она очень просила, но проще вовремя выдергивать ее из грязи прямо на месте, чем кидаться из стороны в сторону.

— Ты мне вот что ответить, — сказал я, перетаскивая принцессу через поваленное дерево. — Зачем все-таки за мной пошла?

Маленькие пальцы принцессы ухватились за плечо, Изабель осторожно соскользнула с бревна.

— По-моему, это очевидно, — ответила она и бесхитростно посмотрела на меня.

— Очевидно, да не очень.

Изабель выдохнула и глянула в сторону. Лицо снова приобрело скорбное выражение.

— Понимаешь, — сказала она и хлопнула комара на щеке. — Я не хочу быть обузой. Не хочу, чтобы из-за меня поработили королевство. Для Ильвы я рычаг управления. Возможно, она сто раз пожалела о том, что вложила в меня часть себя. Но только так можно было подобраться к королю.

— Обузой ты уже стала, — сообщил я буднично, но, заметив тоску в глазах Изабель, добавил: — Но своим исчезновением ты мало поможешь.

— Почему? — не поняла принцесса.

Я ответил, перепрыгивая лужу:

— У темнейших планы куда шире. Она ждет падения некоего Талисмана, чтоб заполнить нежитью не только Центральные земли.

— И Восточный край? — предположила принцесса.

— Бери выше, — сказал я, подняв указательный палец. — Весь мир!

Изабель в ужасе вытаращила глаза и прикрыла рот ладонью.

— Но это невозможно! — выдохнула она. — Нет силы, которая способна дать нежити столько власти. Эльфы, например, с этим не смирятся.

Вязкая капля упала мне на лоб, я брезгливо вытер тыльной стороной ладони и проговорил:

— Да эльфам плевать на остальных. У них самих забот непочатый край. Куда уж до какого-то Восточного края. Они и знать не знают, наверное, где это находится. Тем более, насколько мне известно, не все эльфы любят людей.

Изабель перескочила с пня на кочку и произнесла неуверенно:

— Нянечка рассказывала, что существует город, куда эльфы уводят людей. Только я не поняла, для чего.

— Думаю, ничего хорошего их там не ждет, — пробубнил я.

Принцесса не унималась.

— Но как же так? Неужели королева и правда решилась на такое? Искать мифический Талисман, о котором никто и не слышал раньше. Разве ей мало того, что уже стоит за плечами у короля?

— Власти никогда не бывает достаточно, деточка, — сказал я. — Ильва неспроста засела у себя в степи и носа не кажет. В отряды и то лишь по призыву наведывается.

— Хм, — задумчиво протянула Изабель. — Вообще-то дворец она тоже через быстрый портал посещает.

— Вот-вот, — согласился я. — А если так, значит, Талисман действительно что-то может. И мне никак нельзя дать темнейшему его заполнить.

Изабель замолчала на некоторое время, а я подумал: ей, наверное, трудно переварить все, что происходит. Считала себя центром событий, а тут вот оно как. Хотя тогда непонятно, чего Ильва так вцепилась в принцессу. Если Талисман все равно будет у нее, какая разница, что думает король?

— Странно, — произнесла девушка, будто прочитав мои мысли. — Зачем тогда она меня спасла?

Я пожал плечами и перенес ее через очередную трясину. Звериное чутье быстро приноровилось подмечать опасные места, а принцесса до сих пор скачивается с кочек. Приходится брать на руки там, где это возможно.

— Не знаю, принцесса.

С этими словами я поставил Изабель на сухую почву.

Мы выбрались из низины на заболоченную, но ровную поверхность без травы. Дымка тут реже, окрестность видно на десяток прыжков. Между маленьких озерц вьется что-то вроде тропы.

— Я пойду первым, — сообщил я. — А ты держись рядом.

Она кивнула.

Болото двинулось навстречу, как огромный печальный монстр. Топь, которую только что преодолели, всего лишь преддверие, сени к промокшему, набухшему от воды массиву. Все здесь чужое и враждебное. Даже мне не по себе.

Я привык к эху. Залезешь на холм да как завоюешь на всю округу. А с соседних возвышенностей и низин в ответ — «у-у-у». Но здесь звуки тонут в каплях застывшей влаги. Только чавканье из-под ног и жутковатое бульканье по краям тропы.

— Лотер! — раздался сзади сдавленный писк.

Я резко обернулся, шерсть вздыбилась, клыки вылезли на всю длину.

У края тропы у воды извивается зеленый ствол в два обхвата, корень спрятан где-то в трясине, а верхний край усыпан сотнями ножек с красными каплями и напоминает гигантские челюсти. В середине травяного рта дергается Изабель.

— Оно само вылезло! — жалобно крикнула принцесса. — Я за тобой шла, а оно из воды!

Ярость пришла моментально, мышцы надулись звериной мощью. Я с ревом кинулся к растению и стал рвать ствол когтями, но добился не большего эффекта, если бы колотил тролля деревянной дубиной. Тот хотя

бы возмутился. Чудовище не реагировало — поцарапанные места моментально затягивались, а голодная голова все сильнее сжимала девушку.

— Жжется! — пропищала она, пытаясь освободиться от смертельной хватки.

— Можешь сбросить щупальца? — выкрикнул я в бешенстве.

Она забрыкала ногами, но длинные жгутики тут же опутали их, сжимая, как удав кролика.

— Нет, они липкие! — выпалила принцесса.

Очередная волна ярости прокатилась по всему телу, перед глазами замелькали радужные вспышки. В бессилой злобе я принялся раздирать ствол. Клыки рвали грубые волокна растения, несколько раз пытался сдернуть Изабель вниз, но клейкие капли только сильнее прижали добычу.

Никогда еще не чувствовал себя таким беспомощным. Даже в момент ухода из стаи была четкая уверенность: все будет так, как надо. А сейчас на глазах погибает хрупкое человеческое создание, и я ничего не могу сделать.

Воздух прорезал свистящий звук, над ухом мелькнула блестящая полоска. Что-то чрезвычайно острое пронеслось через ствол чудовища.

Половина, которая сжимала Изабель, качнулась, словно не веря в конец. Затем верхняя часть чавкнула и полетела на землю вместе с принцессой. Обреченное растение перестало цепляться за девушку, я успел поймать ее прежде, чем она стукнулась о кочку.

— Я думала, умру, — прошептала она еле слышно.

— Ну что ты, — успокаивающе ответил я. — С чего тебе умирать? У тебя камень Ильвы в груди.

Из тумана выступила огромная угловатая фигура. Сначала показалось, это очередной болотный монстр, но когда фигура приблизилась, увидел наездника на водомерке размером с лошадь.

— Да прибудет с вами Великая Жаба, — сказал незнакомец.

Ездовой зверь выглядит жутко. Глаза в мелкую сеточку, усами размахивает, как надсмотрщик кнутом, вытянутое тело пружинит на длинных ножках, покрытых частыми волосками. Наверное, поэтому удастся не тонуть.

Сам наездник невысокий, даже с земли видно. Глаза большие, водянистые, рот широкий. Если бы от него не пахло человеком — решил бы, что упырь.

— Спасибо, путник, — поблагодарил я незнакомца. — Хорошее у тебя оружие.

Он ухмыльнулся и закричал.

— Не путник я, а житель бескрайних Абергудских болот, — сообщил спаситель гордо.

— Извини, не хотел обидеть, — сказал я, ставя принцессу на землю. — Не каждый день видишь, как девушку кусок капусты пожирает.

— Ты вор. Откуда тебе видеть такое? Не знаю, что такое капуста, но это роцера. Они по всему болоту, — сказал он со знающим видом. — Давай-ка я отвезу вас в Абергуд. Там подсохнете, отдохнете. Зачем пешком тащиться сквозь топь, если есть вот?

Он хлопнул водомерку по блестящей спине, послышался металлический звук. Такой в лапы попадешься — мало не покажется, если у нее спина в доспехах, то и клыки должны быть крепкими.

Я насторожился. Слишком уж отзывчивым кажется чужак, так не бывает. Тем более с воргом.

Только хотел наклониться к принцессе, предупредить, как обнаружил ее идущей к водомерке. Спина по-королевски прямая, подбородок поднят, даже в непонятном наряде видно — знать.

Я скрипнул зубами, но остался на месте в надежде, что успею допрыгнуть и оторвать голову, если что.

— Буду очень признательна, — произнесла принцесса доброжелательно. — Я уже совсем вымотана сыростью и тяготами дороги.

Быстро она из послушной спутницы превратилась в великосветскую даму. Оно и понятно, принцессе не место в болоте, но как-то обидно.

— Я Жамчин, — представился незнакомец.

— Очень приятно, — улыбнулась принцесса, поднимаясь на водомерку по согнутой лапе.

Волоски из конечности послужили ступеньками, девушка шагает уверенно, будто всегда ходила по жучьим ногам.

Жамчин усадил ее перед собой и потянул зверя за короткие усы. Водомерка послушно приподнялась на ножках.

— Судя по всему, вы принцесса Центральных земель, — произнес он тоном, который мне совсем не понравился. — А это беглый ворг, которого ищет вся армия Ильвы и королевские гвардейцы.

У меня свело желудок, внутри все упало. Я зарычал и кинулся вперед, водомерка сделала пару движений, они мигом оказались на середине топи.

Еле успел затормозить, чтобы не рухнуть в воду, даже с ворговским прыжком не долететь до гада. Лицо Изабель побледнело, она дернулась в сторону, но Жамчин прижал ее к себе. Губы чужака расплзлись в довольной ухмылке.

— Лотер! — только смогла выкрикнуть она.

— Ее темнейшество будет очень довольна, когда увидит принцессу, — сказал Жамчин, уводя водомерку еще дальше. — Ворга доставить не могу, но ты сам придешь. Девчонка-то у меня.

Внутри все закипело, я зарычал в бешенстве. Уже готов был к безумному прыжку, но вовремя вспомнил — под водомеркой неведомо сколько воды.

Ярость накатила новая волна, дыхание участилось. Я стоял и кипел в исступлении, наблюдая, как Жамчин увозит брыкающуюся Изабель в туман.

Глава 8

Несколько минут смотрел, как туман поглощает гигантскую фигуру водомерки. Потом на смену ярости пришла холодная злость. Говорила мне мать — не верь людям. А какие они, сухопутные или болотные — без разницы.

Мелькнула мысль кинуться в погоню, запрыгнуть све о не останутся кровавые лоскутья. Дыхание снова участилось, хоть сейчас беги. Только осознание бесполезности затеи останавливает.

На водомерке они умчались уже очень далеко, мне даже волком не догнать по болоту. А вот увязнуть и сгинуть — легко.

Гнев не утихал — болотный гад украл мое. Не то чтобы совсем мое, но принцесса была под моей опекой и надзором.

Я ходил по берегу и лязгал челюстями, пытаюсь погасить жажду мести и справедливости. В мокрой земле

образовалась колея, вода снизу постепенно просочилась, и теперь хожу по щиколотку в луже.

Измерив еще четверть версты, решил, все не так плохо. Больше не нужно трястись над хрупкой девушкой, следя за каждым шагом, чтоб, не дай боги, не провалилась, не утопла. Ей, скорее всего, в Абергуде будет лучше, чем в сырых, зловонных топях, где каждый куст пытается сожрать.

Едва ли ей станут причинять вред. В конце концов, она королевская дочь, и за нее можно выручить кучу золота, хватит не только на болото, но и на близлежащие земли. А главное — меня больше ничто не сдерживает.

Убедив себя таким образом, я быстрым шагом направился по извилистой тропе.

Дорожка петляет между небольшими озерцами, если бы не знал, что трясина, — отхлебнул бы. Благо от сырости пить не хочется. Ощущение, что влага пропитала меня до самых внутренностей. Мокрая трава чавкает под ногами, иногда между пальцами выстреливают маленькие фонтанчики.

Налетел ветер, небо на секунду расчистилось. Даже не подозревал, как за несколько часов стосковался по солнцу. Светило мелькнуло, как божественное око в грязном тумане, и снова скрылось. Захотелось завыть, аж чуть не остановился. Но вовремя вспомнил, зачем вообще иду через топи.

По обеим сторонам тропы слышатся тихие всплески. Все-таки какая-то тварь меня преследует. Покажись только — разберемся, кто тут хищник.

Туман снова уплотнился. Холодные капли воды собираются на коже и делают меня похожим на больного пузырчаткой. От штанов валит пар — ткань быстро на-

бирает влагу, но горячее тело моментально испаряет, поэтому иду, окутанный небольшим облачком. Хотя какое облачко, тут и так все в дымке.

В памяти нет-нет, да всплывает ухмыляющееся лицо Жамчина. Плешивый жабеныш! Попадись мне только.

Справа что-то булькнуло. Я покосился в сторону. Думал, померещилось, но, присмотревшись, пожалел, что вообще повернулся...

Под водой лицами вверх плывут то ли утопленники, то ли кикиморы, то ли леший разбери кто. По идее, тела должны распухнуть от влаги, но те лишь отдают мертвенной синевой. Кое-где с зеленцой даже. Глаза круглые, водянистые и смотрят будто в самую душу.

По спине пробежала холодная струйка. Жутко, хоть рычи. Как в детстве, когда ложишься спать на лавку и боишься высунуть ногу, потому что под ней непременно сидит бабай и ждет, когда схватить. Сейчас твари самые настоящие, спрятаться под одеяло не получится.

Звериное чутье вопит об опасности, требует, чтобы не смотрел на мертвые лица. Но я уже начал и не могу отвести взгляд.

Видя мой интерес, они стали поднимать руки, но уперлись в поверхность, будто на ней невидимая пленка.

— Фух, — сказал я вслух и выдохнул. — Думал, конец.

Утопленники оживились, принялись толкаться и стучать ладонями в поверхность воды. Но безуспешно.

По болоту пронесся разочарованный стон, похожий на вой и писк одновременно. Твари, недоволь-

ные, что не удалось заманить, скорчили несчастные лица и раскрыли рты. Будь моя воля, высушил бы весь Абергуд. Нет в нем ничего хорошего.

Из куста клюквы прямо на середину тропы выпрыгнула огромная жаба и посмотрела на меня печальными глазами. Пупырчатая кожа блестит от воды, на спине множество дырочек, из которых время от времени высовываются черные головастики. Зрелище то еще. Вызывает ощущения то ли отвращения, то ли голода.

Хотел обойти лягушку, но она прыгнула навстречу. Когда подался в другую сторону, жаба снова перегородила путь.

— Тебе чего? — не удержался я.

Жаба будто поняла. Кожистый мешок под горлом надулся, прорисовывая синеватые жилки, она квакнула и снова с грустью уставилась на меня.

— Слушай, — сказал я, смущаясь оттого, что говорю с жабой. — Не знаю, чего ты хочешь, но этого у меня точно нет. И если сейчас не уберешься, придется тебя пнуть. А это плохо для головастиков.

— Ква, — расстроенно сообщила лягуха и отпрыгнула в сторону.

— Так-то лучше, — произнес я, проходя мимо печальной жабы.

Все-таки присутствие человеческой женщины очень напрягает, даже голова нормально не реагирует. Все течет в одно русло. Я все-таки зверь, и часто вместо разума говорят инстинкты. Надеюсь, с Изабель все в порядке. Не дай боги узнаю, что с ее головы хоть волосок упал.

От мысли, что с ее огненной головы может свалиться хоть волосок, перед глазами вспыхнули цвет-

ные мухи, из глотки вырвался рык. С трудом взял себя в руки.

Из воды снова слышались стоны и тоскливое завывание. Я глянул на топь и отшатнулся.

Прямо на меня из-под невидимой пленки смотрит женское лицо с огромными раскосыми глазами. Тепло синее, стройное, личико настолько идеальное, что почти эльфийское. Эльфов никогда не видел, но говорят, с их красотой ничто сравниться не может.

Крупная грудь с сиреневыми серединами колыхается в воде, вокруг туманным облаком плавают такие же сиреневые волосы. Нижняя часть скрыта темной водой. Точнее, надеюсь, что скрыта, а не просто отсутствует.

Полные губы утопленницы призывно открылись, она приложила ладони к поверхности и что-то прошептала.

— Чего? — переспросил я, зачарованный зрелищем.

Утопленница вытянула шею и поманила пальцем.

Я секунду колебался, затем чуть наклонился к краю тропы. Девица чуть улыбнулась, обнажив ряд жемчужных зубов, и снова прошептала.

Опять ничего не разобрал, зарычал. У меня великолепный слух, а тут не могу различить, что говорит женщина в двух шагах.

Очарованный и рассерженный, я опустил на колени у кромки воды и поднес лицо к самой поверхности. Получилось, будто смотрю на нее из-за прозрачного барьера. Глаза утопленницы близко, могу разглядеть черточки в сиреневых радужках.

Она легонько коснулась пальцами подбородка и загадочно прищурилась.

— Что ты там говоришь? — спросил я, теряя терпение.

Губы утопленницы натянули водяную поверхность. Я ощутил, как теряю опору, даже несмотря на то, что упираюсь коленями. Перед глазами закрутился туман, кочки и трава. Меня с силой швырнуло в воду, сквозь плеск успел разобрать слова:

— Нужно было послушать жабу.

Холодная поверхность мгновенно сомкнулась над головой. Пока летел, успел набрать воздуха. Хоть на это хватило ума, а то утопшая красавица совсем чуть отшибла.

Стаи утопленников окружили моментально, холодные пальцы ухватили за руки-ноги. Я дернулся, кожу на ноге царапнуло, меня с утроенной силой потащили вниз.

Бледный свет дня быстро удаляется, вода вокруг все больше походит на густой кисель. Попытался сопротивляться, но цепкие пальцы утопленников крепко впились в кожу.

Я плотно сжал губы и задержал дыхание. Главное — не открывать рот и сохранять спокойствие. Спокойствие, леший его задери! Не сложно догадаться, что им от меня надо. Сожрут, и дело с концом.

Свет перегородила все та же утопленница с красивым лицом и пышной грудью. Все-таки нижняя половина тела у нее есть. Только совсем не такая, какую хотелось: огромные гусиные лапы и обвислый живот фартуком, который колышется из стороны в сторону.

— Не бойся, — прожурчала она таинственным голосом. — Больно не будет. Ну, может, чуть-чуть, в самом начале.

Отвечать не стал — надо беречь воздух, рванулся в сторону и получил порцию ударов в бок.

Все стало таким темным, что уже не понимаю — где верх, где низ. Только по пузырькам воздуха можно сообразить, куда плыть.

Запас дыхания кончается, а я все еще не придумал, что делать. Где-то там Ильва сидит в Мертвой степи и ждет Талисман, чтобы завладеть миром. В Абергуде томится Изабель, в Центральных землях идет охота на воров. А я тону среди утопленников в забытых топях.

Эта мысль взбесила, я с рычанием рванулся, забыв, что нахожусь в воде. Из рта вырвались ценные пузырьки и умчались вверх.

Легкие сдавило.

Я в панике замотал головой в поисках чего-нибудь твердого. Перекинуться. Надо перекинуться в водяную тварь. На воздушных и водных зверей нужно много сил, но должно хватить, недавно ел кости.

Остается найти твердое, просто твердое...

— Ну, что ты нервничаешь, — снова прожурчала утопленница. — Сейчас все закончится. Воздух ты уже потратил, скоро конвульсии начнутся. Затем все забудешь, потому что помнить тебе будет нечем. Если повезет, муж мой сделает болоткой, а нет — забвение тоже неплохо.

Я заметался, вырываясь из крючковых лап, но безуспешно. Они только сильнее сжались. В темноте голова коснулась чего-то гладкого и жесткого. Забвение! Куда там. Не до забвения мне.

Недолго думая я со всей силы шарахнулся затылком, аж искры из глаз посыпались. В самый последний момент успел подумать: превратиться нужно в подводного и маленького.

Через мгновение мир изменился до неузнаваемости. Легкие сдавливать перестало, вместо этого ощутил, как по бокам головы вливается вода, но не топит, а, наоборот, насыщает воздухом. Хотел гребануть руками или плавниками, но таковых не обнаружил. Зато снизу спины что-то весело дергается.

Великолепно.

Я головастик.

За сутки пришлось перекидываться такими животными, в которых нормальные ворги за всю жизнь не превращаются. Бегают себе волком и в ус не дуют. Зачем пробовать что-то еще? В общем-то, вполне здравое рассуждение, до тех пор пока не окажешься в яме нежити или вот тут — в трясине с утопленниками.

Маленький размер сыграл на руку. Твари моментально растерялись, обнаружив мое исчезновение. Принялись озираться с разочарованным бульканьем, носиться в толще воды.

— Где он? — послышалось шипение главной утопленницы.

— Не знаю, — раздалось в ответ. — Я держал. Человек ударился о корягу и исчез.

Утопленница с сиреневыми волосами несколько секунд хлопала редкими ресницами, изо рта выплывали небольшие бурунчики, затем идеальное лицо злобно искривилось.

— Превеликий болотник! — забурлила она. — Он не человек! Он ворг!

Я на несколько секунд замер, наблюдая, как утопленники мечутся в бессильных попытках меня обнаружить.

Из-за черной окраски найти в темной воде головастика размером чуть больше горошины — задача почти неразрешимая.

Осторожно, не привлекая внимания, я направился вверх по кривой дуге, отчаянно работая хвостиком.

Пока добрался до поверхности — вспомнил все ругательства, какие знаю. Непонятно, как эти крошечные создания умудряются жить с одной лишь конечностью. Кроме того, голова несоразмерно большая, что очень затрудняет набор скорости. Одно хорошо — не надо думать о дыхании. Приспособленное к жизни под водой тельце само выуживает нужное количество воздуха и фильтрует прямо из воды. Да и линии по бокам помогают ориентироваться.

Спустя, наверное, вечность удалось добраться до поверхности. Свет затянутого дымкой неба показался таким сладким и желанным, что простонал бы, если бы у головастика было чем стонать.

На самом берегу в траве и грязи столкнулся с новой проблемой — обо что стукнуться и как вылезти из воды. Пятнадцать минут плавал около кромки туда-сюда, пока не нашел маленький камешек.

Нынешнему телу вполне достаточно для оборота. Главное, успеть выскочить на тропу прежде, чем заметят утопленники. Они пока на глубине, но когда увидят ворг — кинутся к поверхности.

Я налетел на камень, в глазах вспыхнуло. Меня перевернуло пару раз, тело с хрустом увеличилось, через мгновение я принял человеческий облик. Быстрее, чем успел подумать, выполз на середину тропы и на несколько секунд замер на четвереньках.

Вода стекает с волос, в грязи образовались ямки, из которых крошечные ручейки стекают обратно в топь.

Тело ломит, перед глазами цветные пятна и звездочки. Быть головастиком отвратительно, но если бы не жаба, я бы точно не вспомнил о них. Ну, спасибо, зеленая.

На превращение в такого зверя тратится много сил. Поэтому в птиц и рыб обращаются редко — костей мертвячьих не напасешься. Ну и обратно трудно бывает. Потом штормит, как сейчас. Приходится искать нежить, чтобы восстановиться, иначе даже в волка трудно.

Сейчас я чуть сильнее человека. Если удастся перекинуться, то обратно уже вряд ли. Во всяком случае, пока не сожру целого мертвяка.

От воды послышался разочарованный стон, утопшие лица снова вытаращились на меня из-за прозрачной пленки во главе с сиреневолосой кикиморой.

— Нет, — проговорил я охрипшим от воды голосом. — Сегодня нам не по пути. И, надеюсь, никогда по пути не будет.

Качаясь на слабых ногах, я поднялся. Штаны снова потеряны. Точнее, они в пределах видимости плавают в болоте. Но так далеко, что достать никак не получится.

Я махнул рукой и двинулся по тропе. Все равно один иду. А отобрать у кого-нибудь портки всегда успею.

Болото снова потянулось унылой чередой луж и озерц. Искривленные недовольством физиономии то и дело мелькают в толще воды, но на поверхность не суются. Видимо, утопленников держит какая-то болотная магия, у них свои правила и законы.

Удивительно, конечно. Даже в мире кикимор есть нечто, что контролирует жизнь, если это можно назвать жизнью. Они беспрекословно подчиняются,

все подчиняются. Даже нежить безгранично предана Ильве, а любые попытки выказать недовольство пресекаются на месте.

Чего не скажешь о людях. Вечно что-то не нравится, кто-то постоянно кого-то дурит, пытается найти лазейку, халяву, чтоб поменьше делать и побольше получить. Гоблины, хоть и изворотливы, как лисы, но если делают — то до конца. А людей не понять. Даже утопнув, не могут покоя найти.

Через некоторое время тропа сузилась, стала шириной всего в полшага.

Я нахмурился. Если так пойдет дальше, в один прекрасный момент она совсем кончится и оставит меня наедине с утопленниками.

Но выбора особо нет, поэтому топаю дальше, изредка смахивая капли тумана с лица. Несколько раз из дымки вылетали стайки болотных светляков, кружили над головой. Один даже сел на плечо и принялся деловито потирать лапки. Потом, видимо поняв, что тут ничего вкусного нет, поднялся и улетел вслед за собратьями.

Если собрать стайку таких жучков в бычий пузырь и прикрепить к палке — хороший светильник получится.

За спиной знакомо чавкнуло. Я обернулся, но никого не увидел. Тот, кто преследует меня, либо невидимка, либо очень умело маскируется. Кроме тумана, луж и кочек, ничего не видно. Привкус мертвечины стал совсем ярким, словно неделю жевал кости. Теперь даже в нос отдает.

Из глотки вырвался раздраженный рык. Хищники не любят становиться объектом слежки. Непонятно, кому еще понадобилась моя персона. Не нападает,

а мог бы. Даже не знаю, сколько раз оказывался к нему спиной.

Я по-собачьи тряхнул головой, разбрызгав капли с волос, и ускорил шаг. Головокружение и слабость после оборота прошли. Чувствую себя, как нормальный ворг. Можно даже забыть, что сейчас не перекинусь даже в волка. О других зверях и говорить нечего.

Совсем рядом из воды с шипением вырвался фонтанчик, забрызгав меня торфяной грязью. От неожиданности я подпрыгнул на месте и раздраженно выругался:

— Проклятая топь!

Словно мне в ответ, из воды выстрелил еще один фонтан, уже ближе. Едва успел отскочить, уворачиваясь от новой порции торфа. Тугая пленка из ряски с болотной гнилью натянулась гигантским пузырем и застыла в таком положении.

Я сжался, как пружина. Пузырь похож на горб неведомого чудовища, которое проснулось от спячки и очень хочет выяснить — кто его разбудил.

Так и не успел понять, как это получилось, но пузырь неожиданно лопнул, выпустив облако зловонного газа. Желтые частички медленно поплыли в воздухе. Они быстро осели на листьях ряски, в растениях остались сквозные дыры с обугленными краями.

Новый пузырь стал надуваться всего в шаге. Я секунду пялился на новое чудовище, затем трезвая мысль хлестнула, словно кнутом: бежать.

Я сорвался с места и кинулся по размокшей тропе в туман, на бегу перепрыгивая лужи и непонятные кочки, которые, скорее всего, не кочки, а какие-нибудь болотные звери.

Мышцы моментально разогрелись, сердце качает, как добротный гоблинский насос. Природа наделила качествами, необходимыми для выживания в любых условиях. Наверное, даже эльфы не могут похвастаться такой универсальностью. Хотя тролль их разберет, все равно толком о них не знаю.

Мокрая трава звучно шлепает под ногами, приходится поглядывать на новые пузыри. Они, как почуяли, что я кинулся наутек, стали вылезать с двойной скоростью все ближе к тропе. Как живые. А может, и правда. Может, это месть утопленников за то, что сбежал из самых лап.

Один раз даже показалось, кто-то завыл, да так протяжно и тоскливо, что засосало под ложечкой. Сначала не понял почему, потом дошло — вой точь-в-точь похож на тот, которым меня провожала мать.

— Твари! — выкрикнул я на бегу. — Душу разбередить вздумали? Не выйдет, я многодушный.

Пузыри или те, кто в них прячется, словно поняли и простонали что-то в ответ. Я ничего не разобрал, только припустил сильнее.

И без того хлипкая тропа превратилась в зыбкий ковер из кореньев и болотной травы. Кое-где заметил останки нерадивых животных, которых угораздило забраться так далеко.

— Нет, — прорычал я под нос. — Я тут не застряну.

Перспектива задохнуться в парах ядовитого газа мало кого обрадует, а в моем случае это еще и позорно. Что я за ворг, если нелепо сгину? Самая почетная смерть — в хорошей драке, желательно с противниками не меньше сотни. Чтoб потом в стаях ходили легенды о славном ворге, который в одиночку вышел против армии, славно бился, но не смог выстоять под

бесчисленным натиском. Память о герое останется в веках и будет примером подрастающему поколению.

По мере движения стал замечать в воде синие тела с оскаленными мордами. В местах прорывов пузырей им иногда удастся высунуться чуть выше поверхности. На воздухе кожа утопленников моментально сморщивается, несмотря на высокую влажность. Пару раз выглядывала сиреневолосая кикимора. Улыбается, гадюка, во все тридцать два зуба. Хотя, может, у кикимор не тридцать два, никогда не интересовался челюстями утопленников.

— Не убежишь, ворг, — донесся из воды булькающий голос. — Останешься с нами.

— Как бы не так, — гаркнул я в ответ и замер, прислушившись к звериному чутью.

Тропа резко оборвалась. Возможно, она и пролегает дальше, но на глубине. А ступить в воду — все равно что подписать смертный приговор.

Через один волчий прыжок тропа продолжается, даже выглядит относительно сухой и широкой. Но это через волчий, а не человеческий прыжок.

Два смертоносных пузыря вздулись по обе стороны от меня, грязная пленка натянулась, прорисовывая травинки и мелких насекомых. Вода вокруг наполнилась синими лицами с ожидающими выражениями. Взгляды водянистых глаз буквально кричат: «Тебе конец!»

— Иди к нам, — прожурчала кикимора из-за водяной пленки.

— Чтоб тебя солнце сожгло, — ответил я зло и развернулся для разбега.

Воздух заполнился диким хохотом, от злорадства даже вода задрожала. Послышались всплески, словно

утопленники пытаются прорвать барьер, но никак не могут.

Пузыри синхронно набухли, готовые разорваться в любую секунду, кикимора завизжала под водой, сиреневые когти царапнули прозрачную пленку. Я сделал глубокий вдох и сорвался с места.

Никогда еще бежать не было так трудно. До этого не замечал, что из-за проседания почвы скорость сильно гасится. Приходится прилагать тройные усилия, шансов допрыгнуть до противоположного берега у меня меньше, чем у гнома жениться на эльфийке.

На самом краю я оттолкнулся что было сил и взлетел в воздух. Время замедлилось. В полете увидел десятки голодных глаз. Утопленники, не мигая, таращатся на меня, на лицах ожидание и злоба. За что они на меня злятся? Я тут первый раз.

В застывшем мире успел заметить, как вода подомной пошла рябью, что-то хлюпнуло, в глубине показалось огромное одутловатое лицо с круглыми, как у лягушки, глазами. Рот огромный, с мясистыми губами, вокруг то ли облако тины, то ли это волосы такие.

Существо молча посмотрело на меня, затем перевело взгляд на утопленников. Они сразу притихли, сжались и попятились в глубину.

Все произошло за секунды полета.

До тропы оставалось всего полсажени, когда понял — не долечу.

Я шлепнулся в воду с одной мыслью: продать свою жизнь подороже. Пусть знают, утопить ворга не самая легкая задача. Пока думал, руки гребли к берегу. Хотя это громко сказано — до него всего ничего.

Выбравшись на сушу, резко развернулся и оскалился на всю зловонную топь.

— Ну! — проорал я в туман. — Давайте, вылезайте! Попробуйте убить меня здесь!

Дыхание тяжелое, успел хлебнуть воды, когда свалился. Сердце глухо ухает в груди. Давно такого не было. Последний раз — в подростковом возрасте перед атакой лося.

На глазах красная пелена, клыки заострились. Сейчас даже на тролля готов идти — все равно.

Через несколько секунд дошло: они не напали. Не напали, пока был в воде.

Я тупо посмотрел на темную гладь, где только что была оплывшая физиономия, и прошептал неуверенно:

— Спасибо, кто бы ты ни был.

Глава 9

Постояв на краю тропы, я пришел в себя после прыжка и поплелся дальше. Под ногами все так же чавкает, в камышах поют лягушки, именно поют, а не квакают. Целыми хорами на разные голоса.

Над водой стелется туман, из серо-зеленой дымки доносится бульканье, словно молчаливая ведьма мешает варево в огромном котле. Все как всегда, да только по спине тревожные волны ходят.

Что-то не так на этой стороне, как если смотришь в отражение, но вдруг замечаешь, что право и лево поменяны местами. Или, например, когда полдня таскаешь воду в бочку, потом заглядываешь, а она наполовину пустая.

Все чувства сигналият, только не пойму — о чем.

Спустя полчаса стал замечать в тумане что-то наподобие всполохов. Сначала решил — стайки светля-

ков, но потом сообразил: ни один светляк не может так долго удерживать равномерный свет, оставаясь при этом на одном месте.

Я осторожно замедлил шаг. Серо-зеленая дымка снова уплотнилась, даже как-то стемнело немного. Хотя, по моим расчетам, сейчас середина дня.

Над самой водой туман, такой густой, что похож на молочную пену. Всполохи возникают то тут, то там, виснут на месте, затем бесследно исчезают.

Долго думал, что это может быть. Если не светляки, то какие-нибудь гнилушки, хотя нет — ерунду подумал. Гнилушки не летают. Еще и ощущение это гаденькое, будто нашкодил, но не знаешь где. Зато остальные в курсе и украдкой поглядывают из-за углов.

В носу засвербело, я фыркнул и потряс головой, от сырости даже у меня чихание появляется. Все тут какое-то наизнанку, даже мелькнула мысль о магии. Болотная должна быть неведомой и страшной.

Шерсть на загривке встала дыбом — в топах все и так непонятно, а если добавить такую магию, совсем не хорошо.

Я глухо зарычал на себя, прогоняя недостойные вора мысли. Я, конечно, не бесстрашный гном, который в силу воспитания не может позволить трусость, но и не мягкотелый человек. Тьфу, до чего докатился — сравниваю себя, ерунду всякую думаю. Все от голода.

В животе, словно в подтверждение мыслей, протяжно заурчало. Я посмотрел по сторонам в надежде хоть ящерицу какую-нибудь найти — не мертвяцкие кости, конечно, но сейчас бы и паука съел.

Вокруг одни кувшинки и ряска с подгнившей травой. Я потерял живот в надежде успокоить усиливающийся голод.

— Звери же здесь чем-то питаются? — обратился я к себе. — Тут же есть звери?

В это же мгновение в тумане шевельнулась невысокая вертикальная палка, растопырила крылья и полетела над болотом. С опозданием сообразил: это не палка, а цапля. Вероятно, выслеживала лягушек, а звук моего голоса напугал.

Я махнул рукой. Как-нибудь переживу. Голод — это неприятно и раздражает основательно, но как-нибудь перетерплю. Бывали времена, когда приходилось не есть по несколько дней, а когда еще и холодно — вообще мрак.

Главное, удержать сознание в человеческом русле и не съехать в зверя. Нет ничего хуже голодного вора, который не может перекинуться и кидается на все подряд. Таких даже стаи побаиваются.

Прямо перед лицом неожиданно возник зеленоватый всполох. Я отшатнулся, боясь опалить лицо. Но через секунду понял: огонь не излучает тепла и больше похож на призрачное сияние, чем на пламя.

Вблизи он выглядит как небольшой костерок, который горит прямо в воздухе, без дров. В центре поблескивают синие нити, внутри шевелятся тонкие щупальца света.

Всполох завис перед самым носом, играет переливами зеленых и желтых оттенков. Я осторожно поднял руку и хотел ткнуть пальцем.

Он качнулся и отодвинулся назад. Видимо, не очень нравится, когда трогают. Мне бы тоже не понра-

вилось, если бы какой-то голый ворг пытался ткнуть меня в живот или глаз.

— Что ты такое? — спросил я глухо.

Сияние на секунду усилилось, пламя вытянулось столбом и тут же вернулось к прежнему состоянию. Может, эта штука и разговаривает, может даже, с помощью света, но мне все равно ничего не понятно.

— Обозналось? — предположил я и начал обходить всполох.

Огонек снова вспыхнул, превратившись на этот раз в шарик идеальной формы. Над водой по обеим сторонам тропы загорелись еще несколько шариков и неподвижно зависли. Туман сразу стал прозрачнее — то ли они дымку разгоняют, то ли свет так действует.

Не дожидаясь, пока уйду, всполох догнал и полетел передо мной на расстоянии пары шагов.

Не то чтобы я очень обрадовался — неизвестно, что это за явление или зверь, но ощущение компании в таком месте заметно прибавило настроения.

Под ногами мерное чавканье, от воды доносится плеск падающих капель и тихие звуки, похожие на вздохи. Почему-то уверен, это не утопленницы. Они не последовали за мной на эту сторону. Да и та толстая морда в воде. Кикимора со своей свитой определенно ее боится. Почему помогла? Или, может, себе оставила, на закуску?

Через некоторое время появились кривые деревца, одиноко торчащие из воды. Значит, здесь топь не такая глубокая. Тропа стала чуть суше, если отсутствие воды между пальцами можно назвать сухостью.

Из тумана выплыла новая развилка. Дорожка разбежалась на одинаковые половинки, уменьшив ширину вдвое. Влево идет плотная на вид почва, кое-где да-

же кустики клюквы есть. Направо — зыбкая дорожка, местами прерывающаяся лужами.

Недолго думая я свернул налево. Только ступил на тропу, огонек метнулся под ноги, быстро поднялся вверх и заплясал перед самым носом.

— Ты что творишь! — зарычал я и замахал руками на него.

Всполох не обратил внимания на мое недовольство, с еще большим рвением принялся маячить перед глазами. Я хотел откинуть в сторону, но ладонь прошла сквозь пламя, как через густую сметану. Огонек вспыхнул и расширился до размеров козы, полностью перекрывая дорогу.

— Что тебе надо? — не выдержал я.

Услышав мой вопрос, огонек вернулся к прежним размерам и перепорхнул к неприглядной тропе.

— И как это понимать? — спросил я, сложив руки на груди.

Видимо, огонек истосковался по живому общению, если так настырно лезет в приятели. Он опять вспыхнул, превращаясь в сияющего ежика, и завертелся на одном месте, тонкие лучи вытянулись в сторону тропы, которая, по моим представлениям, совсем не похожа на безопасную.

— Значит, хочешь, чтобы я шел туда? — наконец сообразил я.

Всполох расширился и закачался, имитируя кивание головой.

— Тебе не кажется, что этот путь как-то веселее? — спросил я, кивая на сухую дорожку.

Зеленоватые лучи с еще большим остервенением потянулись к водянистой тропке, даже послышался жалобный писк. Пламя вряд ли способно издавать

звуки, но в Абергудских трясинах и не такое может померещиться.

Я застыл в размышлениях. С одной стороны — привлекательная во всех смыслах дорожка с травой, кустами и плотной почвой, с другой — новая чавкающая тропка, покрытая лужами и ряской. Глаза говорят, выбор очевиден, только непонятный огонек взбаламутил всю воду. Из-за голода соображаю плохо, чутье в смятении — вокруг наверняка магия. Настолько близко, что, возможно, я не вижу очевидного. Это как поднести предмет к самым глазам — картинка расплывается. Но стоит отодвинуть — становится понятно.

— Значит, — сказал я с сомнением, — хочешь, чтобы шел направо. Снова по трясине.

Огонек опять страстно закивал и взлетел на уровень лица.

Я тяжело вздохнул и повернул вправо, ноги ступили на водянистую почву. Сделал несколько шагов и поморщился — между пальцев проступила вода с черными маслянистыми полосами. Ощущение, что вступил в жидкое тесто.

В этот момент слева раздался хлопок, я резко обернулся и оскалился. Место, где только что находилась удобная тропа, вздулось и пошло мелкими трещинами, как если бы все было нарисованным. Через секунду картинка размылась, краски уныло сползли в трясину и растворились в воде. Передо мной пролегла непроглядная топь даже без ряски. Просто черная вода.

Я оторопело перевел взгляд на всполох.

— Морок... — выдохнул я. — Убедил.

Пришлось следовать за огоньком. Ловушка, от которой спас меня, рассчитана именно на таких олухов.

Даже звериное чутье ничего не заподозрило. Точно, магия. Все из-за нее, слишком много, наверное, вот и не могу распознать, где больше, где меньше.

Стало совсем неуютно, я дернул плечами и выпрямился — если кто-то следит, пусть видит: я готов к атаке и жутко голоден.

Наверное, морок повесили специально для меня. Наверняка Жамчин. Хотя не похож он на мага. Владел бы колдовством — умыкнул бы принцессу с помощью портала. Маги должны уметь делать порталы. А может, я с кем-то другим путаю.

Зыбкая тропка петляет между кривых деревьев. Стволы похожи на застывших в диком танце людей, таким бы перед костром выплясывать. Жалко, что это лишь деревья. Есть в них даже какая-то красота, свирепая, враждебная, но притягательная. Голые ветки растопырены, как когтистые пальцы, так и норовят ухватить. Только у меня не за что — одежды нет, а волосы такие жесткие, что, если зацепятся, сами выдерут что угодно.

Ноги периодически тонут по самую щиколотку, осторожно вытаскиваю и ставлю на более-менее твердый участок. Все время кажется: сейчас из воды вылезет синяя пятерня с кривыми когтями, вцепится и потянет на дно. А оно у этих болот очень глубокое.

— Куда хоть ведешь меня? — спросил я всполох, снова чувствуя неловкость. В последнее время завел странную привычку разговаривать с теми, кто ответить нормально не может.

Огонек на секунду остановился и начал прыгать на месте, посылая лучи все дальше в туман.

— Будем считать, что понял, — проговорил я устало.

Показалось, прошли полверсты, во всяком случае, усталость в теле вопит именно об этом. Всему причиной голод. Ворг почти неутомим на полный желудок. А вот на пустой... Водяные и воздушные обороты выматывают, сил нет. Вообще, желание скрутиться, укрыться хвостом, который в человеческом облике отсутствует, и впасть в спячку до лучших времен.

По-хорошему, надо найти мертвяка, но не уверен, что на Абергудских просторах с ним легко столкнуться. Даже пришла мысль изловить утопленника. Они вроде тоже мертвяки.

Я покосился на темную воду, маслянистая поверхность неподвижна, из глубины поднимаются струйки крохотных пузырьков. Нет, наверное, не стоит, иначе все ворги были бы в курсе. Утопленники оживлены болотной магией, кто разберет, что в ней намешано. И на вкус наверняка отвратительны.

Всполох притормозил и завертелся на месте.

— Ты чего? — поинтересовался я. — Опять морок нашел или предлагаешь прямо в трясину прыгать?

Сияющий ежик сверкнул синими прожилками. Если бы у него были мозги, решил бы — размышляет. Он задумчиво шевельнулся в воздухе, в середине прокатились яркие всполохи, огонек качнулся и поплыл дальше, указывая лучами держаться высокой стороны тропы.

— А то сам бы не догадался, — буркнул я.

Всполох не среагировал на мою иронию, только сильнее сверкать стал.

Ноги потяжелели от усталости, из-за постоянного дерганья из воды даже щиколотки заныли. Наверное, пальцы и пятки разбухли и покрылись водянистыми морщинами. Всему виной проклятый голод.

Стараюсь держаться там, где летит сияющий ежик, потому что другой край тропы затоплен, а вода выглядит совсем не дружелюбно.

Несколько раз из глубины высывались круглые глаза на тонких ножках и провожали нас печальными взглядами. Шерсть на загривке непроизвольно поднимается, даже клыки чуть вытягиваются, несмотря на слабость. Думать не хочу, что это за существа и какие челюсти может скрывать водная гладь.

Послышалось тихое плескание, как если бы волна осторожно накатывалась на берег. Я всмотрелся в топь. Из самой середины озерца торчат высокие палки, сверху насажены то ли чучела, то ли мешки. Когда приблизились, смог рассмотреть.

Оказалось, и правда чучела, только вместо тряпок — головы каких-то болотных тварей с огромными ртами в сотню острых зубов.

Я глухо зарычал, лицо оскалилось — головы огромные, страшно представить, какими должны быть тела. И эти гады, вероятно, плавают прямо тут.

— Давай-ка ускоримся, приятель, — предложил я ежику, опасливо косясь на чучел.

Всполох радостно сверкнул и полетел резвее. Пришлось поспевать. Ему хорошо, летит себе по воздуху, а у меня ноги топнут, тропа — без слез не взглянешь.

Наконец жуткое место осталось позади, дорожка немного поднялась, пошла суше. Во всяком случае, я перестал вязнуть и проседать при каждом шаге.

Впереди показалось что-то массивное и темное, даже сквозь туман видно. Огонек полетел еще быстрее, пришлось перейти на бег.

Сжав зубы, я бежал, пока чуть не напоролся на застывший всполох. Едва сдержался, чтобы не выругать-

ся, хотя тут принцесс нет — можно браниться сколько влезет. Но почему-то не захотел. Наверное, огонек выглядит слишком благочестивым.

Его лучи переползли в одну сторону и указывают в туман. Я с сомнением посмотрел на ежика. С тех пор как оказался в той злосчастной таверне, спутники у меня один другого страннее. Думал, что гоблин на козлах — самое необычное, что видел. Но этот огонек всех победил. Даже человеческую женщину.

— Ты тащил меня по трясине, чтобы отправить туда? — спросил я.

Ежик закивал всеми лучами.

— Чудесно, — сказал я недовольно. — И что там? Новая тварь в темноте поджидает. С чего вообще помогаешь?

Этот вопрос следовало задать раньше, но когда сухая тропа превратилась в черную топь, стало как-то не до вопросов, да и чучела не добавили энтузиазма.

Ежик моментально оказался перед носом и возмущенно засверкал синими прожилками. То, что он возмущен, стало очевидно по тому, как лучики из ровных превратились в кривые, похожие на зубья старой пилы.

— Ладно, ладно тебе, — произнес я, махая руками. — Ты пойми, я ворг, мне некому доверять.

К ежику вернулись ровные шипики, он отлетел назад и понимающе качнулся. Затем снова вытянул лучи в сторону массива.

— Хорошо, — согласился я. — Один раз ты мне уже помог. Надеюсь, и в этот раз не обдуришь.

Я пошел, туман двинулся на меня непроглядной стеной, но через десяток шагов стал редким, видимость открылась на полверсты.

Передо мной выросла роща, если такое слово можно применить к болоту. Невероятной толщины деревья стоят прямо в воде. Кора покрыта густым слоем мха и трутовиков. Кое-где сине-зеленым светятся гнилушки, в воде отражается их мистический свет. Кроны уходят далеко вверх, теряясь в тумане, а из белой дымки свисают мочалкообразные растения с длинными зелеными жгутами. Остается лишь догадываться, каких размеров шапки прячутся в тумане.

Вокруг стволов кружатся светляки, над водой порхают серебристые стрекозы с огромными глазами.

Одна, особо смелая, подлетела ко мне и опустилась на плечо. Я замер, боясь спугнуть хрупкое создание. Конечно, раньше видел стрекоз, но эта — настоящее произведение искусства. Мало того что размером с ладонь, так еще и выглядит, будто сделана из серебра и драгоценных камней. Крылышки сверкают даже без солнца, глаза, как рубины, а тельце... Ну точно — серебряное!

— Ничего себе, — проговорил я под нос. — Это что за магия такая?

Стрекоза дернула крылышками и упорхнула к сестрам. Все-таки испугалась.

Поверхность воды подернута легким маревом, совсем не таким, какое висит над топями. Здесь оно похоже, скорее, на пар от праздничного гуся — манящее и уютное. Под деревьями скопления кувшинок, таких крупных, что, может, и не кувшинки, а что-то другое. Розовые лепестки торчат прямо из воды, без зеленой подложки, сердцевины светятся желтоватым. Вот уж действительно — удивительны и необычны Абергудские топи.

Между стволами прямо по воде вперед убегает узенькая лента тропы. Не знаю, на кого рассчитана, потому что вмещает ровно две мои стопы, не больше.

Пришлось передвигаться осторожно, чтобы ненароком не соскользнуть в спокойную, но темную воду.

Тропинка крошечная, сухая и твердая земля покрыта сочной травой, будто ее нарочно сюда перенесли из других мест. Я посмотрел по сторонам — не вяжется такая красота с Абергудом. Ну вот никак.

Сияющий ежик остался на краю трясины. Почему не полетел следом, только ему известно. А я напряг мышцы, гадая: помощь он оказал или отправил на верную смерть.

Хотя порхающие вокруг драгоценные стрекозы, светящиеся цветы и гнилушки враждебными не кажутся. Чутье молчит. Только оно и на тропе с мороком молчало, так что сейчас на него не стоит надеяться.

Из кувшинки-некувшинки прямо у тропы высунулась крошечная мордочка, похожая на барсучью, но такая маленькая, что поместится у меня в ладони. Затем показалось остальное тельце с крылышками, засветилось и выпорхнуло из цветка.

— Боги мои, — выдохнул я изумленно. — Ты кто, малявочка?

Козявка с жужжанием пронеслась над ухом, посыпав меня какой-то блестящей гадостью. Я быстро смахнул, мало ли — ядовитая. Погрозил кулаком, чтоб не выделялась.

Зверек, или что это такое, недовольно запищал тоненьким голоском и упер ручки в бока, зависнув в воздухе.

— Отстань, — сказал я серьезно. — Я не разбираю, что ты там стрекочешь.

Из других цветов повылезали такие же козявки и с тревожным гудением поднялись в воздух.

Я быстро окинул армию насекомых оценивающим взглядом. Они, конечно, маленькие — можно в ладонях раздавить. Но вдруг кусаются, заразу разносят? Знаем мы этих мелких, одни слепни чего стоят.

— Послушайте, — начал я, стараясь быть как можно убедительней, хотя не знаю, как можно верить голому воргу в болоте. — У меня срочное дело в Мертвой степи. Попасть туда могу только через топи. Не сердитесь, чем бы ни обидел.

Козявки, что поодиночке выглядят милыми феями, сейчас похожи на полчище ос, а я — нерадивый путник, который посмел потревожить.

Вперед вылетела первая козявка и сурово уставилась на меня глазками-маковками. Острый носик плавно перетекает в рот. Таким, наверное, удобно нектар собирать. Затылок вытянутый, как гвардейский шлем, за спиной трепещут две пары слюдяных крыльев.

Я терпеливо продолжил:

— Ну серьезно. Чего смотришь, как на врага народа? Я вам не враг. Честное ворговское слово. Есть вас нельзя — маленькие слишком.

— Чип-чип-чви! — гневно затрещала козявка.

Остальные загудели, поддерживая вожака, и застыли в наклоне, готовые в любую секунду ринуться в атаку на непрошеного гостя.

— Да не собирался я никого есть, — поспешно заверил я, выставляя перед собой ладони. — У меня особый рацион. Лучше помогите добраться до Мертвой степи, ну или хотя бы направление укажите, а то огонек завел меня, а сам остался на топях.

Услышав про огонек, козявка потерла маленькой ладошкой подбородок и задумчиво пропищала:

— Чиви-чип?

Я пожал плечами и отмахнулся от светляка, который почему-то норовит сесть на лоб.

— Не знаю, что это значит, — сказал я. — Но болотный всполох тащил по полузатопленной тропе, помог избежать морока и привел сюда.

Несколько секунд козявка чесала сияющую макушку крохотными пальчиками. На безупречной мордочке отразилась глубокая задумчивость, аж лоб сморщился. Затем, что-то решив, она развернулась к собратьям и повелительно пропищала:

— Фив-чифив! Чпи-фиф-чи!

Видимо, это был приказ отправляться по своим делам, потому что сияющие осы моментально потеряли ко мне интерес и разлетелись кто куда. Оставшись со мной один на один, козявка подлетела к лицу. Она пропищала что-то на своем козявочьем и жестом указала следовать за ней.

Я повиновался. Особо выбора нет, болот не знаю, а это место — вообще какая-то обитель чужеродной магии. Может, какая-то эльфийская. Это у них все помешаны на светляках, сиянии и белизне. Или это какие-то другие эльфы?

Толстые стволы проплывают мимо, словно ноги древних зверей. Наверное, именно такими они были, судя по древним сказаниям. Хотя все сказания давно переврали. Кто-то приукрасил, добавил своего, отнял лишнего, и получилась новая легенда.

Пока шли, с верхушек спустились странные животные и с любопытством наблюдают за нами. Цепкие пальцы держатся за выступы в коре, ноги и руки при-

мерно одной длины, спина заканчивается длинным подвижным хвостом. Думал, начнут вопить, кидаться, но они только хлопают белыми ресницами и чешут макушки.

Спрашивать у козявки, кто это, — без толку, все равно не разбираю, что стрекочет. Зато она, похоже, понимает все, что говорю.

Через некоторое время вышли к дереву, в сравнении с которым остальные выглядят молодой порослью. Чтоб обхватить ствол, потребуется воров тридцать. Трещины в коре, как земные разломы, из них торчит трава и какие-то грибы. Низ покрыт толстым слоем мха, причем с одной стороны синим.

Под деревом широкая поляна, в середине небольшой костер. Вокруг молча сидят пятеро незнакомцев и смотрят в огонь.

Козявка остановилась и указала крохотным пальчиком на них.

— Фи-фич виу, — сообщила она, затем развернулась и умчалась к деревьям.

Глава 10

Я некоторое время разглядывал незнакомцев, не решаясь подойти. Слишком мирно сидят у костра люди, а вокруг вообще-то болото. Да и непонятно, кто такие, как отнесутся к незваному гостю.

До них десяток волчьих прыжков, но даже отсюда вижу странную одежду. Тела закутаны в звериные шкуры, по краям перья разного размера. За спинами огромные темные кольца, похожие на исполинских гадюк, раздувшихся от хорошей жизни.

Мне надоело стоять в сторонке, как нашкодившему щенку. Быстро преодолев остаток пути, я остановился на острове и прямо взглянул на незнакомцев.

Вблизи смог рассмотреть получше. Люди укутаны в медвежьи и волчьи шкуры, у каждого под завернутыми ногами небольшие костяные кучки. На воров не похожи — кости вроде не мертвецкие. Но и люди из них какие-то не такие.

Обычно человек пахнет чем-то вроде вчерашнего молока вперемешку с ароматами кухонь и пивоварен. А эти — как не живые.

Я незаметно принялся — нежитью не пахнут. В воздухе витает что-то едва уловимое, сладковатогорькое. На лицах чужаков печать времени, но морщины не глубокие, будто образовались случайно и как бы просят прощения, мол, мы тут побудем немного. Так что назвать стариками язык тоже не поворачивается.

Болотный воздух едва колышется, перья на одеждах мерно покачиваются. Хотя это место и болотом-то не назовешь: цветы, сияющие козявки, драгоценные стрекозы.

Кольца за спинами людей, которые я принял за змей, при ближнем рассмотрении оказались корнями исполинского дерева. За века существования они пустились не только в землю, но и вверх, что странно: болотная почва мягкая, податливая. Будто дереву чего-то не хватало...

Незнакомцы словно не заметили меня — продолжают смотреть в огонь, взгляд бесстрастный и умиротворенный. Пламя радостно скачет, потрескивая поленьями. По звуку — березовые, хотя в болотном оазисе берез не заметил. Ощущение, что костер горит уже не один день — вон золы сколько.

Надо что-то говорить, но в голове, как назло, пусто, разве что муха не летает от края до края.

Человек слева качнулся, но взгляд остался на пламени. Его лицо чем-то напомнило морду утопленников — такое же водянистое. Глаза тоже крупные и сияние, прямо водяной.

Следующий человек похож на вылезшего из берлоги медведя: волосы черные, свалянные от грязи, как у меня после долгой дороги. Взгляд рассредоточенный, но что-то подсказывает, это только видимость. На самом деле все замечает, только не реагирует.

С правого края незнакомец с бледной кожей. Наверное, на солнце делается прозрачным. Перьев на его одежде больше, чем у остальных, и качаются интенсивней, словно ветер дует прямо из него.

За ним, опираясь на короткую палку, застыл смуглолицый чужак. Кожа на лице натянута, черты острые. Даже сквозь шкуры видно: костлявый. В чем только душа держится? Но взгляд цепкий, впился в огонь, словно от этого зависит жизнь всего мира, и его в том числе.

В середине на вид обычный человек, если не считать пернатого наряда и гирлянд из бусин. Они свисают до самой земли, полностью закрывая ноги. Ощущение, что сидит в куче из шариков. В черных волосах натканы перья, обточенные косточки и деревяшки. На лбу белой краской нарисован аккуратный круг с точкой в середине.

Понемногу стал догадываться: передо мной, должно быть, колдуны, знахари или кто-то из этих. Уго-раздило...

Я решил нарушить тишину. В конце концов, козявка зачем-то сюда притащила, и всполох тоже вел в эту сторону.

— Доброго дня, почтенные, — начал я. — Не дадите путнику погреться?

Хотел сказать что-нибудь еще, что должно расположить ко мне, но незнакомец в центре круга резко поднял ладонь.

Я застыл с открытым ртом и стоял так, пока не пересох язык. Потом с шумом захлопнул челюсть и несколько минут наблюдал, как незнакомцы таращатся в огонь.

Пламя танцует, замысловато изгибая языки. Время от времени из самого сердца костра вырываются раскаленные искры, воздух трещит и пахнет золой. Огненные точки медленно опускаются вниз, но у самой земли исчезают.

Над огнем вьется нечто наподобие дыма. Долго думал — почему он так меня смущает. Потом дошло: нормальный костер чадит сероватым дымком, который по неведомому закону всегда направляется туда, где стоишь. А этот скорее исходит паром, как праздничный гусь.

Спустя несколько минут во мне стало закипать раздражение. Может, они там видят неведомое, но я простой ворг и не разбираюсь в высших материях. Зато прекрасно понимаю: если буду стоять, продую все веселье на горе и под горой.

— Почтенные, мне бы... — снова начал я, но человек, видимо главный, снова вскинул ладонь.

Внутри закипело, в глазах мелькнули красные точки. Против воли ощутил, как заострились клыки, холка вздыбилась.

— Шаманы, — произнес незнакомец в бусинах.

— Чего? — не понял я и подозрительно покосился на него.

Голос незнакомца оказался глубоким, как гномья шахта, и одновременно теплым. Даже вспомнил двоюродного прадеда — такой голос бывает лишь у тех, кто постиг скрытую мудрость жизни, но поделиться ею не может, потому как никто попросту не поймет. Такие ворги подталкивают к нужному пути. Главное — прислушиваться. Но молодняку обычно не до этого.

— Почтенные знахари, я не могу ждать! — прорычал я, игнорируя слова незнакомца. — А вы мне пасть затыкаете.

Незнакомец поднял взгляд, показалось, что мои ноги уходят в землю. Хотел отвернуться, но не смог. Темные, как болотная вода, глаза не мигая уставились на меня.

Мир вокруг закрутился, привычные формы исказились, словно в отражении кривого гномьего зеркала. Показалось, начал обращаться, только головой я не шарахался, да и сил на это сейчас нет. Горло сдавила невидимая лапа, внутренности скрутило. Я схватился за живот и сцепил зубы.

Неожиданно все прекратилось. Я шумно выдохнул и зло покосился на человека.

Взгляд незнакомца перестал быть пронзающим, он сморгнул туманную пелену и произнес спокойно:

— Не следует мешать, когда идет разговор с духами.

Все еще держась за живот, я выпрямился и потер зудящий затылок. Головокружение отступило, но во рту остался рыбный привкус.

— Откуда мне знать, чем вы тут занимаетесь? — сказал я глухо. — Это все козявка. Она к вам притащила.

Шаман окинул меня взглядом с головы до ног, лицо осталось каменным, но во взгляде мелькнула издевка.

— Ты бы штаны надел, — предложил он будничным тоном.

— Нет у меня штанов, — сказал я резко. — Уплыли.

Пока лез через топи, успел свыкнуться с отсутствием одежды, тем более это не впервой. И выходя к шаманам, даже не подумал о необходимости прикрыться. С другой стороны, чего прикрывать? Баб вокруг нет, а козявкам-осам, похоже, вообще не интересно.

— Значит, уплыли, — многозначительно произнес незнакомец. — А вон там не твои?

Он указал мне за спину, я растерянно обернулся. На темной поверхности воды во всю ширину расползлись штанины. От колебания глади кажутся ожившими — шевелятся и тянутся ко мне. Удивительно, как пояс не утащил на дно. В науках я не силен, но точно знаю: тяжелое тонет, легкое всплывает. А пояс — огого какой.

Я в один прыжок оказался у кромки и вытащил портки за штанину. С ткани ручьями хлынула вода. Пришлось отжать несколько раз, пока из материала не перестали выступать капли. Затем всунул ноги.

Мокрая ткань противно прилипла к коже, но я все равно упорно тянул на себя, пока наконец штаны не сели как надо. Я наспех застегнул пояс. Дурацкий пояс с клепками. Чтоб его!

Справившись с одеждой, я замер перед костром, думая, что делать дальше. На всякий случай показал левый клык, он у меня длиннее.

— Садись, — предложил главный шаман. — На воргах все и так сохнет, но с огнем быстрее. Да?

Он хитро прищурился и глянул на соседа справа. Худосочный шаман едва заметно улыбнулся и таинственно закричал:

— Хе-хе.

Я сделал вид, что не заметил ехидства, и присел у костра. Мокрая ткань моментально нагрелась, ногам сразу стало тепло и приятно. Отсыревшая шерсть на загровке распушилась от жара, я провел ладонью и искоса глянул на шамана в бусинах. Сейчас даже слепому очевидно, что я ворг. Скромничать нечего.

— А штаны твои, — сказал старший, — не уплыли. По правде говоря, твоими они никогда не были. Так?

Шаман пристально уставился на меня — еще прожжет глазюками.

Я лязгнул челюстями и скривился. С ними вообще надо осторожно. Старые ворги говорили, шаманы — особый народ. Маги, колдуны и прочие — действуют наружу. Долго не понимал, что это значит, все время пытал отца и дедов. А они отправляли на речку мыться, чтоб не приставал с вопросами. Но иногда при хорошем настроении все же мало-мальски объясняли. Из их слов понял, что маги магичат очевидно. Прочел заклинание — и обратился в жабу. Или наложил чары — и влюбилась девка без памяти. А шаманы делают по-другому. Но как — никто не рассказал, да и не понял бы, маленький был.

— Формально я за них не платил, — проговорил я сдержанно. — Но забрал их, когда прежнему вла-

дельцу они были уже не нужны. Так что это не считается.

Худосочный шаман что-то пробубнил под нос, пламя костра вытянулось, верхние концы языков закрутились замысловатыми петлями. Нормальный костер так не умеет. Но я уже понял: нормального в этом месте нет.

Ноги обдало жаром, таким, что испугался, как бы ткань не подпалилась. Разогретый таинственным теплом, материал стал паровать, от ткани пошел отчетливый запах тины и торфа. Все-таки они утонули. Не могли не утонуть.

— Вы меня ждали? — зачем-то спросил я. — Знали, что приду? Еще и без штанов.

Шаманы посмотрели на меня, будто поинтересовался — почему небо голубое, вода мокрая, а огонь жжется. Несколько секунд пришлось выдерживать тяжелые взгляды, затем грянул хохот.

Они смеялись так громко и заразительно, что сам не удержался и стал похихикивать. У каждого шамана особенный голос: у одного трещащий, у другого булькающий, было еще что-то свистящее и глухое. Задорнее всех оказался главный. Его качало, из глаз текли слезы.

Спустя несколько минут непрерывного хохота они наконец успокоились. На лица, словно маски, вновь легли бесстрастные выражения.

Старший шаман вытер пальцами уголки глаз.

— Никто, — сказал он. — Никто не может знать грядущего.

— Но как же... — хотел спросить я про штаны, но он покачал головой.

Я замолчал, как на охоте, где надо беспрекословно подчиняться приказам вожака. Да и не на охоте тоже надо. Иерархия — дело обязательное.

— В мире не существует сил, которые заставили бы человека поступать против воли, — сказал шаман.

— Я не человек! — зарычал я зло. — Не смей сравнивать меня с бесхребетными дохляками.

— Почему? — невинно спросил шаман.

— Они только и думают, как поспать подольше да поесть побольше, — прорычал я гневно.

Он посмотрел на меня по-отечески, злость моментально испарилась. Так смотрят мудрые старцы на простой народ, который возомнил, будто знает — как все устроено, но еще лучше понимает, как сделать, чтоб ну вообще было замечательно.

Глаза шамана, как две дырки в бездну. На секунду показалось, там и правда отверстия, ведущие в бескрайние дали, даже желудок сжимается.

Я сморгнул наваждение, глаза человека снова стали нормальными, насколько это возможно у шамана.

— Не берись судить людей, — сказал он терпеливо. — Ты даже не представляешь, сколько в тебе от них.

— Совсем не много, — буркнул я.

— А чего ж ты тогда все время человеком ходишь? — смеясь, спросил шаман.

— Да потому, что если не перекидываться в него, можно зверем навсегда остаться! — выпалил я.

Шаманы захихикали, качая головами. Я снова разозлился, но постарался не показывать. Похоже, им от моего гнева только весело. Напасть все равно не могу, даже если сожру гору нежити. Такие люди вообще, наверное, не люди.

— Молодой, горячий ворг, — констатировал главный шаман. — Это пройдет.

Хотел спросить, что у меня должно пройти, но не стал. И так среди них чувствую себя полным дураком. А я вообще-то нормальный, зрелый ворг, мощный, с мозгами. Во всяком случае, вождь стаи так говорил. Может, врал, конечно, чтоб не трусил перед уходом.

Я провел ладонью по штанине, высохшая ткань отозвалась тихим шуршанием. Это все костер, необычный, шаманский. В иной ситуации ткань точно еще полчаса была бы мокрой.

— В общем, — сказал я, — спасибо за помощь, но я пошел.

Шаман поднял ладонь в привычном жесте и указал на место.

— Куда? — спросил он, хитро шурясь.

Я быстро повертел головой. Куда держать направление — не имею понятия, но звериное чутье выведет. Всегда выводило.

— По делам, — уклончиво ответил я.

— Погоди спешить, — проговорил старший шаман. — Расскажи, что привело в Абергудские болота.

Я сдвинул брови, звериное нутро возмутилось и ошетинилось. Не хочется рассказывать каждому встречному о Талисмани, Ильве и принцессе. Прото, как ее умыкнули, — вообще позорно вспоминать. А шаманы слишком непонятный народ, чтобы вести с ними дела. Но выбор невелик.

— Дело вот в чем, — начал я осторожно. — Нужно добраться до Мертвых степей. В запасе сутки. Хотя сейчас уже меньше. По моим расчетам — срок завтра в полночь.

— А через топи решил срезать, — догадался шаман.

Я кивнул.

— Да. Только теперь не уверен, что срезал. Ползу, как слизняк по лавке. Топи жуткие, а твари, что в них, — и того хуже. На равнинных трясинах чуть утопленницы не сграбастали.

— Ого, — присвистнул шаман. — Как сбежал?

Я покосился на него, не издевается ли. Но у шамана глаза честные, смотрит с интересом.

— Боги помогли, — отозвался я. — Какая-то огромная жаба в воде.

— Жаба? — удивился шаман, приподняв левую бровь.

— Угу, — подтвердил я. — Здоровенная такая. Вообще, это была не жаба, а какое-то жабообразное существо с почти человеческим лицом. Но ротяра такой, что точно жаба. И волосы вокруг, как зеленое облако. Утопленники, как его увидели, притихли сразу и уплыли в глубину.

Человек немного помолчал, разглядывая огонь, языки костра переливаются из ярко-оранжевого в медно-красный. На лице отражается пляска живого пламени, отчего шаман кажется еще таинственнее. Даже зловеще.

Остальные не больно разговорчивы. Отвечают, только когда спросит главный или когда самим очень хочется.

Я украдкой изучал местность, пока шаман о чем-то сосредоточенно думал. Ворг всегда изучает все углы на случай отступления или атаки.

Кроны исполинских деревьев наглухо перекрыли небо, вверху скопился туман, поэтому понять, сколько сейчас времени, нельзя. По ощущениям я тут достаточно долго. Придется нагонять, вывалив язык.

Светлячки и сверкающие точки появляются то тут, то там, добавляя магии без того нереальной обстановке.

— Абергудские топи, — проговорил шаман глубоким голосом, — очень непростое место.

— Это и так понятно, — вставил я. — В простых местах земля из-под ног не уезжает.

Человек недовольно посмотрел на меня, я как-то сжался под суровым взглядом. Слышал, что перебивать нехорошо, но, кажется, перебивать шамана — нехорошо вдвойне.

Убедившись, что я достаточно пристыжен, он продолжил:

— Здесь покоятся старые силы, которые существовали еще задолго до того, как появились сами топи.

— Старые, в смысле древние? — снова не удержался я.

Думал, шаман сейчас опять пригвоздит взглядом к земле, но он сказал:

— Нет. Древнюю силу можно использовать и сейчас, если пробудить. Но старая молодой не станет. Не будет брызгать мощью и наполнять удалю. Ты видел стариков? А бессмертных? Эльфов, например. Последних можно назвать древними. Несмотря на годы, они все так же сильны. Но в чем сила старца?

Шаман взял косточку из кучки и испытующе посмотрел на меня.

Я почувствовал себя как на первой инициации, когда вождь спросил, что делать, если нарвался на лося, а перекинуться не успеваешь. На меня смотрели восемь взрослых воров и нареченная вожака. Но даже тогда было спокойней, чем сейчас.

— Ну, — раздраженно буркнул я, — в мудрости, вероятно.

— Верно, — согласился шаман. — Правда, не всегда старость предполагает мудрость, но так принято считать. Так вот, Абергудские болота — место, куда уходят старые силы. Силы-старики, которые прожили пусть бесконечно долгий, но все же век. Даже земля тут мягкая, как при рождении мира. Они чувствуют себя здесь в безопасности. И очень не любят, когда чужаки беспокоят неожиданным вторжением.

— Так бывает? — не поверил я. — Разве может сила состариться?

Кость, которую шаман поднял, каким-то образом оказалась у меня в ладони. Я тупо уставился на огрызок. Присмотревшись, увидел замысловатые символы на гладкой поверхности. Символов оказалось так много, что, если отодвинуть дальше, выглядит обычной потертостью.

— Ну а родиться она может? — ответил вопросом на вопрос шаман.

— Родиться может, — уверенно сказал я. — Говорят же, там-то и там-то зародилась сила. Ну или сила в руках, она же тоже зарождается, мне кажется, где-то в голове. Или хвосте.

— Не будет ли верным тогда сказать, если сила родилась, то она и состарится? Ведь все, что переживает рождение, однажды умирает. Так? — предположил шаман и подкинул в воздух еще одну кость.

Огрызок завертелся, завис гораздо дольше, чем положено подброшенному огрызку. Затем опустился в ладонь человека и рассыпался в песок. Я опустил взгляд к своему огрызку, но обнаружил лишь пыль.

Стараясь не обращать внимания на шаманские фокусы, я проговорил:

— Не знаю. Умирать может только то, что живет. А сила разве живая?

— То есть ты считаешь, что сила в твоей руке мертвая? — спросил шаман, с трудом сдерживая улыбку.

Внизу позвоночника неприятно засвербело, наставительный тон стал выводить. Остальные шаманы, или кто там они такие, снова стали похихикивать, хотя взгляд от костра не отвели.

— Рука у меня не мертвая! — прорычал я глухо. — И сила в ней очень даже живая. Кто-то сомневается? Могу показать!

Шаманы снова грянули хохотом. На этот раз смех был не просто громким, а чудовищно громким, но уже не заразительным. Совсем не весело, когда смеются надо мной.

— Не вижу повода для веселья, — сказал я хриплым от гнева голосом.

Хохот достиг такой степени, что пришлось заткнуть уши. Шаманы попадали на спины, схватившись за животы, они катались несколько минут, пока не устали.

Я сцепил зубы и ждал, когда люди навеселятся. Спустя минут десять они все же успокоились.

— Хороший ты ворг, — сказал главный шаман дергающимся от смеха голосом. — Кровь кипит, душа горит.

Мне показались его слова обидными, но я сделал вид, что не услышал, — будут меня еще болотные шаманы тыкать мордой, как щенка.

Он неожиданно посерьезнел, морщины, и без того обделенные, почти распрямились. Взгляд стал сосредоточенным и внимательным, в глазах снова появились провалы в бездну.

— Тебя спас болотник, — проговорил главный шаман.

— Который громадная жаба? — уточнил я.

Человек сделал вид, что не заметил издевки, и проговорил:

— За жабу ты принял его по незнанию. И болотные огни он послал, чтоб к нам вывели. Иначе сгинул бы в топи.

— Велика честь, — огрызнулся я, а сам мысленно поблагодарил неведомого болотника.

Он действительно спас от синемордых утопленников, но шаманам о моей признательности знать не обязательно. Я же суровый ворз, как-никак.

— Вообще-то, велика, — проговорил главный. — Знаешь, сколько тут покоится таких вот самонадеянных ворзов, людей и гоблинов? Даже эльфы где-то есть.

— Не знаю.

— И я не знаю, — значительно сообщил шаман. — А он знает. Так вот. Болотник — это одна из старых сил, о которых говорил. Он очень придирчив.

Я все больше раздражался, по спине забегали мурашки, словно сейчас произойдет нечто нехорошее.

— Так чего меня пропустил? — поинтересовался я глухо.

Шаман пристально посмотрел на меня и сказал:

— Это и удивительно. Обычно не пропускает. Натравливает кикимор и утопленников. Только коснешься воды — хватают и тянут на дно. Но тебя не просто пропустил. Он помог. Значит, недоговариваешь.

Голова потяжелела, я тряхнул ею. С волос сорвались куски засохшей грязи и с шипением исчезли в огне. Худосочный шаман поднял на меня полные недовольства глаза, в зрачках полыхает такое же пламя, только маленькое.

Я развел руками, мол, не хотел, само так получилось. Он фыркнул, из ноздрей вывалил пар, шаман вновь принялся смотреть в огонь. Да с такой любовью, что я задумался: не сжег ли он там какую-нибудь невесту?

— Послушайте, шаманы, — сказал я, обращаясь к главному, но так, чтобы остальные тоже чувствовали вовлеченность. — Мне необходимо опередить Ильву в очень важном деле. Если не смогу — пострадают даже Абергудские топи.

Шаманы разом подняли на меня глаза, взгляды цепкие, пронизывают до самых костей. Я поежился и на всякий случай оскалился.

Старший схватился за подбородок, пальцы принялись интенсивно тереть сухую кожу.

— Ильва, значит... — протянул он загадочно.

— Ильва, — подтвердил я.

— Если Ильва, значит, ясно, — снова произнес шаман многозначительно.

Но мне ничего не ясно. Особенно зачем после этих слов он полез в сумку за спиной и долго там копался. Затем вытащил длинный предмет, похожий на гудок. Одно отверстие маленькое, другое расширяется и изгибается вверх на манер черпака. Шаман положил предмет рядом с собой и снова принялся копать в сумке. Через некоторое время он развернулся и удовлетворенно выдохнул.

В пальцах оказался зажат маленький мешочек с туго перевязанным краем.

— У болотника давние тяжбы с Ильвой, — проговорил шаман, вытирая предмет о бедро. — Уж не знаю, откуда он прознал, что ты против нее, но повезло тебе удивительно.

— Мысли он, что ли, читает? — предположил я.

Шаманы снова посмотрели на меня как на полоумного, главный поскреб макушку и произнес задумчиво:

— Вообще-то, возможно.

Остальные покосились теперь уже на него, будто тоже свихнулся.

Он сосредоточенно проговорил:

— Старые силы на то и силы, чтобы зреть в корень. Но ты не думай об этом. Сейчас другая проблема.

— Какая еще? — прорычал я.

— За тобой тянется след, — сказал шаман.

— Чего? — раздраженно спросил я. — У меня сче-ты с Ильвой. Ты меня понимаешь? С Ильвой.

Шаман кивнул, но выражение лица осталось прежним. Наверное, они специально учатся выглядеть невозмутимыми и отстраненными.

Он поднял мешочек к самому носу и что-то прошептал. Остальные шаманы напряженно смотрят на главного, будто в мешочке содержится что-то ценное и одновременно опасное.

Шаман осторожно развязал узел, стараясь не дышать, положил мешочек перед костром и посмотрел на меня.

— Готовься, ворг, — сказал он серьезно. — Сейчас шагнешь за грань.

Глава 11

Я недоверчиво смотрел, как шаман продолжает доставать из сумки еще какие-то вещицы. Он бережливо разложил их перед собой, взгляд оценивающе пробежался по предметам. Несколько секунд шаман

неподвижно созерцал кусочки кожи, туго затянутые мешочки, какие-то кости и камешки. Затем взял булыжник, похожий на имбирное печенье, и покрутил пальцами.

Предмет разделился на два блинчика. У каждого с одной стороны выпуклость, с другой — крохотные жернова.

Шаман отложил половинки в сторону, пальцы снова опустили в мешок. Трепетно, будто прикасается к чему-то хрупкому, он вытащил что-то и протянул мне.

Я присмотрелся — на ладони шамана три каменных шарика синего цвета. В том, что они каменные, сомнений не возникло, уж камни-то я отличить могу. Но назначение непонятное.

Подняв на шамана вопросительный взгляд, я дернул плечами — ситуация мне все меньше нравится. Только открыл рот, чтобы в очередной раз отправить шаманов подальше с их мистическими делами, как главный поднял указательный палец и строго зыркнул на меня.

Я промолчал. Шаман пересыпал шарики в половинку с жерновами и накрыл вторым блинчиком. Несколько минут он с мерзким скрежетом молот камешки. Звук настолько отвратительный, что при каждом повороте пластинки меня корежило.

— Ты, наверное, не понял, — решился я наконец заговорить. — Мне, конечно, приятно, что вы не превратили в корягу. Но желанием тут прохладиться не горю. Хотя и так уже. Это не к тому, что у вас плохо. Просто спешу сильно.

Шаман даже не посмотрел, его пальцы двигаются сами по себе, словно отдельные механизмы. Четверо других внимательно наблюдают за ним, губы сомкну-

ты, глаза не мигают. Только худосочный иногда что-то бормочет под нос, при этом пламя вспыхивает и извивается, как змея.

— Никогда не опоздает тот, кто не спешит, — многозначительно произнес главный шаман и высыпал содержимое в широкое отверстие трубки.

Хотел поспорить, но шаман слева резко поднял ладонь и соединил пальцы, будто собирается кормить гусей. Вода в болоте, точнее, все же не болоте, а озере всколыхнулась. Из поверхности выступил тонкий, совершенно прозрачный столбик.

Я вытаращился на водяное щупальце, которое, изогнувшись пару раз, быстро приблизилось к главному шаману и капнуло в трубку несколько капель. Мокрый, как я для себя назвал, шаман снова шевельнул ладонью, щупальце моментально сократилось и растворилось в воде.

Пока я тупо таращился на трубку, худосочный подбросил в отверстие немного золы, а тот, что сидел справа, — дунул. Думал, вся пыль, которую насыпал главный, окажется на лице, но содержимое осталось внутри. Что бы они ни собирались делать с трубкой, надеюсь, он туда не плюнул.

Наконец шаман, который мне показался самым недружелюбным — все время сидит насупившись и напоминает гору, — сгреб из-под себя щепотку земли и бросил в отверстие.

Не представляю, что там за смесь получилась, и не хочу думать — зачем нужна.

Пока главный шаман утрамбовывал тонкой палочкой все, что напихали в несчастную трубку, я думал: а кто они вообще такие? Что шаманы, это понятно. Но имен не спросил. А называя имя, каждый откры-

вает часть себя, причем самую сокровенную часть. Это как доверие в долг. Колдун, зная имя, может наложить заклинание. Жертва станет безвольным полудурком.

Хотя Жамчин не особо переживал, что нашла на него морок. Знает, что не умею.

Наконец шаман закончил тыкать палочкой в жерло и спросил:

— Ты случаем ничего странного не ел, не пил?

Я почесал лоб. Вопрос еды сейчас очень острый, жрать охота — хоть вой. И тело болит от нехватки ценнейшего сока из мертвячьих костей. Что я ел? Действительно, что и когда ел за последнее время?

— Ну, — буркнул я, — нормально ел только вчера у гоблинов. Вроде хорошо все было, еда как еда. Не человечья — гоблинская.

— А что, — поинтересовался шаман, — есть разница?

Я немного смутился, но кивнул.

— Есть. Человечью плохо перевариваю. Не знаю, что они с ней делают, но, как только съем, живот колом встает.

— Хм, — протянул шаман и скривился, словно лимон съел.

— Меня самого это не радует, — с досадой произнес я. — Ворги как ворги, жрут все подряд и лиха не знают. А я бракованный на желудок. Уже не раз проверял. Так-то могу даже грязевой суп троллей есть. Гадость, конечно, но ничего — перевариваю. А человечий — увы.

Шаман многозначительно потер пальцами подбородок и поднес трубку к лицу. Его глаз оказался прямо над отверстием. Несколько секунд он заглядывал

туда — может, миры какие увидел. Затем приподнял перед собой и снова спросил:

— Но ты уверен, что не ел ничего странного?

Вспомнилась выходка гоблина с красной пастой для бивней. Ощущения от нее, конечно, неприятные, но едва ли можно назвать серьезными.

— Батлок ел, — сказал я, пожимая плечами. — Батлок годится?

Шаман покачал головой, высыпав на ладонь немного порошка из трубки.

— Нет, — сказал он. — Батлок влияет на воров как усмиритель. Не больше. Я пытаюсь другое выяснить.

— Что? — выдохнул я.

— Что за тобой тащится и почему.

Я задумался. Тени за собой не замечал, но стойкое ощущение, что за мной кто-то следит, тянется уже долго. Думал, из-за болота. Всякой дряни полно, мало ли кому захотелось меня сожрать. Но шаман серьезен, смотрит внимательно, вон глаза как буравят, даже съестись хочется.

— Где я мог съесть что-то... — протянул я задумчиво. — Да нигде. Точнее, где угодно. Сегодня мертвяка ел немного, но это не считается.

— Не считается? — переспросил шаман.

— Ага, — согласился я. — Это как раз самая нормальная для вора пища.

Шаман наморщил лоб и пару секунд думал, затем произнес:

— Ладно. А еще? Еще помнишь?

Я пожал плечами:

— У гоблинов полкладовки обнес. Но эти вряд ли станут осквернять свою провизию всякой дрянью. Они

с гвардейцами торгуют. Если те начнут болеть, понятно, на кого первыми подумают.

Неожиданно в памяти всплыла хитрая рожа виночерпия, за ней отрубленная голова таверного и баранина с непонятным привкусом.

— Тыфу ты, пропасть! — выругался я.

Шаман вопросительно посмотрел на меня, пришлось поспешно объясниться.

— Там, в таверне, — начал я, — ел мясо. Вроде все как всегда, но виночерпий был нежитью. Я еще удивлялся: мертвяк работает в Восточных землях посреди бела дня.

Брови шамана сдвинулись, на лбу проступила глубокая морщина. Учítывая, что их у него не так много, жест означает не просто задумчивость, а крайнюю озабоченность.

— Подмешал? — спросил он.

— Уверен, — сообщил я. — Меня так крутило, сам не понял, как проглядел. Только когда сожрал полтарелки, учуял неладное.

Шаман некоторое время сидел в задумчивости, взгляд стал отстраненным, дыхание затихло — еле слышу. Спустя, наверное, вечность он проговорил:

— Значит, я все верно почувствовал.

Старший шаман бросил щепотку порошка в костер, которую во время разговора бережно сжимал в ладони. Огонь полыхнул синим, в воздухе с треском заиграли сиреневые и голубые переливы.

Я отшатнулся от жара. Если нормальный костер греет равномерно и уютно, то этот похож на ежа — как ни хватайся, все равно колет.

Главный кивнул худосочному шаману, тот щелкнул пальцами, в жерле трубки вспыхнуло синее пламя.

В середине отверстия пляшет такой же синий язычок, только в разы меньше. Но в колючести костру явно не уступает.

Опустив голову, старший принялся что-то шептать с закрытыми глазами. Словно молится. Он шептал так долго, что я уже начал нервничать: может, он беседует с духами, а про меня забыл. Хотел окликнуть, шаман неожиданно поднял голову.

— С помощью этого ты пройдешь в мир духов и выяснишь, кто за тобой идет, — сообщил он так, будто предлагает сходить к доярке за молоком, и указал на трубку.

Конечно, раз плюнуть, сейчас помоюсь — и мигом в мир духов, чего уж там.

— Нет, — отрезал я.

Лицо шамана потемнело, глаза провалились и стали похожи не просто на бездну, а на настоящие дыры. Провалы, где одна темнота. Волосы вместе с перьями зашевелились и поднялись, делая его похожим на водное чудовище.

Я вжал голову в плечи и зарычал.

— Ты совсем не понимаешь? — прогудел он гипнотическим голосом. — За тобой ползет какая-то дрянь. Если не сбросишь ее — из Абергудских топей живым не уйдешь! А уйдешь мертвым.

Шерсть на холке встала дыбом, я отшатнулся и, скалясь, наклонил голову. Неприятное предчувствие заворочалось в районе желудка.

— Что ты хочешь сказать, шаман? — спросил я глухо.

— То и хочу, — ответил он. — Ты одиночка, таких ловить сложно. Потому на тебя и наслали то, что медленно, но верно превратит в нежить.

— Что-о? — вырвалось у меня.

— Удивляешься? Хорошо, — сказал шаман. — А то прямо ничем не пронять его.

В голове пронеслась стая мыслей. Подумать только. Чувал ведь неладное, а что — не понял. Оттуда и гнилой привкус во рту.

На всякий случай дернул себя за палец, проверяя — не отпадает ли. Палец недовольно хрустнул и остался на месте. Слава богам, живой.

— Странно, — произнес я задумчиво. — Зачем нежить хотела Ильву призвать, когда поймали в яму?

— Глупый вопрос, ворг, — сказал шаман. — Грех не превратить самолично, когда сам в руки попался.

— Наверное, — неуверенно сказал я.

Над шаманом пронеслась светящаяся козявка, крохотные ножки задели перья. Он проследил за ней глубокомысленным взглядом и проговорил:

— Болотник направил тебя к нам. А он ничего не делает просто так. Благоволит тебе. Как уже говорил, с Ильвой у него давняя вражда. Значит, кто против нее, тот с ним. Понятно?

— Да ну вас... — бросил я в сердцах, раздражаясь, что приписали к армии какого-то болотника.

Обычно, когда что-то не нравится, оскаливаюсь и устрашающе рычу, а сейчас — прямо обидно. Нежить, которая вообще еда, наслала какую-то дрянь, а я даже не заметил.

Шаманы осуждающе зашептались, бросая на меня однозначные взгляды. От такого давления не то что ворг, тролль просядет до гномьих шахт.

— Ладно, — сдался я, — куда там идти надо? Только не долго, а то у меня время.

Шаман немного успокоился, волосы легли на спину, но глаза так и остались дырами. Он протянул мне трубку и сказал:

— Будь очень осторожен. Мир духов непредсказуем и опасен, но другого пути нет. Мы будем наблюдать за тобой через костер.

— А вылезать из вашего мира я как буду? — недовольно спросил я, косясь на предмет.

Старший произнес значительно:

— Через него же. Костер — окно. Но нужно выполнить, зачем пришел, иначе духи не выпустят.

— Хорошенькое дело, — проговорил я, отклоняясь от трубки, словно та воняет. — Скажите хотя бы, что в этой штуке?

— Здесь порошок из особого камня и частицы стихий, — ответил шаман, продолжая протягивать мне предмет.

Доверие к происходящему уменьшилось до таких размеров, что понял: еще немного — и кинусь бежать по узкой тропке обратно в равнинную топь.

Вообще, в болоте такого места существовать не должно. Мелькнула мысль: а не мерещится ли это? Может, мне не удалось выбраться из лап утопленников, они тащат все глубже, а от нехватки воздуха мерещится всякое.

Я осторожно ущипнул себя за кисть, поморщился — больно. Значит, шаманы реальны.

— Разве камень может гореть? — с сомнением спросил я, принимая трубку у шамана.

— Решительно нет, — заверил он. — Камень гореть не может.

Я непонимающе посмотрел на него, затем на огонек в трубке, и снова перевел взгляд на шамана. Из

девается он, что ли? Точно издевается. Пользуется тем, что ворги не очень сильны в шаманских делах и прочем колдовстве. Несмотря на постоянные обороты, с реальной магией мы не имеем ничего общего. А оборот — ну какая это магия? Так, расовая способность.

Охота — это да. Или бой, да такой, чтоб противника в три раза больше, потому как если пасть в такой битве — вечная слава и сложение легенд обеспечены. Но охота все же интереснее. Хотя кому как. Дед мой любит бойни, а прадед — наоборот, охотник. Мог учуять и выследить нежить на расстоянии в три версты.

— Что делать надо? — спросил я с раздражением, поглядывая по сторонам.

Может, удастся найти лазейку и смыться, а не геройствовать перед шаманами. Но вокруг лишь темная вода, покрытая золотистым мерцанием, и полосы света от шныряющих туда-сюда козявок.

От напряжения шерсть на загривке встала торчком, как у загнанного в угол волка. Шаман достал из-за спины бубен из медвежьей кожи — запах не сильный, но понять можно. По краям бубен отделан все тем же медвежьим мехом, в центре нарисованы какие-то знаки и символы, похожие на те, что видел на косточках.

Главный вытащил из сумки палку с обмотанным шерстью концом.

— Когда я ударю, — сказал он строго, — вдохни дыхание камня и закрой глаза. Не выпускай трубку, даже если все вокруг будет рушиться.

— Почему? — спросил я.

— Она твой якорь в мире живых, — пояснил шаман. — Если отпустишь, унесет безвременным ветром. Тогда тебя никто не найдет. Помни, не разжимай паль-

цы. Если будет выбор: схватиться за край обрыва или удержать трубку, — смело выбирай второе. Запомнил?

Я нервно сглотнул. Еще бы не запомнить, конечно, запомнил. Мысли носятся, как хорьки по гнезду, — дернул меня черт зайти в эту треклятую таверну. Это все люди виноваты, если бы так часто не водился с ними, не попал бы в передрагу, не оказался бы в яме у нежити и не... А, плевать. Все равно уже все случилось. Ворги не сожалеют.

Ворги действуют, пусть даже действия эти не всегда понятны. Как сейчас, например. Какого пса, спрашивается, я тут делаю с шаманами? Иду в какой-то мир духов, когда Ильва почти на пороге мирового господства. А Жамчин, тварь паршивая, умыкнул Изабель прямо из-под носа.

При мысли о принцессе внутри закипело, челюсти сжались. По телу прокатилась волна гнева, когти удлинились. Еле взял себя в руки.

— Если кого встретишь, — продолжал главный, — не доверяй. Духи непредсказуемы и равнодушны к проблемам живых. Самый близкий родственник может оказаться вероломным. Будь внимателен и не поддавайся уговорам. Твоя задача — найти тень. А там действуй по обстановке. Ясно?

От напряжения и приступа злости стало жарко. Я обреченно кивнул, вытирая с лица пот.

— И еще, — добавил он. — Это может быть трудно, но постарайся держать в голове, ради чего отправляешься.

— Постараюсь.

— Готов? — спросил шаман.

— Нет, — ответил я. — Но давай начинай, а то от ожидания спина чешется.

Главный шаман размахнулся и ударил шерстяным концом палки в бубен. Над озером разлился равномерный гул, козявки попрятались в цветах, сияющие точки застыли.

— Давай, — скомандовал шаман и протяжно замычал на непонятном языке.

Повинуясь приказу, я наклонился над трубкой и что есть силы втянул дыхание камня.

Нос ободрало такой болью, что перестал различать запахи. В глотке запершило, ощущение, что в легкие забралась кошка и решила поточить когти.

Хотел выругаться — предупреждать о таком надо, но приступ кашля скрутил пополам, из глаз хлынули слезы. Стало до того стыдно, чуть не вспыхнул на месте. Слезы ворга — явление настолько редкое, что скорее гном струсит, чем ворг заплачет. Хотя этот поток воды, наверное, не страшен. Когда глаза слезятся от дыма, никто не считает это постыдным.

Противная волна онемения проползла по позвоночнику до самой головы и скрутилась холодной змейкой в районе затылка. Попробовал шевельнуться, но понял, что не владею телом. Потом меня дернуло и понесло сквозь заросли. Точнее, мне показалось, что через заросли, потому что четко помню, как листья и ветки хлестали по лицу.

Наконец полет прекратился. Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем смог привести в порядок дыхание. Показалось, выкашлял все, что нажил за всю жизнь. Горло драть перестало, носу вернулась чувствительность, я сделал несколько проверочных вдохов и хотел высказать шаманам, что думаю, но никого не увидел. Вместо зачарованной роши и незнакомцев —

туман, такой плотный, что вытянутая вперед рука тут же исчезает.

В ладони зажата трубка. Шаман сказал не отпустить ни при каких условиях. Это самый простой из наказов. Если учесть, что четких указаний он не дал, то вообще — единственный.

Некоторое время боялся пошевелиться, прислушиваясь к ощущениям в теле. Вроде ничего необычного, кроме некоторой вязкости движений.

Пение шамана отчетливо слышно и здесь, но не рядом, а словно за стеной. Воздух холодный и сухой, что странно при таком тумане.

Я сделал пару шагов вперед, проверяя твердость земли. Ноги ступили беззвучно. Поверхность, кажется твердой, хотя ожидал услышать чавканье болотной жижи.

— И что дальше? — зло прошептал я.

Вопрос предназначался не кому-то конкретному, скорее просто захотелось услышать живой голос. Звук поглотил туман, словно вокруг не бескрайние просторы, порождающие эхо, а крошечная комнатка, обитая звериными шкурами.

В том, что территория огромная, — не сомневаюсь. Не могут духи обитать на клочке земли размером три на три аршина.

Во рту появился странный привкус, похожий на смесь земли и мертвячьих костей, язык пересох, но попить негде. Поэтому я просто прикусил кончик, чтобы усилить слюноотделение и хоть как-то увлажнить пустыню во рту.

Справа совсем рядом послышался тихий шелест, я рефлекторно обернулся, но ничего не увидел из-за тумана.

— Кто тут? — спросил я и подумал, что не следовало этого делать, чтобы не обозначать место своего присутствия.

С другой стороны, если существо шатается здесь, то наверняка в курсе, где я нахожусь.

— Тут? — спросил металлический голос.

— Да, — растерянно сказал я.

— Тут никого нет, — снова ответил голос.

Я глухо зарычал. Старая детская шутка про «тут никого нет», когда задающий вопрос спрашивает: «А кто тогда говорит?» — и лгунишка вынужден придумывать новую фантазию, чтобы избежать разоблачения.

Участвовать в детских прятках нет ни желания, ни времени, поэтому махнул рукой и сказал:

— Ну, раз нет, то я пошел.

— Куда? — раздалось изумленное.

Я пожал плечами:

— Какая разница. Тут все равно никого нет.

В тумане зашуршало совсем близко, я присел, занимая боевую стойку, хотя в таком состоянии удерживать контроль сложнее, чем обычно. Руки и ноги слушаются с трудом. Единственное, на что хватает концентрации, — сжимать пальцами трубку.

Шелест раздался почти под ногами, я ошетинился и выпустил клыки.

— Предупреждаю: я ворг, — сказал я глухо.

Не уверен в полезности этой информации, но в нормальном мире это действует.

— О-о-о, ворг, — протянул голос. — Ворг — это серьезно.

Интонация собеседника почтительная, настолько, что кажется — существо больше насмехается, чем трепещет.

Я шагнул в сторону и выпрямился со словами:

— Все, развлекайся тут само. У меня дела.

Пришлось постараться, чтобы удержать контроль над ногами, которые то ли от тумана, то ли от дыма в трубке ватные. Проверив, на месте ли предмет, я на ощупь двинулся в стену тумана.

— Уходишь? — обиженно произнес голос.

— Именно, — ответил я. — Не люблю разговаривать с пустотой.

Голос промолчал, я решил, что существо потеряло интерес, учесало греметь цепями и пугать непослушных детей.

Через некоторое время, если в этом мире понятие времени применимо, дымка рассеялась. Передо мной открылась совершенно ровная бескрайняя территория. Небо похоже на прозрачную крышу, сквозь которую на ночном своде висят два огромных шара. Луна рядом с ними все равно что горошина возле арбуза.

Я посмотрел под ноги, в надежде увидеть землю или хотя бы болото, но обнаружил серый, плотный и совершенно не известный материал.

С опаской тронул его носком, мало ли что за гадость.

— Не обычно, правда? — грянул голос прямо над ухом.

Я дернулся и отскочил на полтора волчьих прыжка. Как оказалось, привычные органы чувств тут не работают, иначе услышал бы, учуял приближение.

Успокоив бешено колотящееся сердце, я выдохнул и взглянул на существо. Оно напомнило небольшого черного ежика, лапы и морда глубоко спрятаны в колючках, шипики перекатываются и шелестят.

— Ты кто такой? — прорычал я, еще больше злясь. — Чего крадешься?

Существо обиженно сжалось и проползло вперед.

— Какая разница, кто я, — проговорило оно оскорбленно. — У меня нет имени, я местный дух, каких миллионы. К нам редко живые заходят. Решил посмотреть, что за птица пожаловала на свою голову.

Ему что-то надо, мелькнула в голове мысль. Шаман предупреждал, никому нельзя доверять. Дед тоже говорил о людях, а я не слушал. В итоге разговариваю с духом-подмастерьем среди несуществующей пустыни.

— Убирайся, — сказал я глухо, надеясь, что повторять не придется.

Существо даже не шевельнулось.

— Надолго к нам? — спросило оно.

Я не ответил, оно продолжило:

— Все заверяют, что ненадолго. Но мало кому удастся выполнить обещание.

Чтобы не слушать бредни непонятого призрака, я двинулся по пустыне, стараясь не шататься. Контроль к ногам немного вернулся, но исчезло ощущение веса, приходится постоянно думать — я наступаю ногой на землю, стопа прикасается к поверхности, так... Потом отрывается... И снова. Тьфу! Наваждение.

Существо не подумало оставлять меня в покое, катится колом рядом, шевелит колючками.

— Не переживай, — сказала оно невозмутимо. — У нас хорошо. Главное — понять законы. Хотя их почти нет. Что думаешь, то и происходит. Новенькие даже форму держать не могут. Ах да, ты ведь не мертвый. Ну, это ненадолго.

Я с сомнением покосился на ежика, левый клык произвольно вытянулся, ежик продолжал:

— Как только потеряешь якорь, мигом снесет. Умереть не умрешь, но это по-первому. Не бойся, я буду рядом. Всегда мечтал познакомиться с героем.

Сравнение с героем польстило, но содержание монолога совсем не вдохновило. Я ускорил шаг, несмотря на то, что это оказалось сложнее, чем подвинуть гору.

Существо не замолкало.

— Странно, что до сих пор пустыня, — проговорило оно голосом, похожим на скрежет металла. — Обычно сразу теряются, попадают в воспоминания. А там все — можно заворачивать. Когда видят любимых, родственников — бросают якорь и бегут с распростертыми объятиями. А тут ветер и... Хлоп!

Колобок высунул из колючек длинную черную ручку и стукнул себя по несуществующему лбу.

— Уносит нашего горе-путешественника в неведомые дали, — пояснил он. — Сколько раз пытался найти, ну так, для интереса, делать-то мне особо нечего — никогда не получалось. Оно и понятно, мир бескрайний. Это не то, что у вас.

Я иду и молчу, разговаривать с существом не хочется, еще задурит голову. Стараюсь думать о трубке, о том, как нужно держать, и вообще — концентрируюсь.

Существо поняло, что расшевелить меня не удастся, и раздраженно фыркнуло:

— Ну и ладно. Не хочешь — не надо. Иди. Посмотрю потом, как завоюешь, когда потеряешь якорь. Только ничего уже не поможет.

Существо мерзко захихикало и остановилось. Я облегченно выдохнул.

Как только навязчивый спутник остался позади, местность резко поменялась, меня с силой швырнуло вперед, как если бы шагнул на десяток верст за раз. От скорости закружилась голова, если в этом мире применимо такое понятие.

Я проморгался, оскалился на всякий случай. Лучше ожидать нападения и обознаться, чем не ожидать и попасть в засаду.

В этот раз обознался. Вокруг пышная растительность, никогда такой не видел. Деревья с огромными листьями, толстые лианы до самой земли, пахнет цветами и чем-то сладким. Может, на самом деле я не чувствую запаха, неизвестно — какой морок способен наложить мир духов. Но даже воображаемый аромат весьма настойчив.

Единственное, что неестественно, — отсутствие птиц. В лесах, пусть мистических, должны петь птишки, а тут даже ветра нет. Листья и ветки застыли, как примороженные. Только пение шамана доносится откуда-то очень далеко.

— Неважный у вас леший, — сказал я, обращаясь к невидимому собеседнику.

Лес задрожал, как при земной тряске. Деревья, один за другим, стали проваливаться под землю. Чтобы не уйти вместе с ними, пришлось замереть на крошечной полянке с вытоптанной травой. Думал, сейчас животный страх зашевелится в районе копчика, погонит куда глаза глядят, но нутро спокойно, как ворговский сон. Наверное, здесь телесное не работает. Хотя чутье совсем не телесное, ну да ладно.

Дыры на местах деревьев моментально затягиваются, оставляя гладкую серую поверхность. Через несколько секунд от леса не осталось следа.

— М-да, — протянул я и сделал шаг.

Слева раздался звон, я медленно обернулся, помня, что прошлый раз резкое движение швырнуло на несколько верст.

В шаге над землей зависла полупрозрачная фигура без признаков пола и расы. Голова призрака качнулась, форма на глазах стала меняться. На плоской поверхности образовались выступы и впадины, через несколько секунд прорисовалась грудь и талия, лицо вылепилось и приняло знакомое выражение.

— Бабка! — вырвалось у меня.

Призрак закончил оформляться. Теперь выглядит почти как живой, если не обращать внимания на синюшную прозрачность. Большие черные глаза выглядят пугающе и смотрят в самую душу. Не в меру длинный нос загнут вниз, губы тонкие. Не помню, чтоб у бабки нос был крючком. Наверное, уже после смерти загнулся.

— Здравствуй, внучек, — произнесла она потусторонним голосом. — Не ждала тебя так рано.

Я на секунду оторопел. Бабка умерла так рано, что привыкнуть к ней не успел, но рассказывали, меня любила больше остальных. А тут вот она, собственной персоной.

— Да не рано, — произнес я, пряча взгляд. — Я живой.

Бабка вскинула тонкие брови.

— Живой? — удивилась она. — Зачем же забрался в такую даль?

Откуда-то подул странный ветерок, не сильный, но настойчивый и плотный, как кисель. Меня качнуло, еле удержался, чтобы не упасть.

— Да вот, — проговорил я, отшагивая, — дела есть.

Бабка все меньше напоминает родственницу, хотя точно знаю — это она, моя бабушка, у которой маленьким сидел на коленях и жевал медовые соты. Она напевала что-то доброе, а я засыпал, свернувшись клубочком.

— Дела... — протянула она задумчиво. — Дела — это хорошо. Но сначала обними бабушку, а потом иди.

Я подался вперед, но вспомнил слова шамана и застыл на месте. Бабку любил, но сейчас она призрак, а что у них на уме — только богам известно.

— Что-то не до нежностей мне сейчас, — проговорил я, крепче сжимая трубку.

Родственница округлила глаза с прозрачными веками, рот раскрылся.

— Не обнимешь? — изумленно спросила она, растопырив руки.

На слишком длинных пальцах заметил когти, не загнутые, как у воргов, а длинные, словно кинжалы. Прозрачная фигура пошатнулась и подалась вперед, волосы гневно поднялись.

Пение шаманов настойчиво гудит где-то вдалеке. Это они хорошо придумали, если б не слышал — за-был бы, зачем пришел.

— Знаешь, бабуля, — проговорил я, опасливо отходя в сторону, — мне и правда спешить надо.

Лицо бабули резко исказилось — нос окончательно превратился в крючок, глаза вспыхнули холодным синим светом. Она раскрыла рот, в прозрачной глотке видно черепушку.

Бабуля проорала зло:

— У-у-у, преда-а-тель!

С этими словами она кинулась вперед, широко раскинув руки.

Я поспешно отскочил, меня снова бросило вперед так, что спину выгнуло. Шаманская напасть! Еще немного — и привыкну так перемещаться.

Где-то вдалеке застыл яростный вопль бабули, но через секунду растворился в призрачном мире.

Меня остановило на самом краю обрыва. От неожиданности чуть не потерял равновесие, руки замахали, как лопасти, пришлось отклониться назад, чтоб не свалиться в бездну.

Дна не видно — все туманом затянуто. Едва не выронил трубку, пальцам срочно захотелось ухватиться за что-нибудь. В голове мелькнули слова шамана, я вцепился в трубку.

Кое-как удалось удержаться на краю. Я с натужным выдохом отшагнул назад. Сердце колотится, как у мыши. Теперь-то знаю, какое оно быстрое.

Глянул на трубку — пальцы сжаты так, что костяшки побелели.

На другой стороне обрыва горы из прозрачного блестящего материала. Наверное, что-то похожее добывают гномы в своих рудниках. Только там приходится по камешку откалывать, а тут целые скалы. Знать бы еще, что это такое. Но, вообще, какая разница — между нами пропасть глубиной в бесконечность.

Я осторожно заглянул за край. Каменистые склоны круто уходят вниз, белая дымка скрывает дно. В сочетании со звуками шаманьего голоса все выглядит впечатляюще и непреодолимо.

Справа от меня у самых ног завертелся воздух. Круглый бурунчик исказил картинку, через секунду на его месте появилась дыра, из нее самоуверенной походкой вышла рыжая кошка. На груди светлое пятнышко в форме ромба, шерсть длинная и пушистая.

Она посмотрел на меня. И без того длинные зрачки вытянулись. Животное, видимо, удивилось, даже морду скривило презрительно.

Я лязгнул зубами. Отлично, теперь несуществующая кошка будет на меня косые взгляды бросать.

Когда ворг перекидывается в зверя, он не становится им в полной мере, а только заимствует внешность и качества. Но душа, так сказать, остается прежней, даже несмотря на влияние инстинктов животного. От этого волком хочется выть, а мышью — жрать червей.

Потому не представляю, что делает кошка в мире духов и почему смотрит на меня, как на поющего гнома.

Кошка минуту вылизывала шерсть, пока та не заблестела, как промасленные гоблинские волосы. Вроде в мире духов, а все туда же — намываются и фыркают.

Животное наконец закончило священнодействие. Хвост вскинулся трубой, кошка шевельнула ушами и демонстративно направилась к обрыву.

Я наблюдал. Стало дико интересно, что она собирается делать. О прыжке на другую сторону речи быть не может — даже волчьего прыжка недостаточно.

Кошка замерла на краю, голова повернулась. На мне остановился осмысленный взгляд голубых глаз. Мыслящие кошки — явный перебор.

То, что произошло дальше, заставило меня открыть рот.

Рыжая шагнула в пропасть. Ожидал, что лохматый комок с жалобным мяуканьем сорвется в бездну. Вместо этого она прямо по воздуху направилась на другую сторону.

Наверное, я долго таращился на кошку, она успела пересечь ущелье и усесться на прозрачном камне,

глядя на меня. Глаза щурятся от блеска камней, хотя солнца не видно.

Минут через пять пришел в себя. Потряс головой, вытер лоб, подышал, как полагается. Привычные законы тут не работают. А работают непривычные, и глазам верить нельзя. Что там говорил колобок? О чем думаешь, то и происходит? Значит, в кошачьей голове через пропасть есть мост. Не по воздуху же она прошла. Или почему нет? Может, кошка подумала, что умеет летать, если, конечно, способна так думать.

От противоречивых мыслей голова загудела. Нет, мне определенно рано в мир духов, надо заканчивать и выбираться.

Кошка все еще сидит и смотрит на меня, словно приглашает, мол, чего ждешь, я же прошла.

— Безумный мир, — пробубнил я и подошел к обрыву.

От высоты сперло дыхание, в висках пульсирует мысль: сейчас добровольно шагну в бездну.

Я с глубоким вдохом закрыл глаза и представил, как из обрыва к противоположному краю вырастает крепкий каменный мост с высокими перилами. Представлял так детально, что даже узоры на столбиках выбил. С мостом бездна уже не кажется такой жуткой, главное — поверить, что мост действительно есть.

Подняв ногу, я приготовился сделать шаг, но снизу снова раздался знакомый голос:

— Решил прекратить страдания?

Я резко открыл глаза и поставил ногу на место. Из глотки вырвался глухой рык, в ноге возникло непреодолимое желание пнуть тварь. Аж пятка загудела.

Кошка на противоположном краю, увидев его, вздыбила шерсть и зашипела. Вот кто-кто, а кошки

знают толк в плохом и хорошем, правда, выбор всегда делают на свое усмотрение.

— Слушай, — сказал я грозно. — Отстань от меня, а?

Существо ничуть не обиделось, только захихикало.

— Я могу отстать, могу, — сообщило оно. — Только когда падать будешь, не забудь помолиться, чтоб боги знали, куда тебя отправлять. А то застрянешь, так сказать, на переправе. Хе-хе-хе.

Я грозно посмотрела на ежика. Не знаю, как в мире духов с оборотами, но злость тут вполне реальная. Хотя, может, он прав? Вдруг у кошки есть тайная способность? Сейчас пойду за ней и провалюсь далеко и надолго. А существо предостеречь пытается. С другой стороны, оно и оставить меня тут не прочь.

На всякий случай я сделал грозную морду. Черный колобок шевелит иголками. Ни глаз, ни рта. Но если бы были, то обязательно со злорадной ухмылочкой.

Шаман сказал, никому не верить. Даже глазам — в конце концов, в этом мире всякое можно увидеть. Единственное, что остается, — чутье. Не звериное, а самое что ни есть человеческое, которое заставляет остановить занесенный над головой топор, когда так и подмывает рубануть. Это, наверное, даже не чутье, а что-то другое.

Это мир духов, в который раз напомнил я себе. Возможно, все только мерещится, поэтому, ступив в пропасть, не упаду. Попросту некуда падать.

Последние сомнения слетели с меня, как листья с зимнего дерева. Я выдохнул и шагнул вперед.

Под ногой растеклось холодное. Опустив взгляд, увидел, как картинка внизу поплыла, превращаясь в бесформенную массу. Если прежде в ущелье были

туман и камни, то теперь подо мной клубится серо-коричневая каша.

Из-за спины раздалось недовольное:

— Ишь, какой находчивый. Быстро разобрался. Но надолго ли?

Тон существа нравился все меньше. Есть в нем что-то настораживающее.

Я достиг противоположного края и поравнялся с кошкой. Только теперь она перестала шуриться. Пушистая тушка прыгнула с камня, рыжие лапки бесшумно зашагали меж прозрачных холмов. Я последовал за ней, соображая по пути — на кой пес мне вообще понадобилось пересекать эту пропасть. Всему виной сам мир и плохо работающие в нем мозги.

— Гляди-ка, с кошкой спелся, — донеслось в спину раздраженное. — Смотри, мышей не начини ловить. Ах да, ты же ворг! Можешь и мышей. Только не заиграйся, хе-хе, а то не успеешь. Хе-хе-хе!

Внутри шевельнулось недоброе предчувствие, хотя в последнее время добрых не было.

Мысли медленно растеклись в голове, как вчерашний студень, удерживать концентрацию стало сложно. Зачем я здесь? Что-то искал. Что я тут искал?

Шагая за кошкой между прозрачных гор, пытался прислушаться, различать запахи. Органы чувств совсем обленились, иду как глухой. Ноги мягко ступают по серой земле, мне уже спокойно и безмятежно. Впереди мелькает кошачий хвост, единственный ориентир в... Где я?

Откуда-то донесся странный шум, ритмичный и одновременно протяжный.

— А-у-эйя... А-у-эйя...

— Шаман! — крикнул я неожиданно громко, прозрачные горы зазвенели, как хрустальные. — Это пение шамана!

Мысль о нем вернула в сознание. Я опустил взгляд на руку. В ладони зажата трубка.

Фух.

На месте.

Я старался держаться прямо за кошкой, задним умом понимая: она знает дорогу. Правда, непонятно, куда идет и почему нужно следовать за ней. Но вариантов не много. Навязчивое существо осталось на том краю пропасти, но уверен — ненадолго.

На изогнутых гранях гор играет свет, бросая тусклых зайчиков в стороны. Не сразу понял, откуда сияет, потом дошло — шары на нереальном небе все же светятся. Этого хватает, чтобы играть на прозрачной поверхности.

Кое-где плотность материала такая, что гора приобретает синеватый оттенок. В склонах видно мое отражение и отражение кошки. Та шагает впереди с высоко задранной головой, пушистые штанишки крутятся туда-сюда, уши подергиваются.

Через некоторое время горы кончились. Перед нами в воздухе возникла круглая дыра, размером с таверну. Края дыры крутятся и переливаются сиренево-синим. Переливы настолько мощные, что вспыхивают, становясь похожими на щупальца. Тут же тают, уступая место новым всполохам.

Я отшагнул в сторону, заглядывая за дыру. Сбоку она кажется плоской, но спереди видно: это даже не дыра, а тоннель огромных размеров. Уходящие вдаль стены покрыты то ли холмами, то ли еще каким-то рельефом. Кажется, синего цвета. Возможно, и не

синего, кто его знает, что тут с цветами происходит? Но к такому я привык. Когда перекидываешься, все меняется, цвета в том числе.

Где-то далеко, в конце тоннеля, светится белая точка.

Меня передернуло — труба настолько длинная, что в глазах плывет.

Подходить ближе не решился. Не то чтобы страх, но что-то подсказывает: мне туда не надо, во всяком случае, пока.

Кошка развернулась и посмотрела такими жалобными глазами, что у меня все внутри сжалось. Ну не могут кошки так смотреть.

— Миу, — пискнула она.

Я присел и провел ладонью по пушистой шерстке. Кошка тут же замурчала, но взгляд остался жалобным.

— Ну чего ты, маленькая, — сказал я ласково. — Какой леший тебя занес сюда?

— Миу, — ответила кошка, словно поняла меня.

Она ткнулась мордой в руку, которой сжимаю трубку, потом подбежала к дыре, сосредоточенно посмотрела внутрь и снова вернулась ко мне.

— Хочешь, чтоб прыгнул туда? — спросил я, пытаясь снова погладить кошку.

В этот раз она не далась, только вздыбила шерсть и зашипела. Помня кошачьи повадки, догадался, ответ означает «нет».

— Что тогда?

Кошка стала бегать от меня к дыре и обратно, позаячы прыгать на месте. Вроде кошачий язык понимаю. По рождению положено разбирать визги и шипения настоящих зверей, но сейчас вообще не уловлю, что пытается сообщить.

— Котейка, давай попонятней, — попросил я. — Скачешь, как белка.

Кошка раздраженно фыркнула и остановилась между мной и дырой.

Ее морда резко вытянулась, она мякнула, хвост нервно закрутился. Воздух за ней пошел зыбкой рябью, появился знакомый бурунчик. Она внимательно посмотрела на меня, показалось, что во взгляде мелькнула надежда. Затем кошка резко развернулась и исчезла в искаженном воздухе. Через секунду всполохи прекратились. Я остался один наедине с дырой.

Только хотел вздохнуть, радуясь уединению, как рядом зашуршало.

— Ушла наконец, — сказала существо, скатившись со склона.

Голос все еще отдает металлом, но теперь в нем появились протяжные звуки, похожие на эхо. Внешне тварь тоже изменилась. Теперь она выглядит как сгусток черного дыма или тумана. Но это определенно то же самое существо.

— Кошек боишься? — спросил я, решив наконец завязать разговор с духом. Может, что выясню.

Из глубины черного дыма послышался смех.

— Я? Кошек? — спросило оно, давась от хохота. — Ну с чего мне их бояться, ворг?

— Тебе не больно нравилось, когда она шипела у обрыва, — сообщил я, украдкой посматривая по сторонам.

Оно перестало хохотать и немного приблизилось. Повинуясь рефлексу, я отшагнул назад, но вовремя вспомнил, что за спиной дыра в неизвестность, пришлось поспешно отойти. Что-то подсказывает, эта дыра очень непростая. Ох как подсказывает.

— А вот мне кажется, — сказала существо, — это ты меня боишься. Хе-хе-хе.

Первым желанием было вмазать ему по несуществующей роже, выдрать кадык, если найду, и отгрызть голову. Но удержался. Во-первых, все равно не попаду — он же дым, а во-вторых, — может, он прав. Может, я его боюсь? Но почему? Это просто туманный призрак из черного дыма. Ворги не боятся дыма. А чего боятся? Что происходит, где я?

Мысли снова уплыли, подхваченные мутным потоком чего-то, что сознание не в состоянии понять. Тело обмякло, захотелось лечь, поспать, и гори оно все изумрудным пламенем.

Колени медленно подогнулись, я опустился на серую поверхность и зевнул во всю волчью пасть. Даже язык вывалить не постеснялся.

— Давай-давай, — проворковал дым. — Положи трубочку рядышком и ложись. Отдохни, ворг. Скоро больше не вспомнишь ни о чем. Будет только Ильва.

Ворг. Это он обо мне. Ворг — это я. Ильва? Кто такая Ильва? В голове каша, будто неделю бегал мышью и человечью пищу ел. Пища, это да. Есть хочется. Боги, я бы штаны отдал за плечевую кость мертвяка. Ильва — это не страшно. Звучит интересно. Наверное, город какой-то, а может, жратва так называется. Что там он еще сказал? Принцесса?

Эта мысль прожгла сознание, как раскаленный уголь ледяную корку. Принцесса. Точно знаю, я помнил какую-то принцессу. Куда она делась? Зачем ее забывать?

Пальцы стали медленно разжиматься, ощутил, как длинный предмет в руке медленно выползает. Что я держу? Зачем? Оно только мешает лечь поудобнее.

Шум вокруг резко усилился, я хотел зажать уши, но сил не хватило.

— А-у-эйя! А-у-эйя!

Показалось, звук исходит отовсюду. Очень знакомый звук, аж в затылке зачесалось. Существо уплотнилось, превратившись из безобидного облачка в грозовую тучу. После этого начало расширяться, обретая все более угрожающий вид.

— Проклятые шаманы! — прошипело оно эхоподобным голосом. — Я все равно превращу его!

Пение шамана стало сильнее, я напряг память, стараясь найти какой-нибудь крючок, который выстроит мысли в ряд. Голова загудела, я вслушался в шаманское «а-у-эйя», повторяя про себя за ними.

В голове посветлело, я подумал про принцессу, череп словно молнией прошибло.

— Изабель! — выкрикнул я.

Дурман как рукой сняло. Пение шамана окончательно привело в себя. Я подхватил почти выпавшую из ладони трубку и поднялся на ноги.

— Это ты! — прорычал я гневно. — Тень, что ползет за мной!

Грозовая туча выросла до гигантских размеров, черная дымка полностью скрыла горы. Внутри облака блистают кривые всполохи.

Я чуть попятился и сильнее сжал трубку. В этот раз ему не удастся меня одурачить.

Здоровое состояние гнева поднялось из живота и поползло к голове. Может, сил на оборот сейчас нет, но ошестиниться и выпустить клыки всегда могу.

— Я! — прогремела тень.

— Что тебе надо? — заорал я в ярости. — Кто послал?

— Кто послал? — передразнила тень едко. — Сам знаешь!

Вариант у меня всего один, но уверен — правильный.

— Ильва? — спросил я зло.

Тень приблизилась еще на полшага, я отступил еще на два и напряг мышцы. Пусть видит, что готов к атаке.

Существо не стало приближаться, расплывчатое лицо зло покосилось на дыру.

— Иль-ва, — произнесла тень нараспев.

— Зачем?

— А то не знаешь, — усмехнулась тень, покачиваясь у невидимой границы.

Я выпустил клыки на всю длину, взгляд впился в тварь, когти вытянулись, хотя не думал, что в мире духов это получится.

— Если честно, то нет, — соврал я.

Теперь различаю не только пение шамана, но и звук бубна — ритмичный грохот перебивает раскаты тучи. Шары в небе отдалились, теперь похожи не на арбузы, а на яблоки. Очень крупные яблоки.

— Неужели не понял? — чуть удивленно спросила тень.

Я пожал плечами, прикидывая, как лучше напасть на то, у чего нет тела. С другой стороны, оно тоже не может причинить мне вреда. Значит, уязвимо так же, как я. Надó только понять, в чем.

— Мне говорили, ты умный ворг, — насмешливо прогудела туча. — А на деле как рядовая нежить.

Сравнение с мертвяком окончательно подняло новую волну ярости, в глотке заклокотало. Еле удержался, чтобы не кинуться прямо в дымку. Лучше пускай

болтает, а я послушаю и подумаю. Болтать оно любит, как уже понял.

— Ты видел нежить в таверне и ел из его рук, болван, — разоблачающе сообщила тень.

Я сделал вид, что все еще не понимаю, тень продолжила:

— Ильва метит воров с помощью снадобья. Так одиночек обращать легче. Ты сбежал из ямы, и она разозлилась. А когда узнала, что умыкнул принцессу, пришла в бешенство. Принцесса, знаешь ли, очень дорога ее темнейшему. Никто не понял, как удалось сбежать из ямы. Никому не удавалось.

Я слушал и помалкивал. Похоже, они не в курсе, что мне известно о Талисмане. Теперь еще Изабель ей зачем-то сдалась.

Ожидал дальнейшего рассказа, но тень, похоже, сообразила, что сболтнула лишнего. Я не понял, существо — оно, она или оно, но моральная сторона вопроса интересует меньше всего. Это люди считают, что женщина не может быть злодеем. По мне, самые лучшие злодеи как раз женщины. Причем человеческие.

— Пора заканчивать, — сообщила тень громовым голосом.

Не знаю, что она имела в виду. Но благодаря инстинктам, которые неожиданно пришли в норму, успел отскочить от прилетевших в меня молний. Молнии оказались маленькими и точно не убили бы, но, вероятно, обездвижили бы на некоторое время.

Я пошарил взглядом по окрестностям в поисках оружия. Ничего подходящего. Только дыра в неизвестность и трубка в ладони.

Я принял боевую стойку и отвел предмет в сторону, на манер ножа. Клыки торчат, я намеренно вздыбил

загривок, чтоб выглядеть злее. Из тучи раздался зло-
радный смех.

— Ты что, серьезно? — спросило существо. — На-
мереваешься победить меня курительной трубкой ша-
манов?

— Иногда и трубка должна стать секирой, — про-
рычал я невпопад.

Я отшагнул к дыре, спину обдало холодком, словно
тоннель тихонько затягивает, но из-за того, что живой,
не может этого сделать. В голове мелькнула нежиданная мысль, я ухмыльнулся: насколько тень живая?

— Зачем ей понадобилось посылать тебя? — спро-
сил я первое, что пришло в голову, давая себе время
обдумать догадку.

— Ты совсем безмозглый! — радостно заключила
тень. — Сказал же, Ильва с помощью теней оборачи-
вает одиночек. А ты — особо вредный ворг, за тобой
не простая тень ходит.

При этих словах туча заметно раздулась, хотя ку-
да уж еще. Не думал, что призраки так напыщенны
и тщеславны. Хотя у нежити тяга к самолюбованию
есть.

— Что ж в тебе такого? — спросил я, подыгрывая,
а сам прикинул: если заставить его приблизиться к ды-
ре, по теории, тень должна втянуться в трубу.

— Я дух забвенья! — произнес он так, словно это
все объясняет.

В целом, конечно, объясняет многое. Например,
почему я начал забывать, кто таков, куда иду и зачем.
В нормальном мире это не сильно действовало. На-
верное, из-за того, что ворг и мысли хранятся в раз-
ных головах. А тут все телесные способности ослабли
и меня повело. Ну и сам мир роль сыграл.

— Вот оно что, — сказал я. — Ну раз забвенья, значит, понятно. Мне прямо честь оказана.

Туча довольно громыхнула:

— Еще какая!

— Ну ладно, тогда я сдаюсь, — сообщил я с показной покорностью.

Воздух сотрясся от грохота, только через секунду понял: это безудержный хохот тени. До этого она просто похихикивала, теперь же гремит так, что с гор покатались прозрачные шарики.

— Подойди, ворг, — приказала тень, успокоившись. — Тебя стоит немедленно обратить. Как сказала госпожа, ты слишком опасен и безумно раздражаешь.

— Да пожалуйста, — ответил я, и тут в голову пришла безумная мысль.

Если в мире духов все подчиняется законам разума, значит, можно не только создавать новые предметы, но и изменять старые. Я вообще не уверен, что это предметы. Возможно, они существуют лишь в голове. А раз так, делать с ними можно все что угодно.

Существо опасается дыры, хотя изо всех сил старается это скрыть. Но я успел заметить.

Сжав крепче трубку, я закрыл глаза и представил, как дыра огибает меня и приближается к тени.

— Ты что делаешь! — раздалось совсем рядом.

Я продолжал двигать тоннель, пока не услышал протяжный вой. В момент, когда раздалось первое «у-у-у», открыл глаза.

Меня аж передернуло — дыра стоит вплотную к тени, края с гулом полыхают сиреневым. Тень медленно втягивается в трубу и протяжно воеет. Показалось даже, где-то в дымке мелькнули глаза, полные ужаса.

Через несколько секунд туча превратилась в сгусток наподобие яичного желтка, который проткнули. Теперь он медленно стекает в сливное отверстие.

— Ты обманул меня! — взвыла тень, на глазах превращаясь в маленькое облачко.

— Ничего подобного, — спокойно ответил я. — Просто разобрался, как тут все устроено.

Через мгновение тень полностью скрылась в дыре, оставив вокруг чистый воздух, горы замерцали в свете небесных шаров.

Я осторожно заглянул за край тоннеля, тело чуть повело в сторону. Пришлось поспешно отступить и довольствоваться наблюдением со стороны. Черное облачко стремительно полетело в глубину тоннеля. Хотел проследить, чтобы оно достигло белой точки, но понял: придется ждать очень долго.

В этот момент воздух содрогнулся.

— А-у-эйя! — прогремел голос шамана.

Меня перевернуло и выдернуло обратно.

Глава 12

От скорости картинка резко смазалась, предметы вокруг превратились в цветные полосы. Перед глазами все завертелось, меня несколько раз перевернуло, словно кубарем лечу с горы, и стукнуло животом о землю.

Веки разлепились тяжело, словно проспал неделю. Наверное, опухли. Мир несколько секунд плыл, перед глазами цветные пятна и блестящие точки.

С раздраженным рыком перевернулся: если будет атака, врага надо встречать клыками и когтями.

Я повернул голову — рядом пять шаманов молча смотрят на меня. Пришлось сесть, хотя сейчас с удовольствием закопался бы в нору и забылся зимним сном.

Затылок зачесался, я дернул рукой, чтоб поскрести, но чуть не зарядил в лицо какой-то палкой. Плянул — в кулаке зажата трубка, да так, что пальцев не чувствую. Кожа побелела и высохла.

— Ну даешь, — сказал главный шаман, откладывая бубен в сторону. — В жизни не видел, чтоб в мире духов был так спокоен.

С помощью другой руки я стал разжимать пальцы. Они поддались с трудом. Пока возился, зуд в затылке достиг такой силы, что готов кинуться к дереву и тереться башкой, пока шкура не облезет.

Я протянул трубку шаману, а сам с наслаждением поскреб когтями затылок. Едва язык не вывалил от удовольствия.

Главный осторожно положил предмет перед костром.

— Не знаю, — проговорил я хрипло, продолжая чесаться. — Там, конечно, иначе. Но не так, чтоб совсем дико.

Шаман вытаращился на меня изумленно и выкрикнул:

— Думали, бабка утянет! Все попадают на родственниках. Как увидят, так бросаются обниматься. А ты пер как бык, будто не по миру духов шел, а через тыквенное поле.

— Вообще-то я ворг, — многозначительно напомнил я шаману.

Он отмахнулся, сдвинув брови.

— Не важно, — сказал он и высыпал прогоревший порошок из трубки в костер. — Ты даже не пытался приблизиться. Впервые такое вижу.

— Честно сказать, хотел, — признался я. — Но бабуля не шибко любезничала. И вы так орали, что в ушах звенело.

Зуд в затылке наконец прекратился, я перестал скрести. Глянул на пальцы, под ногтями остались черные полоски торфа. Волосы от него липкие, тяжелые.

— Там не только бабуля была, — проговорил я невесело. — В тумане увязалась мелкая тварь. Когда добрался до дыры, оказалось, это она из меня нежить сделать хочет.

— Справился? — поинтересовался главный.

— Как видите, — отозвался я.

Шаман с бледной кожей, который до этого сидел с непроницаемым лицом, встрепенулся, глаза округлились.

— Дыры? — спросил он, вытянув шею.

Я кивнул.

— Ну да. Круглая такая, огромная. На коне въехать можно. Края полыхают сиреневым.

— А внутри длинный тоннель? — изумленно спросил он свистящим голосом.

Я ухмыльнулся, довольный, что наконец-то разговаривает не только шаман с дырвыми глазами.

Лица остальных остались спокойными, но глаза оживленно заблестели, словно неведомая сила вдохнула в них душу.

— Небесная колесница! — выдохнул бледный. — Вы слышали? Он подходил к проходу! Он видел проход!

Остальные шаманы переглянулись, послышалось тихое перешептывание, хотя отчетливо вижу — губы неподвижны.

Главный шаман проговорил задумчиво:

— Проход... Как тебе удалось?

— Что удалось? — не понял я.

— Подобраться к проходу в мир умерших, — не-терпеливо произнес старший.

Я пожал плечами и сказал:

— Да пес его знает. Просто шел вперед, существо доставало разговорами. Иногда переставал соображать, но умудрялся в себя приходить. Особенно когда вы орали: «А-у-эйя!» Что это вообще значит?

— Заклинание, — быстро ответил бледнолицый.

— А... — протянул я, делая умную морду. — Раз заклинание, тогда ладно. Потом, когда вылезла кошка...

— Кошка? — перебил шаман, похожий на гору, тот самый, который кажется самым недружелюбным.

Он посмотрел серьезными глазами, даже шерсть на загривке встала, на лбу выступил пот.

— Кошка, — сказал я, вытирая лоб. — Рыжая такая, с умными глазами. Все бегала туда-сюда, что-то сказать пыталась.

— А ты не понял? — спросил бледный шаман, сдвигая брови.

Я развел руками и ответил:

— Видать, она на каком-то другом наречии мяукала.

Шаманы переглянулись, лица вытянулись, в глазах появилось еще больше изумления. Я раздраженно поерзал и хрустнул шеей, она отчего-то затекла. По мышцам прокатилась волна, страстно захотелось вскочить и бежать.

В теле появилась свобода, словно снял пудовые доспехи.

— Почтенные шаманы, — сказал я, сев на корточки на ворговский манер, когда опираешься на носки, пятки остаются в воздухе, а спина округляется. — Мне пора. Действительно пора. Спасибо за все, но я и так потерял кучу времени, бродя по вашим мирам.

Главный шаман покачал головой и хлопнул себя по бедрам. Волосы вместе с перьями колыхнулись, как если бы состояли из чего-то невесомого.

— Ты хороший ворг, — проговорил он терпеливо, — но молодой, потому болван. В свои тридцать с лишним зим все бегаешь по миру да с дочками сыроваров водишься.

От наставительного тона в голове вспыхнул гнев, постарался его заглушить, не думать, как шаман прознал, сколько мне зим и чем занимаюсь в свободное время.

— Послушай, шаман, — произнес я глухо, стараясь думать о безмятежных водопадах и белых облаках. — Я иду своей дорогой по важному делу в Мертвую степь. Ты устраиваешь мне полет в другой мир, говоришь загадками и обзываешь, как шелудивого пса. Как хочешь, на этот раз я все-таки пошел.

С этими словами я поднялся, резко развернулся всем корпусом. Всюду черная вода, покрытая розовыми цветами, над водой носятся сияющие козявки. Тропы нет.

Постояв секунду, решил — придется вплавь, чего уж теперь. Только собрался шагнуть в воду, как из-за спины донесся булькающий голос:

— Погоди.

Я обернулся. Голос принадлежит «мокрому» шаману. Он смотрит на меня водянистыми глазами, широкий рот растянут в подобие улыбки.

— Послушай, что знающие люди говорят, — пробубльнул он. — Потом плыви куда хочешь.

Хотел ответить что-нибудь резкое, но вид «мокрого» шамана заставил смягчиться. В голосе промелькнуло что-то успокаивающее, похожее на журчание реки.

Главный шаман одобрительно посмотрел на бледнолицего и произнес:

— Говоришь, видел кошку?

Я неохотно согласился:

— Да. Рыжую. Появилась из воздуха и скрылась туда же.

Старший потер подбородок и причмокнул губами.

— Видишь ли, в чем дело, — стал объяснять он. — Коты и кошки вхожи в разные миры.

Хотел напомнить ему в который раз, что я ворг, но он вскинул ладонь и закивал.

— Да-да. Ты знаешь об этом, — согласился он. — Но в других мирах они помогают лишь тем, с кем знакомы лично. С кем есть связь. Значит, с этой кошкой ты знаком.

Шаман выжидательно посмотрел на меня, словно вот прямо сейчас выдам ему имена всех встреченных кошек. Я задумался — за последнее время не встречал никаких котов. Хотя, может, и встречал, бегающих по постоянным дворам кошек полно. Но не буду же я их запоминать.

— Не знаю, — сказал я и пожал плечами. — Кошек не помню.

— Постарайся вспомнить, — попросил «мокрый» шаман.

Я сердито покосился на «мокрого» и напряг память, в попытке выдернуть оттуда морду какой-нибудь кошки, но в голову приходит только своя. Причем медвежья и волчья.

— Шаманы, почтеннейшие, — взмолился я. — Не помню я кошек. Отпустите меня, а? Опаздываю ведь.

— Ничего ты не опаздываешь, — загадочно буркнул худосочный с пламенем в глазах.

Внутри прокатилась очередная волна ярости, в глотке заклокотало, я шумно выдохнул. Шаманы разом отшатнулись, только главный остался неподвижным. Глаза строго смотрят на меня двумя безднами.

Пришлось сделать три глубоких вдоха, успокаивая звериные инстинкты.

— Честное лохматое слово, — сказал я глухо. — Из последних спутников был только гоблин и принцесса. Они мало на кошек похожи.

— Принцесса? — изумился главный шаман.

— Ну да.

— Украл? — спросил он, прищурившись.

На берег вылезла толстая жаба и водянистыми глазами уставилась на меня. Кожа зеленая, в бородавках, короткие лапы упираются в землю. Она надула горло и собралась квакнуть, «мокрый» шаман грозно посмотрел на нее. Та быстро уменьшилась и пристыженно замерла.

Я раздраженно заворчал, но ответил:

— Почему сразу украл? Спас девушку от нежити в Изумрудном лесу. Оказалось, принцесса. За ней Илья тоже гоняется.

— Почему? — спросил «мокрый».

Я пожал плечами.

— Откуда я знаю? Может, камешек из груди выколоть хочет. А может, мертвякам скормить.

— Куда она делась? — не унимался шаман. — Ты один пришел.

В груди шевельнулось неприятное, шерсть на загривке поднялась, я нехотя произнес:

— Абергудский воин умыкнул.

Шаманы задумались, в воздухе повисла тишина, такая пронзительная, что даже капель не слышно. Козявки прекратили шнырять и попрятались в цветах. Светляки зависли в полете.

Пока они погружались в пучины дум, я прикинул, сколько плыть до противоположного берега. При хороших условиях, а это значит, если в воде нет утопленников, догребу за пятнадцать минут. А если с утопленниками...

Наконец, главный шаман очнулся от размышлений, взгляд прояснился.

— Вот что, — сказал он. — Придется тебе вернуть свою принцессу.

От изумления я даже брови вскинул.

— Во-первых, она не моя, — отрезал я. — Во-вторых, при всем желании, не успею. Слишком долго просидел с вами. И потом, зачем мне это?

Шаман хохотнул и снова ударил себя по бедрам.

— Ну точно, болван, — проговорил он.

Остальные закивали, тихо посмеиваясь. Я зарычал и стал пятиться к воде.

Главный шаман, видя начало побега, замахал руками, предлагая подождать, и сказал так громко, что я вновь остановился:

— Если оставишь в Абергуде, ее отдадут Ильве. Вот все, что могу сказать.

— И что? — спросил я раздраженно.

— Ничего, — ответил он и пожал плечами. — Просто опять потеряешь принцессу.

— Да вы издеваетесь, — вырвалось у меня. — Какая разница, где будет? Главное, чтоб жива и здорова.

Стайка светляков пронеслась мимо и насыпала блестящей гадости на плечо. Я смахнул пыль, но ее так много, что размазалась. Теперь плечо сверкает, как эльфийский глаз.

— Зная нежить, — проговорил главный задумчиво, — быть живым и здоровым не одно и то же.

Я раздраженно лязгнул зубами, худосочный шаман глянул так, что ощутил запах паленой шерсти. Пришлось сделать вид, что успокаиваюсь. Он вновь опустил взгляд в огонь.

В голове забегали неприятные мысли, обычно их быстро прогоняю. Но сейчас липнут как банные листы. Самая главная светится в середине, даже черты видно: рыжие волосы и голубые глаза.

— Знаете, почтенные шаманы, — сказал я, в этот раз твердо намереваясь уйти. — Если сию минуту отпустите, соглашусь вызволить принцессу. За избавление от заклятья спасибо, но пора идти.

Главный шаман махнул рукой, показалось, в воздухе мелькнуло огромное черное крыло.

— Иди, — сказал он. — И вот это возьми. Поможет в самый нужный момент. Думаю, поймешь, какой. Чутье у тебя ворговское.

Он протянул мне крохотный мешочек на веревочке. Я сморщился, но взял. По весу легкий, на ощупь — что-то сухое и сыпучее.

Нацепив веревочку на шею, развернулся, взгляд снова уставился на воду. Хотел нырнуть, но из-за спи-

ны раздался глухой голос, похожий на переворачивающиеся камни:

— Не спеши.

Послышался утробный рокот, вода в озере забурлила. Через несколько мгновений из глубины поднялась узкая дорожка и поползла куда-то в деревья.

— Топай посуху. Не оглядывайся.

— Почему? — спросил я через плечо.

— Будешь много вопросов задавать, к принцессе не успеешь, — ответил глухой голос.

Не желая гневить шаманов, я осторожно ступил на новоявленную тропу. Она и правда оказалась сухой и твердой.

Деревья двинулись навстречу мшистыми гигантами, думал — сейчас будет время поразмыслить, обдумать спасение принцессы и дорогу до горы Ир.

Но все резко дернулось, мир понесся навстречу, словно я все еще нахожусь в мире духов, а ноги способны шагать на несколько верст. Перед глазами замельтешили полосы, деревья и кусты слились в сплошную темную массу.

Спустя несколько секунд за спиной громко хлопнуло. Мельтешение прекратилось, я обнаружил, что стою посреди равнинной топи, над лужами клубится зеленовато-серый туман. Из камышей доносится кваканье, капли с тихим бульканьем падают в воду. В кустах клюквы что-то настойчиво чавкает и сопит.

— Кончилось шаманство, — проговорил я себе. — Снова болото.

Солнца, как и прежде, не видно, но чую — высоко. Даже нет. Ровно там же, где и было, когда только вошел в шаманскую рощу.

Запоздало дошло: пока был у шаманов, время не двигалось. А может, двигалось, но я был вне времени.

Я отряхнулся, на всякий случай осмотрел себя, мало ли, какой дрянью обсыпали. Штаны затянуты замысловатым ремнем, ноги босые, торс голый, на лохматой груди болтается мешочек.

В голове носятся заумные речи шаманов. Мысли об Ильве и принцессе давят на виски.

Тряхнув головой, я зарычал и втянул промозглый воздух болот. словно мне в помощь налетел легкий ветерок, пространство впереди на несколько мгновений расчистилось. Буквально в нескольких шагах разглядел человеческую голову, торчащую из топи.

Паренек зим семнадцати на вид медленно погружается в трясину. Молчит. Знает, что в такой глуши на помощь никто не придет. Черная жижа облепила шею и медленно, но верно поднимается выше.

— Эй! — крикнул я, мысленно ругая себя, что снова лезу не в свое дело. — Держись! Я сейчас.

Его глаза повернулись в мою сторону, ресницы захлопали, словно у дочки сыровара, но голова осталась неподвижна. Вероятно, тонет уже долго, пленка из ряски и кувшинок почти нетронута, что означает медленное погружение. Выбраться не пытался, чтобы еще больше не завязнуть.

Я осторожно спустился к трясине, когда под ногами предательски чавкнуло, остановился и на всякий случай уцепился пальцами за молоденькую иву.

— Ты не сможешь, — прошептал парень бледными губами.

— Это еще почему? — спросил я, шаря взглядом в поисках палки.

— Ноги запутались в водорослях, — ответил он. — Держит крепко.

Пытаясь взглядеться в затянутую ряской воду, я задумчиво произнес:

— Думаешь, водоросли?

Лицо парнишки стало еще бледнее, в глазах мелькнула безнадежность.

— Стараюсь не думать... — еле слышно прошептал он.

Я промолчал. На глаза попало подходящее деревце, не тоненькая ива, а вполне себе береза, ровная и крепкая. Мощным рывком выдернул ее из почвы вместе с корнями, конец осторожно опустил в трясину.

— Хватайся и держись крепко, — приказал я, а сам уперся ногами в почву.

Долго пытался сдвинуть паренька с места, на лбу выступил пот, а парень все еще в болоте. Я поплевал на ладони и снова ухватился за деревце. Спустя вечность парень медленно пополз вверх.

— Ай-яй! — завопил он.

— Что такое? — не понял я.

— Ноги тянет, — произнес он обреченно. — Не пускает.

Я выругался под нос, но парень услышал, сделал скорбную физиономию, словно это может помочь.

— Да что за дрянь! — рывкнул я. — Не иначе утопленник держит.

Парень икнул, бледные губы что-то зашептали, прислушался — молитва. Мимо него с довольным видом проплыла лягушка, за лапами закручиваются тонкие бурунчики, ряска тянется следом. Она стукнулась мордой о лист кувшинки, растение колыхнулось от непомерной массы. Когда лягушка вскарабкалась на

лист — опасно прогнулось в середине. Круглые глаза с равнодушием уставились на паренька.

В голове понеслись мысли, одна другой хлеще. Самые недостойные отогнал, безумные отмел, когда выбросил бесполезные — осталось пусто, как в заброшенном колодце.

— Слышишь, кикимора! — заорал я в воду. — Ты там? Знаю, что там. Вылезай, поговорим.

В глубине что-то шевельнулось, блестящая пленка торфа пошла пузырями, ряска расползлась, через секунду в невидимую грань уткнулось синекожее лицо с широким ртом. Глаза круглые, как у жабы, зрачки мутные, волосы маленьким облаком окутали голову.

Утопленник всплыл близко к пареньку, тот стал еще бледнее и застонал.

— Чего ты хочешь? — донеслось из воды.

— Хочу, чтоб паренька отпустил, — сказал я.

Губы утопленника расплылись в хищном оскале, он обнажил ровные зубы с заостренными клыками и уперся ладонями в поверхность.

— А больше ничего не надо? — спросил он едко.

— Ну, вообще есть одно дело, — ответил я задумчиво.

Утопленник захохотал булькающим голосом, выпуская сети пузырьков изо рта. Маслянистая поверхность покрылась крошечными шариками, как в кружке хлебного напитка.

— Какое дело? — спросил он сквозь хохот.

Я невозмутимо потер когти о штанины и посмотрел на них с таким видом, словно собираюсь участвовать в состязании на звание лучших когтей Изумрудного леса. Затем бросил небрежный взгляд на утопленника.

— Подплыви к берегу, что ли, — сказал я, пожимая плечами. — Чего я ору тебе на все болото. Глотка у меня не луженая.

Упырь снова закатился злорадным смехом, лягушка на кувшинке вытаращила глаза и удивленно квакнула. Синемордый неспешно направился к кромке, поднимая за собой вихри пузырей. Когда достиг берега, подбородок уперся в водоросли, лицо снова натянуло водную поверхность.

— Ну, вот он я, — сказал он с издевкой. — Давай свое дело.

— Да пожалуйста, — ответил я и вцепился ему в волосы.

Утопленник в испуге забулькал, но я рванул на себя. Чуть руку не вывернул, упырь сопротивлялся и визжал, как перепуганная девка. Магическая пленка облепила ему рожу, черты смазались.

Я зарычал, кровь в мышцах потекла быстрее, снова дернул, чувствуя, как в суставах отзывается боль. Упырь с чавкающим звуком вылетел на поверхность, я с силой швырнул его на землю.

Синекожий завопил, как ошпаренный поросенок, а может, и правда ошпаренный, кожа моментально покрылась шипящими пузырями, повалил зловонный пар.

— Что ты натворил! — орал утопленник, водянистое тело быстро превращалось в пену.

Буквально за несколько секунд от него осталась небольшая лужица с парой то ли костей, то ли веток.

Я неподвижно наблюдал агонию упыря. Затем перевел взгляд на паренька. Когда отвлекся на утопленника, пришлось отпустить палку. Теперь она плавает

рядом, парень погрузился глубже, а на поверхности лишь лицо.

Достать дерево не получилось, пришлось найти новую ветку. Протянув кривую корягу, я быстро вытащил его на берег.

Паренек уперся костлявыми пальцами в землю и сел. С волос текут грязные ручейки, промывая в кожаных доспехах мутные дорожки. На поясе небольшая кувалда, сапоги высокие. Как раз для ходьбы по трясине. Похож на вымокшую Изабель.

Парень шмыгнул носом, из волос вылез крупный жук и с недовольным жужжанием улетел. Я отошел на пару шагов, оглядывая парнишку с головы до ног, и прищурился.

— Ты гвардеец? — спросил я с сомнением.

— Да какой там, — отмахнулся парень. — Подмастерье смотрителя водомерок.

— Кого? — спросил я, быстро перебирая в голове варианты. — Это ты про огромных тварей, что по воде, как по суше?

Он кивнул, смахивая с лица грязные капли, за ухо уцепился пучок водорослей. Он долго возился, пытаясь оторвать запутанные стебли. Толстая жаба наблюдала за ним немигающим взглядом. Когда наконец швырнул зеленый клок в воду, она протяжно квакнула и скрылась в темной воде.

Парнишка затравленно оглянулся, словно за ним полчище таких упырей гонится. Маленький, хлипкий, совершенно бесполезный, с точки зрения воров.

Я развернулся, чтобы продолжить путь, но для приличия бросил через плечо:

— Какой леший тебя сюда занес?

Парень поднялся на шатающихся ногах, неловко поправил доспех. Штаны великоваты — топорщатся на пузе, внизу заправлены в сапоги. Так делают, когда на вырост берут.

— Да молодая водомерка сбежала, — ответил он, отплеываясь тиной. — Погнался, не заметил топь.

Я покачал головой и спросил:

— Выпорют?

Он кивнул:

— Ага.

Туман снова сгустился, скрывая от глаз просторы болот и едва различимое солнечное пятно в небе. Парень громко высморкался и махнул рукой.

— А может, и не выпорют, — сказал он. — Эти водомерки плодятся в месяц по пять штук. Как-нибудь переживем.

Я уже пошел прочь от злополучной трясины, как за спиной послышались чавкающие шаги. Пришлось глубоко потянуть воздух.

В носу замелькали запахи, показывая картинку: парень быстро нагоняет, из камышей высовываются лягушачьи морды, одну из них слопала цапля.

— А сам чего тут ходишь? — спросил парень, поравнявшись со мной.

Я окинул его критичным взглядом, тот не заметил, лишь что-то проверил под кожаным доспехом. По звуку догадался — кнут для водомерки.

— Надо, вот и хожу, — ответил я нехотя.

Он понимающе протянул:

— А... То-то, я смотрю, не похож на наших. С твердой земли?

Я кивнул, перепрыгивая очередную кочку, которая, возможно, не кочка, а чья-нибудь застывшая голова.

Под ногами противно чавкнуло, в стороны полетели черные брызги. Из камышей донеслось недовольное кваканье, последовал тихий всплеск.

Парень на ходу уставился на меня, ожидая, что сейчас начну вещать, я многозначительно устремил взгляд в туман и сдвинул брови, будто думаю о великом.

Парень уловил напряг.

— Я почему спрашиваю, — сказал он поспешно. — Тут для чужаков не безопасно. А ты один, без сапог.

Он сочувствующе посмотрел мне на ноги и сделал такое выражение лица, по которому ясно: лишь сапоги в болоте имеют ценность.

Я про себя ухмыльнулся, но вслух произнес:

— А мне и без сапог хорошо.

Он понимающе закивал, мол, да, и такое бывает, но с сапогами все же лучше. Некоторое время молчали, я обдумывал, что делать с пареньком и можно ли как-то использовать. Под ногами хлюпает, вокруг бульканье и звуки падающих капель. Где-то истошно орет выпь.

В животе громко заурчало, по мышцам прокатилась едва заметная судорога. Я скривился и сцепил зубы. Парень с опаской покосился на меня и чуть отошел.

По спине прокатился холодок голодного бешенства. Опасная мысль мелькнула в голове ослепляющей вспышкой. Я тряхнул головой, выгоняя ее подальше, но она крепко поселилась на самом дне черепушки, а желудок ей поддакивает.

Я зашептал так, чтоб парнишка не слышал:

— Не дело это. Видел, как ворги сходят с ума от голода... Кидаются на все подряд... Один путь у такого ворга... Дойду до Мертвой степи — отожрюсь.

Парнишка выставил правое ухо в мою сторону.

— Говоришь чего? — поинтересовался он настороженно.

— Молюсь, — буркнул я.

Парень облегченно выдохнул, на ходу повертев головой, взгляд остановился на кустах клюквы.

— Во! — воскликнул он и подбежал к зарослям. — Хоть ягод наберу. Если накажут за водомерку, скажу, упустил, когда собирал. Гостью-то кормить надо. Пирог там всякие, кренделя.

Я насторожился, холка вздыбилась, внутри заворчалось тяжелое, колющее чувство, от которого рад бы избавиться, да уже поздно.

Остановившись возле куста, где парнишка критично оценивает клюкву, я спросил, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно:

— Гостью?

Парень бросил на меня недоверчивый взгляд, но, видя мою постную физиономию, расслабился и принялся обдирать красные шарики с веток.

— Да завезли тут одну, — стал пояснять он, пихая ягоды по карманам. — Красивая, глаз не оторвать! Я за бочками с рыбой сидел, когда гвардеец привез. Обычно получаешь подзатыльник за то, что глазеешь на господ. Но тут не заметили. Девка держалась, как королева: спина прямая, волосы цвета недоспелой рябины и взгляд странный.

— Прямо странный? — спросил я, чувствуя, как сердце забилось чаще.

— Ага, — подтвердил он. — Спрашивал у кухарок, те сказали, служанка говорит, мол, у девки левый глаз кошачий, как после небесного моря. От него, вообще-то, мрут. А эта выжила. Уж не знаю, что за птица, но слышал, по ее душу собираются саму Илью вызвать.

Невидимая тяжесть навалилась на грудь, в глотке заклокотало. Клыки, которые так усердно стараюсь держать прикрытыми, медленно полезли из десен. Парень бросил на меня опасливый взгляд и отшатнулся, пришлось быстро успокаивать ярость.

— Значит, призывать хотят, — произнес я мрачно.

— Угу, — отозвался парень, спешно трамбуя клюкву по бокам. — Что-то не чисто с этой принцессой.

— В каком смысле?

Парень, не оборачиваясь, пожал плечами.

— Не знаю, — сказал он, — зачем-то же нужна она темнейшему.

Парень набил карманы ягодами и вернулся на тропу. Даже не понял, как пробрался к кустам, на вид там одна вода.

Мы снова зачавкали по мокрой тропе. Запах сырой травы перемешивается с болотными испарениями и создает сочетание, похожее на перебродивший виноград и обувные подметки.

Я пытался успокоить бешено колотящееся сердце, считал овец, надеясь контролировать ярость. Та выгоняет на волю голодного зверя. Дышал и глазел на кувшинки.

— Так куда идешь? — спросил парень, нарушая затянувшееся молчание.

— В Абергуд, — сказал я утрюмо.

Глава 13

Паренек удивленно вытаращился на меня круглыми, похожими на жабы, глазами.

— Тебя не пустят в таком виде, — сказал он. — Слишком заметно, что чужак.

Я промолчал, лишь покосился на босые ноги и болтающийся пояс. Еще немного — и упадет в грязь вместе с портками.

Некоторое время шли в тишине. Только кваканье лягушек и звуки падающих капель раздаются. Тревожного хлюпанья, что преследовало меня, больше не слышно. Привкус гнили во рту тоже исчез.

В глотке снова заворочалось свирепое рычание, парень в который раз бросил на меня подозрительный взгляд. На лице, как на ладони, видно: не поймет, как вести себя. Вроде спас, но я чужак, без сапог, в одних портках и с черной щетиной на роже.

Пока я концентрировался на человечьем облике, мой спутник натужно сопел и хмурил лоб. Умственная работа вызвала в нем напряжение, вены на висках вздуваются, глаза бегают.

Наконец он выдохнул и произнес:

— В общем, я помогу тебе пройти в Абергуд. За спасение надо платить. Это самое малое, что могу сделать.

Я покосился на него — не шутит ли? Лицо серьезное, глаза блестят от страха и любопытства. Пальцы сунул за пояс, но все равно видно, как трясутся.

Подумал, что парень, конечно, болван — рассказывает все как на духу. За такое не то что пороть, голову отвертеть в самый раз.

Будто прочитав мои мысли, он осторожно спросил:

— Только скажи, зачем тебе в Абергуд? Если чего случится — меня к утопленникам бросят.

Бросят, подумал я, бросив на него короткий взгляд. И будут смотреть, как утягивают на дно. Парень нервно повел плечами, словно ощутил настроение, кадык дернулся, послышался шумный глоток.

— Провизию пополнить, — соврал я и уставился вдаль, сосредоточившись на клочке тумана.

Голод уже на том уровне, когда держать мысли в человеческом русле сложно. Приходится часто дышать, думать о болоте, кикиморах, о чем угодно — лишь бы не накинуться на беднягу и не сожрать на месте.

Перед глазами вспыхнули красные искры, мелькнули образы мертвяков с сочными, вкусными костями. Я тряхнул головой, прогоняя первые признаки безумия. С волос полетели капли, парень недовольно забубнил, прикрываясь ладонями.

Из глотки вырвался глухой рык, парень побледнел. Пришлось вспомнить все тридцать три способа загоня лося вместе со свежаванием, чтобы выгнать позорные мысли.

Несколько минут парень испуганно тарашил на меня глаза, на ходу проверяя кнут под доспехом. Потом, видя, что не кидаюсь, немного успокоился, плечи расслабились.

— Раз такое дело, — сказал он неуверенно, — тем более надо к нам заглянуть. Голодным по болоту ходить трудно.

— Не представляешь насколько, — буркнул я, отворачиваясь.

Чтобы не смотреть на него, как на кусок мяса, ускорился. Парень догонять не стал, но и не отстал. Слышно, как шлепают сапоги за спиной.

Минут через десять ноги стали чаще наступать в лужи вместо кочек. Я рычал и ругался под нос, но продолжал ломиться по затянутой туманом тропе. Когда в очередной раз сполз в грязь по колено, парень прошмыгнул вперед со словами:

— Дай-ка я пойду первым.

Я протестовать не стал, но брови для вида надвинул. Перед парнишкой тропинка возникает неожиданно, словно выплывает. Он быстро вертит головой, бормочет и уверенно шагает, словно видит, куда безопасно можно наступить. За всю дорогу даже по щиколотку ни разу не ушли.

— И как ты в трясину умудрился попасть... — произнес я задумчиво.

Он странно оглянулся на меня и пожал плечами.

— Всякое бывает. Меня Шамко звать, — сказал парень, обходя очередную кочку. — Подмастерьем год как служу, но главный смотритель водомерок уже меня заметил. Говорит, если дальше буду исправно работать, когда-нибудь до гвардейца дослужусь.

Парень даже голову приподнял от гордости. Я подавил очередной приступ голода, желудок недовольно заворчал, пришлось надавить кулаком на живот.

Нервно сглотнув густую слюну, я проговорил:

— Зови меня Лотером.

О том, что ворг, решил благоразумно умолчать, распоряжение Ильвы, скорее всего, докатилось и сюда. Жамчин не дурак, сразу догадался, кого встретил. Шамко воргов, похоже, никогда не видел, не понимает, чего рычу зверем.

Через некоторое время равнинная топь сменилась холмами, между которыми застыли непроглядные лужи. У поверхности время от времени мелькают синие

рожи, стараюсь не смотреть — только усиливают чувства голода. Жаб не видно, хотя кваканье по всему болоту, словно оно прямо из воды идет.

Паренек что-то рассказывает про Абергуд, заготовки провизии, таверны. Слушаю вполуха — в груди ворочается первобытный зверь, готовый в любую минуту проснуться. Шамко даже со знанием болот не убежит от обезумевшего вора.

— Терпи, Лотер, терпи. Крепче будешь, — прошептал я под нос и посмотрел на паренька.

Тот шагает впереди и продолжает вещать как ни в чем не бывало:

— А огурцы бабушка делает такие — закачаешься. На весь Абергуд славятся. Их даже лорду доставляют. Специально с сухой земли привозят тыквы. Это такие большие круглые плоды.

— Да знаю я, что такое тыквы, — бросил я, а сам подумал о лорде.

Шамко посмотрел на меня странно, потом хлопнул себя по лбу.

— А, ну да! — сказал он. — Ты ж человек с сухой земли. У вас там все в тыквах.

Еле удержался, чтоб не гаркнуть на него. Но клык все же вылез, я поспешно втянул его обратно. До сих пор удавалось держать себя в руках. Парнишка все еще считает человеком, несмотря на штаны, трехдневную щетину и звериные повадки.

— Ага, в тыквах, — сказал я, чтоб отстал.

— Хорошо у вас, — проговорил Шамко завистливо. — Не надо постоянно думать, что ноги вымочишь. Ты вон без сапог даже. Да и утопленники не плавают.

Зато нежить шляется, подумал я, но промолчал. В голове вертится мысль про лорда. Значит, в Абергуде

есть управитель. Везде должен быть тот, кто собирает налоги и делает вид, что руководит. А может, и правда руководит.

Я глянул на шуплую спину Шамко. Хоть и озирается, как затравленная лиса, но всем видом старается показать: «Я гордый житель болот, у нас достаток и самый лучший правитель».

Парень продолжил:

— Так вот, бабка моя что делает? Вычищает внутренности этой самой тыквы. Такой оранжевый мякиш, его если с медом замешать — вкуснотища получается. Потом огурцы туда кладет и соком яблочным заливает. А соль надо обязательно каменную. Приходится у гномов покупать, они в шахтах добывают. Только цену непомерную дерут. Знают, что в Абергуде такого нет.

— А яблоки с огурцами, что ли, есть? — поддержал я тему еды, ощутив, как желудок вжался в самый позвоночник.

Обрадовавшись вниманию, Шамко просиял.

— С сухой земли везут много чего, — сообщил он. — Я, правда, никогда не был. Но гвардейцы сопровождают торгашей до границы топи, а те уж своим ходом до городов.

— Значит, торгуете с Центральными землями? — спросил я осторожно.

Парень придавил комара, довольно примостившегося на шее. Тихо хрустнуло, на пальцах остались два красных пятнышка — кровосос успел сделать несколько глотков. Но для жителя болот комариные укусы привычней, чем для меня блошинные. Хотя блох у меня нет и никогда не было. Не нравлюсь им, наверное.

— Мы со всеми торгуем, — сказал Шамко. — Когда живешь на болоте, приходится приспосабливаться.

Я нахмурился, внутри шевельнулось тревожное предчувствие.

— И с Мертвой степью? — поинтересовался я. Шамко кивнул.

— Конечно, — проговорил он с таким лицом, словно считает это честью. — Нежить поставляет лучшую кожу для сапог, зелья и снадобья. Болотная лихорадка — дело неприятное, а у мертвяков есть лекарство. Дружить с ними очень удобно.

Абергуд нравился мне все меньше. Мошки, утопленники, дрянь всякая, еще и с нежитью водятся.

Я лязгнул зубами, парень подпрыгнул от неожиданности, но обернуться не решился. Лишь в очередной раз проверил хлыст на поясе.

Туман стал меньше, кое-где стали проступать коряги из воды. Появились толстые жабы на листьях кувшинок. Несчастные растения прогибаются под весом зеленых тушек, но держатся на воде.

В носу засвербело от влаги, я громко фыркнул, перепугав сидящую у тропы квакшу. Та обиженно посмотрела на меня и с тихим бульканьем скрылась в воде.

Вскоре пошли мелкие деревца, тонкие стволы торчат прямо из воды. На холмиках, по которым перебираемся, кусты клюквы стали гуще, словно чем ближе к Абергуду, тем лучше почва.

Знакомое чувство неприязни завертелось внутри. Бегай потом от этих болотных фермеров с вилами.

— Скоро придем, — сказал Шамко, указывая вперед.

Я взгляделся в дымку, но увидел лишь темное пятно.

— Видишь? — спросил парень. — Темная полоска — это стена Абергуда.

Через некоторое время в тумане проступили высокие сваи, на которых держится мост через широкое озеро. За ним возвышаются деревянные стены высотой в полверсты. Сам город находится на острове, вокруг широкое озеро. Связь с миром только через мост, который в середине разорван.

— А вы затейники, — сказал я, кивая на переправу.

Шамко секунду непонимающе смотрел на него, затем губы расплылись в улыбке.

— Так это специально, — сказал он, направляясь в сторону моста. — Тут же тварей немерено. Удивительно, что не встретили никого по пути.

Я промолчал про утопленников и про растение, которое пыталось сожрать принцессу. Про болотника и шаманов тоже решил не говорить.

— Мост, — продолжил он, — сделан так, чтобы чужаки и твари не могли подобраться к стенам.

— Тогда зачем стены? — спросил я.

— Охраняют от болотных существ, — значительно произнес парень. — Хотя те из воды не очень вылезают. Ну, кроме роцеры. Эта только и норовит ухватить за голову.

Я с опаской оглядел темную воду.

— Не боязно вот так, мимо ходить?

Шамко оглянулся и проследил за моим взглядом.

— В озере не водится, — отмахнулся он. — А мост — защита от пришлых. В здравом уме в воду никто не сунется.

Я покачал головой и вздохнул. Парень не понимает, что просто находка для лазутчика. Но болтовня не-

много отвлекла от мыслей о еде, даже желудок ворчать перестал. А может, чует близкую таверну.

Я провел языком по клыкам, те вылезли на полсантиметра и обратно не втягиваются. В мышцах появилось нехорошее тепло, даже жар. Но пока терпимый.

Потянув носом, я уловил тухлый запах, который явно отличается от общего гнилостного аромата болот. На переправе стоят серьезные ребята, они наверняка сообразительней. Сразу поймут — дело не чисто. Если признается, что я с сухой земли, — быстро выяснят, что ворг.

Но ничего не сказал. У Шамко лицо уверенное, видимо, знает что делает.

Но я на всякий случай спросил:

— У вас как с охраной?

Прямо над ухом пронесся жирный жук, чуть в лоб пареньку не влетел. Тот, ругаясь, отмахался и сказал:

— Охрана что надо. Но сегодня один пьяный, потому что жена родила двойню, а второй — хороший парень, но туп, как жабы морда. Делай, как скажу.

Я пожал плечами и кивнул. Главное, чтоб не предлагал к утопленникам прыгать. А если что не так — оторву голову.

Мы преодолели еще несколько холмов и трясин с замысловатыми растениями на поверхности. Раньше были только ряска и кувшинки, а теперь местами плавают змееподобные отростки с короткими жгутиками. Кое-где в глубине покачиваются скрученные роцеры.

Опасные жгутики с клейкими каплями мерно колышутся в толще воды. Я вспомнил, как эти самые жгутики сжимали принцессу, а я беспомощно рвал зубами жесткий ствол. Потом явился Жамчин и забрал ее.

Пульс резко участился, дыхание с шумом вывралось из глотки. По мышцам прокатилась горячая волна, руки налились звериной мощью. Я глянул на парнишку сквозь напалзающую красную пелену.

Пришлось отстать. Шамко не заметил, как я, упервшись ладонями в колени, дышал и бормотал под нос способы загона лося.

Когда приступ голода и ярости отпустил, я быстро нагнал его, стараясь наступать след в след.

Мост совсем близко. Теперь можно разглядеть резьбу на сваях толщиной в два обхвата. У воды они покрыты толстым слоем бурой слизи, кое-где видны следы когтей. Перил нет, зато настил из огромных смоляных бревен.

— Когда подойдем к переправе, — сказал Шамко, потирая свежий комариный укус, — прикинься кем-нибудь.

— Даже не буду спрашивать, что удумал, — ответил я хмуро.

— Да я серьезно, — попытался оправдаться он. — Слишком уж ты видный. Такие либо крайне опасны, либо деревенские болваны. Таким природа почему-то дает силу. Наверное, взамен уму.

— А я, по-твоему, кто?

Парень замолчал, плечи дергаются, видно — не знает, что сказать, чтобы не обидеть. Я сжалился над ним и произнес:

— Попытаюсь.

Приблизившись к Шамко, я пошел рядом, на случай если вздумает выкинуть что-нибудь. Но тот идет уверенно, взгляд вперед. Плечи, правда, иногда дрожат, но старается сделать вид, что от сырости. Хра-

брится, не знает, что рядом ворз, который еле держится, чтобы не пообедать прямо тут.

Бревна скрипнули, когда ступил на истертую от времени поверхность. Мост качнулся, я присел. Шамко лишь переступил, слегка разведя руки.

— Не переживай, — успокоил он. — Этому мосту сто лет.

— Это и настораживает, — ответил я.

Парень непонимающе посмотрел на меня, на лбу прорисовались морщины. Через пару шагов его лицо просияло, он сказал радостно:

— Да нет же! Мост надежный. Его пропитывают каждый месяц особым раствором. Чем больше слоев — тем крепче.

— А... — протянул я, осторожно двигаясь по раскачивающейся конструкции.

Ощущение, что сваи забыли закопать, так и оставили висеть в толще воды. Только не ясно, как такая махина может на плаву держаться.

Когда приблизились к краю, я осторожно заглянул. Внизу темнеет вода — непонятно, какая глубина у озера. Пришлось отступить, от греха подальше.

На другой стороне большое колесо с рукоятками. Видимо, для опускания моста.

Шамко прошептал:

— Сделай рожу какую-нибудь... Ну.

— Какую? — спросил я исподлобья.

Он замялся и быстро посмотрел по сторонам, почему-то опасаясь, что кто-нибудь услышит. Слышно только лягушек, но в воздухе появился запах рыбы.

— Тупую, — попросил он, тушуясь еще больше.

Я зло посмотрел на паренька, тот словно уменьшился в размерах, стал похож на высушенную тушку куницы.

— Честно сказать, не особо охота дураком рядиться, — проговорил я. — Может, раскидать стражников и пройти спокойно?

Шамко поднял на меня виноватый взгляд и произнес:

— Переправа-то не опущена...

Я бросил быстрый взгляд на пропасть посреди моста, внутри неприятно сжалось. Вода в озере темная, твари зубастые. Тут и волком не перепрыгнуть. А волком мне сейчас никак.

Отвесив челюсть, я сморщил лоб. Для пущего вида немного сгорбился и расставил ноги.

— Так пойдет? — спросил я шепеляво.

Шамко сморщился и вздохнул печально:

— Если только первый не протрезвел, а у второго в голове совсем болотная жижа.

Я пожал плечами, мол, как умею, так и изображаю. На всякий случай рыкнул на него и показал клык, может, это натолкнет на мысли об осторожности.

Но парень только махнул рукой и сказал:

— Ладно, идем. Если Великая Жаба будет на нашей стороне, все получится.

Сделав шаг к краю моста, Шамко постучал коло-тушкой по вертикальному бревну, стоящему, вероятно, для этой цели, и прокричал:

— Э-хей! Опускай переправу! Сапоги промокли! Сколько ждать можно?

На той стороне что-то заерзало. Когда подошли, не заметил две кучи тряпья, они навалены с двух краев

и выглядят как засохшие кочки. Одна из них зашевелилась, из вороха прогудел недовольный голос:

— Кого несет в обеденный сон?

— Это я, — дерзко бросил Шамко. — Подмастерье смотрителя водомерок. Опускай давай! Из-за тебя меня выдерут.

Куча тряпья поднялась, из нее вылез здоровенный детина с рожей, не обремененной умом, — существо с такой непропорциональной мордой не может быть разумным.

Тварь поскребла пальцами огромное пузо и установилась на меня. Я сделал настолько глупое выражение лица, на какое был способен. С хищными чертами и звериными глазами задача не простая, но я постарался.

— Ну и пусть выдерут, — прогудел великан густым басом. — Меньше будешь по болотам шляться.

Думал, Шамко сейчас сникнет, но он выпятил грудь и сказал гневно:

— Не твое троллье дело, как мне свою работу выполнять. Может, сам пойдешь водомерок пасти? Они юркие, любят покрутиться там, где роцеры спят. Если потеряешь — смотритель выдерет как сидорову жабу.

Пока Шамко пререкался, я разглядывал тварь, стараясь удерживать глупое выражение на лице. Значит, тролль. Болотный. Я слышал только про каменных, которые в скалах обитают. А этот как человек, только здоровый и жуткий на рожу.

Когда он выпрямился в полный рост, я разглядел широкий рот с двумя рядами лошадиных зубов, маленькие глазки. Из ушей, кажется, грибы торчат, кожа желтоватая, длинные волосы, похожи на бурую шерсть.

— Что-то твой спутник мало похож на водомерку, — сказал тролль с ухмылкой.

Биться с ним сейчас я не готов, поэтому смиренно изображаю дурачка, пока Шамко заливает стражнику.

— Какой наблюдательный, — сказал паренек ехидно. — Не догадался бы без тебя, ну вот никак.

— А чего тогда говоришь? — не понял тролль.

— А того, — не унимался Шамко. — Видишь, кого домой веду?

— Кого? — спросил гигант.

Парень упер руки в бока и проговорил наставительно:

— Полоумыша. Потерялся он. Полдня искал. Оказалось, с гвардейцем прошмыгнул, когда переправу опускали. Не ты вчера дежурил?

Тролль, почуяв, куда ветер дует, немного осел и занялся. Видно — мелкого подмастерья не боится, но понимает: если сплоховал, будут проблемы.

Он качнулся, словно ожившая кочка, руки потянулись к колесу с рукоятками.

— Нет, — проговорил тролль, поворачивая колесо. — Точно не моя смена была.

Заскрипели полозья, где-то натянулись веревки. Думал, сейчас откуда-нибудь начнет опускаться мост, вместо этого переправа поползла прямо из-под противоположного края. У людей перед замками просто ров, а мост опускают сверху, как крышку. Если при осаде удастся преодолеть воду и подпилить канаты, что удерживают переправу, — считай, замок взят. А тут — пили не пили, на ту сторону не перебраться, пока не отмотают веревки.

— Где напарник твой? — поинтересовался на всякий случай парень.

Глаза тролля забегали, он покосился в сторону второго вороха с тряпьем.

— Ну это, — проговорил тролль виновато. — У него событие... Хмельной он.

— Надрался, значит, — заключил Шамко.

Тролль, понимая, чем это пахнет, растерянно пожал плечами — он вроде ни при чем. С двойным усердием он принялся крутить колесо, слышно, как натужно сопит.

Парень добавил.

— Но вы-то в паре сторожите, — проговорил он задумчиво. — Значит, и спрос с одного как с обоих.

Тролль побледнел, хотя при его цвете кожи это не просто. Уголки губ обиженно опустились, он протянул глухо:

— Так я же... Он же... Сам. Я же на посту. Вот кручу колесо.

Шамко скривил губы и зашевелил бровями, делая вид, что глубоко задумался. Даже подбородок выпятил. Тролль чуть приостановился, испуганно поглядывая на паренька.

Парень еще немного помучил стражника неизвестностью, но когда тот начал рычать, понял — достаточно.

— В общем-то, да, — сказал Шамко. — Ты ж не виноват, что он тут валяется без памяти. Если меня кто спросит, так и скажу: ты ни при чем.

Тролль громко выдохнул, рычаги закрутились быстрее. На желтом лице отразилось что-то вроде мук совести. Он крутил с таким усердием, что портки на пузе развязались и сползли на бок. Тролль неловко подхватил левой рукой, едва не выпустив колесо, кое-как затянул и продолжил вращать.

— А куда его? — спросил он, кивая на меня.

Я еще сильнее отвесил челюсть. Не знаю, как должны вести себя полоумыши, но почему-то кажется — обязательно должны открывать рот.

Переправа выдвинулась наполовину, с обросших по краям бревен сыпется труха, из стыков торчит пожелтевшая трава.

Шамко сделал скорбное лицо и проговорил:

— Ну как куда? В жабник.

Трольл понимающе кивнул и налег на колесо. Переправа поползла быстрее, через несколько секунд деревянный борт ударился о края, что-то щелкнуло. Борт наполз на бревна и улегся поверх моста.

— Идем, — громко обратился ко мне Шамко. — Пора вернуться к работе. А то лягухи совсем без тебя заскучали.

Он звонко хлопнул меня по плечу, отчего я чуть не потерял образ полоумыша. Присмиривший было голод ударил в голову багровым фонтаном, я глухо зарычал.

Шамко непонимающе посмотрел на меня, я принялся судорожно глотать и шептать под нос:

— Коли лось идет справа, надо уходить левее...

— Чего бормочешь? — громко спросил парень, косясь на тролля.

Остро захотелось оторвать парню голову и бросить в озеро. Новый приступ голода стал медленно наползать красной пеленой на глаза.

— Коли лось прямо, — зашептал я горячо, — беги к холму и кидайся сверху...

Я еще несколько секунд повторял способы загоня лоса, пока багровая дымка не рассеялась. Когда мир снова приобрел привычные очертания, я зло посмо-

трел на Шамко, затем перевел взгляд на тролля. Пришлось снова сделать дурковатую физиономию.

С четким осознанием, что скоро отыграюсь на ком-нибудь, я качающейся походкой перешел на другую сторону. Едва не задел локтем стражника. Тот бросил на меня подозрительный взгляд, широкий нос потянул воздух. Тролль хоть и тупой, но чутье есть. Похоже, что-то заметил, но после Шамковой отповеди не смог разобраться, что к чему.

Зато от него пахнет, как от настоящей трясины — тут вам и торфяная вонь, и болотные газы, и даже разложившаяся трава.

Не знаю, как полоумыши реагируют на вонь, поэтому просто отвернулся, делая вид, что разглядываю кувшинку.

— Доброй службы, — крикнул Шамко, когда чуть отошли от тролля и его спящего напарника.

Напарник совершенно беззвучен, словно от выпитого отправился напрямик к праотцам.

Мы подошли к самым воротам. Думал, тоже будет охрана, но парень просто толкнул, и деревянная створка пошла в сторону.

Я даже удивился.

— Тут не охраняют?

Шамко улыбнулся так, как улыбаются совершенно уверенные в себе люди, и сказал:

— Едва ли кто-то способен проникнуть сюда через топи и озеро.

В общем-то, парень прав. Добраться до центра болот сквозь трясины, выжить среди утопленников и прочей гадости — нереально. Даже если у кого-то получится, пройти в город вообще невозможно. В озере такие твари, которых лучше не представлять. Мост

охраняется троллями, а без него на другую сторону не перебраться.

Никто не смог бы этого сделать.

Никто, кроме меня.

Глава 14

Как только ступили за ворота, в нос ударили сотни запахов. Рыба, старая одежда, немытые тела, духи с приторным послевкусием, парующие кучки, оставленные местным скотом, смешались в странный коктейль, от которого закружилась голова.

Я представлял Абергуд как унылый склеп со склизкими стенами и холодными погребам для пленников. На деле оказалось, город сухой, по краям дорог выбиты канавки для отвода дождевой воды. Тротуары выстланы деревянными настилами — так защищаются от сырости, которая лезет отовсюду.

Торговцы шныряют туда-сюда, громко кричат, предлагая товар.

— Змеиные хвосты! Свежие змеиные хвосты! — проорал на ухо круглолицый толстяк. — Недорого! Только нарубили, бери, не пожалеешь.

Он сунул под нос связку чешуйчатых хлястиков. Я отшатнулся с кривой физиономией и усиленно помотал головой. Торгаш понимающе ухмыльнулся и, размахивая товаром, двинулся в сторону крытых лавок.

Из-за угла выскочил другой торговец, на этот раз с рыбой. Рыба круглая, вместо чешуи короткие иголки. Выглядит, словно ее через соломинку надули. Тушки нанизаны на веревку, торгош потрясает ими в воздухе, прикрикивая:

— Иглобрюхи! Покупаем иглобрюхов!

В азарте торгош взмахнул связкой и едва не залепил мне всеми рыбьими иголками. Я отскочил к прилавку с хлебом, где розовощекая девица отгоняет мух от булок. Она подняла на меня взгляд, губы расплылись в дружелюбной улыбке.

Я скользнул взглядом по пышным формам, внутри ухнуло, язык пересох. Пришлось в сотый раз успокаивать неумного зверя.

Из толпы нарисовался Шамко, он пнул торговца рыбой в локоть и проорал:

— Чего машешь, увалень? Не видишь, мирные люди ходят?

Торгош виновато покосился на него, затем перевел взгляд на меня. Во взгляде прочел недоверие. Едва ли полуголого, немытого чужака с хищными глазами можно назвать мирным, да еще и человеком. Но, видимо, ругаться не было желания, он поклонился.

— Прощу извинить меня, — сказал торговец. — Продавать иглобрюхов — дело не простое. Приходится применять разные фокусы.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и тоже затерялся в толпе. Я извиняюще посмотрел на девицу, та печально вздохнула, высокая грудь колыхнулась под тугой рубашкой. Губы полные, талия тонкая, как у осы, смотрит из-под густых ресниц смиренно.

Я натужно выдохнул, разводя руками, и двинулся по улице, концентрируясь на яблоках, разноцветных отрезках ткани и остальном барахле.

— Ох уж эти торговцы, — жаловался Шамко, продираясь сквозь толчею. — Своих мало, так еще и понаедут. Оно-то хорошо, привозят всякие диковинки, ну и тыквы, конечно. Но тесно — хоть плачь.

Пока парень причитал, я думал, как от него отделаться и куда упрятали Изабель. Скорее всего, сидит где-нибудь в крепости под семью замками.

Я огляделся. Обычно крепость видно со всех сторон города, но тут лишь домики и туман над крышами.

— А где ваш лорд обитает? — спросил я как бы невзначай.

Шамко покосился на меня, взгляд на секунду стал внимательным, даже взрослым.

Он испытующе тарасился на меня. Я делал вид, что очень занят разглядыванием узора на спине впереди идущего мужика. Тот размеренно шагает с голым торсом. От поясницы до шеи цветной краской нарисованы замысловатые кренделя. Бока у мужика жирные, узор при каждом шаге сжимается и растягивается.

— Тебе зачем? — наконец спросил парень.

Сделав самое равнодушное лицо, на какое способен, я еще сильнее вгляделся в узор на спине мужика. Тот не заметил, что идем вплотную, и продолжает гордо вышагивать посреди тротуара.

— Я, собственно, не про лорда, — проговорил я, пожимая плечами, — я про город узнать хотел.

— А что город? — не унимался Шамко.

Прежде чем ответить, пришлось отпихнуть разрисованного мужика, тротуар сузился, а разговаривать, когда слишком близко чужие уши, не хочется. Потом толкнул недотепу, который тащит на веревке какую-то большеротую тварь с рогами. Тот развернулся с перекошенной от гнева физиономией, открыл рот для отповеди, но, увидев меня, почему-то сжался и поспешил затеряться в толпе.

— Как что? — проговорил я, выйдя на свободное пространство. — Я никогда тут не был. Хочу понять, как все устроено. Абергуд все-таки.

Шамко все еще сверлит меня сосредоточенным взглядом. Против воли ощутил, как встает загривок. Я протяжно выдохнул и вытер щеки локтем — рожа вся в грязи. Парень еще секунду молчал, затем лицо посветлело и расплылось в улыбке.

— А... — протянул он добродушно. — Прогулку тебе надо устроить. Ты ж из сухих земель. Там такого нет.

Я не стал уточнять, «какого» нет в сухих землях. Но кое-что понять удалось. Крепость лорда — важное место, кому попало о нем не рассказывают.

Толчая осталась позади, мы вышли на узкую улочку с деревянными домами. Некоторые на высоких сваях, под ними лодки, какая-то утварь, в одном месте даже перевернутая телега. На крышах коробки, обтянутые мелкой сеткой, внутри развешана рыба.

Я тихо наступаю на гладкие от времени доски, зато Шамко громко бухает сапогами. Когда подошли к перекрестку, он остановился и указал в сторону.

— Вон, — сказал он с чувством. — Там центр Абергуда.

Над крышами привычно стелется туман, но в середине города темнеет широкое пятно, широкий столб уходит вверх и теряется в серо-зеленой дымке. По краям темные полосы крепости тянутся в разные стороны.

— Серьезная конструкция, — сказал я, вглядываясь в туман.

— Еще бы! — хохотнул парень. — Этой крепости триста лет.

— Ого.

— Ее выкладывали из настоящего камня, когда сухих земель еще не было! — гордо сообщил Шамко,

Я не стал разубеждать — лицо парнишки светится, глаза блестят, а грудь выпятил, словно только что в одиночку одолел полчище утопленников.

Шамко рассказывал о местных знаменитостях, важных людях, местах развлечений, которыми являются, естественно, таверны, а я размышлял, как лучше пробраться в крепость и вытащить принцессу. Можно сделать по-ворговски, влететь в главные ворота, перебить стражников и прорываться наверх. Но это плохая идея, хотя бы потому, что не знаю, где ее держат.

Знакомый запах раздражил ноздри, в животе призывно заурчало. Кто-то налетел спереди.

Погрузившись в думы, не сразу сообразил, что происходит. Шерсть вздыбилась, клыки вылезли на всю длину, я ошетинился и зарычал. Передо мной застыл нежить с небольшой коробкой, из которой несет рыбой. Вперемешку с запахом мертвяка дает смесь, от которой слюни текут.

На глаза упала красная пелена, пальцы вытянулись, когти заострились. До этого момента как-то справлялся с голодом, подавлял ворговское безумие. Но теперь в паре шагов благоухает костями полутруп. Мышцы налились для финального броска. В висках запульсировало, мир ужаснулся в одну точку, в середине которой еда.

Мертвяк ошарашенно вытаращился, выставив коробку, как щит. Шамко в ужасе вскрикнул и попятился.

— Ты же... — произнес парень, запинаясь.

— Я же, — прорычал я и медленно двинулся на нежить.

Мертвяк быстро пришел в себя, изъеденное гнилью лицо оскалилось. Он бросил коробку с рыбой и стал осторожно отступать назад, шаря рукой в поисках чего-нибудь твердого.

— Ворг в Абергуде, — прошипел нежить, схватив острогу, стоявшую у крыльца. — Ее темнейшество обрадуется.

Я хищно ухмыльнулся, колени согнулись, готовясь к прыжку. Полутруп зло посмотрел на меня, в глазах ненависть, на щеке шрам, небрежно стянутый двумя стежками.

Он крепче перехватил острогу и плюнул мне под ноги.

— Проклятое племя, — проговорил мертвяк. — Когда ж вас всех перебьют!

Мир окончательно покраснел, в глазах запульсировало.

— Не смотри, — пригрозил я Шамко. — И не шевелись.

Парень уперся спиной в стену. Лицо бледное, похоже, никогда не видел ворга. Страх пригвоздил его к месту, даже рукой пошевелить не может.

— Тут же люди, — пролепетал он одними губами.

Я быстро повертел головой, мертвяк сделал то же самое. Его ухмылка стала шире — перекресток не слишком оживленный, но несколько человек есть. Один что-то колотит на столе, на углу к покосившейся двери прислонился пьяница, разит аж сюда. На другой стороне женщина ковыряется в оконной клумбе. К тому же прохожие шатаются туда-сюда.

С великим трудом удержался, чтобы не накинуться на еду прямо тут. Мертвяк ехидно захихикал и отошел еще на пару шагов.

Он качнулся на кривых ногах и сказал глухим голосом:

— Ты же не станешь нападать на мирную нежить посреди Абергуда.

Секунду я думал, пока еще способен думать. В голове пронеслись картинки, совсем не похожие на мирный исход. Тряхнул головой — не помогло. Красная пелена сгущается, на глазные яблоки давит, в мышцах нестерпимый жар.

Я кинул злой взгляд на Шамко, глаза загорелись.

— Жди здесь. Не вздумай бежать, — прохрипел я. — Все равно найду, сожру. Понял?

Бледный парень судорожно закивал и вцепился пальцами в подоконник. Из-под них с тихим шорохом посыпалась труха.

Я обернулся к мертвяку. Тот отступил еще на несколько шагов и готов бежать. Но спиной поворачиваться не спешит — знает, чем это грозит.

На глаза попался проем между домами на другой стороне улицы. Как раз в том направлении, куда отчаянно шагает нежить.

— Когда-нибудь убегал от ворга? — спросил я, глотая слюну.

Гнилая рожа исказилась ненавистью, он посмотрел по сторонам и произнес уже не так уверенно:

— Тебе не выбраться. Ильва достанет тебя! Ты тот самый ворг!

— Какой? — хищно спросил я.

Мертвяк буквально выплюнул слова:

— Который украл принцессу!

Я стал медленно наступать, поглядывая на проем между домами и одновременно на прохожих. Под но-

гами скрипит настил, у стены трясется парень, пьяница на углу с интересом наблюдает за нами.

— Может, тот. Может, нет, — проговорил я глухо. — Это не важно. Особенно тебе.

Мертвяк продолжал пятиться, пьяный мужик на углу вытянул шею и медленно моргает. Рожа перекошена, вместо одежды тряпье, волосы — хуже, чем у меня после дороги. Если начнет рассказывать небылицы про воров — никто не поверит. Женщина с оконной клумбой стоит спиной, остальные вроде не обращают внимания.

Обмениваясь хищными взглядами, мы перебрались на другую сторону, я смерил расстояние до проема и довольно оскалился.

В желудке снова заурчало, на этот раз так громко, что мертвяк посмотрел на живот. Затем сделал еще несколько шагов и оказался возле проема.

Мир вспыхнул. Запомнил, как прыгнул на нежить и втолкнул его внутрь. Кажется, проем оказался глубоким, потому что пришлось гнаться за мертвяком. Потом хруст костей, жгучая боль в плече и сладкий, ни с чем не сравнимый вкус костей.

Разум вернулся, только когда на земле остался ворох незамысловатой одежды и острога, которую мертвяк пытался воткнуть мне в бок.

В животе приятно потяжелело, по телу теплыми волнами потекла сила. Снова могу перекидываться, в волка, в медведя, в кота. После такой трапезы хоть в орла!

В голове, словно ножом, полоснула мысль, я выдохнул:

— Шамко!

Наспех обтерев лицо и руки, я кинулся к выходу.

Подумал — парень смылся. Придется гоняться по свежим следам, пока не растрезвонил, что произошло. Гвардейцы перекроют входы и выходы. Видел только один, но наверняка есть еще. И там Жамчин, чтоб его лешие порвали.

Я вылетел на улицу и замер в удивлении.

Парень все еще стоит, сжав пальцами подоконник так, что побелели костяшки, ресницы хлопают, как у дочки сыровара. В глазах ужас и безнадежность.

Через пару мгновений я оказался рядом.

— Надо же, — сказал я ровно, но так, чтоб понимал, кто хозяин положения. — Думал, ты на полпути к самому лорду с докладом о беглом ворге.

Шамко наконец оторвал обескровленные пальцы от подоконника, кадык нервно колыхнулся. Лицо бледное, наверное, у эльфов такие. Волосы прилипли ко лбу и лезут в глаза.

— Чтоб меня к утопленникам бросили? — сказал он, заикаясь. — Это ж я тебя сюда притащил.

Я почесал лоб и хмыкнул.

— Верно, — произнес я. — Ты сообщник.

Он печально вздохнул и уронил голову.

— Что ж делать-то теперь? — спросил он обреченно.

— А действительно, что? — произнес я.

Убивать не хочется, не по чести это. Тащить в Мертвую степь — тем более.

Окинув критическим взглядом паренька, я несколько мгновений тер подбородок и задумчиво мычал. Тот смиренно стоял, прижавшись к стене, подбородок опущен, волосы вскочились. Из-под доспеха торчит край кнута.

— Если отпущу, — проговорил я, глядя вверх, — рано или поздно сдашь.

Во взгляде паренька появилась надежда, он отлип от стены и произнес тихо:

— Не сдам...

— Точно? — спросил я строго и на всякий случай щелкнул зубами. — Надо, чтоб не сдал.

Парень вздрогнул, по лбу покатались крупные капли — то ли туман осел, то ли сам вспотел. Еще минуту мы стояли, бросая друг на друга недоверчивые взгляды. Шамко косился в сторону центральной площади, я порыкивал.

Женщина возле оконной клумбы так и не обернулась, сажает цветастые кустики в рядок, песни напевает. Только пьяница таращится на меня дикими глазами, пытается что-то сказать. Но язык не слушается, получается несвязное бормотание.

Я утрюмо покосился на него, тот икнул и сполз по двери на землю. Еще пару секунд мычал, потом глаза заволокло, он откинулся назад и громко захрапел.

— Значит, так, — сказал я, разворачиваясь в сторону крепости. — Помогаете выбраться из Абергуда, и мы больше не встречаемся. Обнаружу ловушку — оторву голову.

Шамко снова вздохнул и шмыгнул носом. Плечи повисли, на лице отразилась такая скорбь, словно зрел гибель всего мира. Он поднял на меня печальный взгляд.

— Ладно, — сказал я и ободряюще хлопнул его по плечу. — Не хнычь. Все нормально будет.

Он пошатнулся и потер костлявое плечо.

— Да уж, — проговорил парень.

Быстрым шагом двинулись в сторону гигантской тени в тумане. Пока шли, парень испуганно косился на меня и пытался что-то сказать. Я, в свою очередь, поддерживал образ хищного и опасного зверя — хмурил брови, проверял языком клыки, тряс головой. Дружелюбие хорошо дозировано, как, например, с Куртом. Но там долги. А тут — парень мне обязан. Вот и пускай отдает.

Он долго мялся, на ходу кусая ногти. Наконец произнес, указывая мне на руку:

— У тебя тут.

— Что? — спросил я и покосился на плечо.

Небольшая рана с рваными краями красуется над локтем, но кровь уже свернулась. К вечеру совсем затянется, только шрам будет напоминать о неудачном повороте. Да и тот сойдет со временем.

— Ерунда, — бросил я.

Парень как-то сжался и втянул голову в плечи. От него разит страхом, этот запах не перепутать ни с чем. Даже в этом облике слышу, как колотится сердце.

Когда до крепости осталось несколько домов, я спросил:

— У вас нежить всегда так разгуливает?

Брови паренька задумчиво сдвинулись, он опустил взгляд. Не дожидаясь, пока сообразит, я продолжил:

— Хотя после того, что увидел в Изумрудном лесу, ничему не удивляюсь. Значит, Ильва и вас обязала сотрудничать?

До Шамко наконец стало доходить.

— Да нет, — сказал он дрожащим голосом. — Мы давно торгуем с нежитью. Я же говорил, зелья всякие. Некоторые давно живут в Абергуде, на людей не нападают.

Я скривился и спросил:

— Чем тогда питаются?

Парень пожал плечами, обходя небольшую бочку с дурно пахнущей рыбой.

— Честно говоря, не знаю, — сказал он, вытирая нос. — Никогда не интересовался.

Я покачал головой и проговорил мрачно:

— А стоило бы. Наверняка регулярно пропадают бродяги. Или кто посерьезней. Хотя одиноким мертвякам много не надо. Никто и не заметит, чем промышляют.

Шамко в ужасе вылупил глаза, пальцы проверили рукоять кнута под доспехом.

— Не может такого быть... — прошептал он.

Я с ухмылкой покосился на него и продолжил:

— Вы вообще в курсе, что замыслила Ильва? Или болотные газы последние мозги разъели?

— Что замыслила?

— Лорд наверняка в курсе, — отмахнулся я. — Такое обычно не проходит мимо управителей. А значит, в доле с темнейшеством.

Показались двери крепости. На входе два стражника в кожаных доспехах, укрепленных то ли костяными, то ли еще какими-то щитками. На поясах кривые мечи, в руках двурогие пики.

Шамко остановился, щека прислонилась к углу дома.

— Мимо них не пробраться, — проговорил он обреченно. — Должен быть пропуск или личное приглашение лорда.

Я прикинул размер ворот, обмундирование стражников. Створки высокие, противоосадные, но сейчас открыты, что значит — уверены в безопасности и не-

приступности. По краям столбики с колоколами и по две обмотанных тряпками палки.

В воздухе привычная сырость и запах давно не мытого тела, я поморщился. К тому же от стражников несет тиной и хлебным напитком.

Шамко спросил сдавленным голосом:

— Нападать будешь?

— Раскидать их можно, — согласился я. — Но будет много шума. На него прибегут гвардейцы. А биться с хорошо обученной армией — совсем другая история.

Парень облегченно выдохнул, я фыркнул и строго посмотрел на него. Голова абергудца втянулась в плечи, не по размеру подобранные доспехи усугубили картину — он стал похож на панцирного зверя, какие обитают в жарких странах.

— Так, — сказал я жестко. — Где второй выход из города?

— Второй? — переспросил Шамко и невинно захлопал ресницами.

Пришлось показать клыки и зарычать, лишь тогда парень перестал изображать дурачка. Но промолчал.

— Чем раньше покину город, — сказал я с нажимом, — тем быстрее забудешь о нашей встрече. Не хочешь же, чтобы весь Абергуд узнал, кто привел сюда вора?

Он вылупил глаза и быстро замотал головой. Я удивился легкости, с которой можно напугать абергудца, пообещав выдать с потрохами.

— Так где второй выход? — спросил я снова.

Шамко замаялся и глянул в сторону, взгляд скользнул по остроге у стены. Та привлекательно блестит шипами, так и просится в руки.

Я глухо зарычал, но проговорил терпеливо:

— Серьезно? Я тебя целиком проглочу. Мякнуть не успеешь.

Для надежности сверкнул красными глазами и провел когтем по деревянной стене. Воздух разрезал противный, резкий звук, парень нервно скривился, глаз задергался.

— С противоположной стороны крепости небольшие ворота, — проговорил он обреченно. — Обычно они закрыты, поэтому не охраняют. Моста нет. Точнее, есть, но временный. Укладывается прямо на воду, из плавучих частей роцеры.

— И что, — спросил я с сомнением, — не тонет, когда наступаешь?

Шамко покачал головой:

— Нет. Стебли роцеры выдерживают даже телегу.

Я тяжело вздохнул, как подумал, что придется снова по воде ломиться. Потом мелькнула мысль об Изабель. В груди защемило, по мышцам прокатились тугие волны.

— Значит, — сказал я сурово, — иди к воротам, расчисти все как полагается. Достань эту роцеру.

В глазах паренька мелькнула надежда, он покосился в сторону центральной площади. Даже отсюда чую запах гвардейцев.

Я пригрозил, выбирая место поукромнее, чтобы стукнуться:

— Увижу засаду — не поленюсь. Разыщу и порву на такие мелкие клочья, что для супа сгодится. Понял?

Шамко вздохнул, скорбно склоняя голову.

— Понял, — ответил он и шагнул в сторону. — Я тогда пойду?

— Иди, — разрешил я. — И помни.

Парень нервно сглотнул и скрылся за углом. Слышно, как все тише гремят сапоги по деревянному насту. Когда звук совсем затих, я в который раз потянул воздух. Народ вроде есть, но все по домам, только стражники стоят, как неприкаянные.

— Иди, дружок. Иди, — пробубнил я под нос. — Не вздумай подвести. Я, когда злой, такой находчивый сразу.

Огляделся. Убедившись, что никого нет, я отошел к широкой бочке и шарахнулся о край что было сил. Логично перекинуться мышью, но воспоминания о червях слишком свежи, поэтому в последнюю секунду успел подумать про образ попривычней.

Горизонт ушел вверх, миллионы звуков наполнили голову, даже волком такого не бывает. Несмотря на чуть поблекшие краски, мир стал выпуклым и контрастным. Среди миллионов ароматов самыми новыми оказались мышиные.

От неожиданности чуть повело в сторону, я сел на задние лапы и вытянул хвост. Передние — аккуратно поставил перед собой, как прилежный кот.

Звуки, звуки, всюду звуки. Уши вертятся сами по себе — не успеваю следить. В доме рядом баба качает младенца, тот отказывается засыпать. И что это за... Фу! В соседнем жарят рыбу, определенно рыбу, потому что жарящееся мясо издает совсем другие звуки. Под ногами что-то гудит, похоже, в глубине острова копошатся какие-то твари. На другой стороне улицы дородный мужик смачно чмокает губами, видимо, что-то ест. Я слышу все. Звон, скрежет, цоканье, вздохи, шуршание, крики, смех, шепот, свист — все!

Я тряхнул головой, пытаюсь привести в порядок взбесившееся сознание. Чувства постепенно упорядочились, разум прояснился.

Осторожно поднявшись, я медленно двинулся к стражникам. Позвоночник непривычно мягкий, пружинит при каждом шаге, такое при прыжках и падениях удобно. Не раз видел, как коты приземляются с высоты на четыре лапы и идут себе по делам как ни в чем не бывало.

Подойдя на достаточное расстояние к воротам, я остановился, подергивая хвостом, как это обычно делают коты. Даже захотелось сесть и начать вылизываться. Еле сдержался.

Стражник с носом-картошкой, что поближе, бросил на меня короткий взгляд и сказал соседу:

— Смотри, кто к нам пришел.

Второй посмотрел на меня с недоверием, в маленьких глазках брезгливость. Он переложил двурогуя пику в другую руку и проговорил:

— Гони его. Сейчас жрать начнет просить. У нас все равно ничего нет.

— Да ну тебя, — ответил первый стражник и присел, вытянув ладонь. — Кис-кис, иди сюда, черненький. Не бойся, этот дурень со всеми такой. Как еще жениться умудрился? Наверное, девка каждую ночь в подушку ревет.

Пока я изображал сомнение и шевелил усами, второй стражник прислонил пику к стене и начал оправдываться.

— Ничего не ревет, — сказал он раздраженно. — Ей вообще повезло, что взял ее с тремя сестрами. Живет теперь, как роцера в теплой трясине. Лиха не ведает. Ест досыта, нужды не знает.

Я сделал вид, что поверил круглonoсому, и медленно подошел, бесшумно переставляя лапы. Стражник аккуратно погладил по голове, волна удовольствия прокатилась до самого хвоста. Не заметил, как откуда-то раздались хрипловатые звуки. Через секунду понял — мурчу.

Когда стражник почесал мне подбородок, стало вообще невмоготу, хоть ложись на спину и подставляй пузо, чтоб гладил. Я сцепил зубы и пообещал себе не сдаваться.

— Бабам не только еда и вода нужна, — сказал первый стражник, снова возвращаясь к моей голове. — Им забота нужна.

— А это, по-твоему, что? — ехидно спросил другой.

— Это тоже забота, — согласился напарник. — Только другая. Так можно о коте заботиться. Хотя нет, коту тоже ласка нужна. Видишь, как шурится? Нравится, значит.

Еще и шурюсь. Ну, вообще-то да, достаточно светло, кошачий глаз не любит яркого. Я отодвинул голову от очередной попытки погладить, а то зачухает насмерть.

Только собрался придумать план побега, как круглonoсый спросил:

— Мышей ловить будешь?

Я вытаращил глаза, как делают коты, когда хотят, чтобы их пожалели, похвалили и вообще любили всегда. На всякий случай издал подобающий звук:

— Мяу.

Стражник весело хлопнул себя по колену.

— Да он понимает! — радостно воскликнул он. — Все понимает. Ты ж мой котейка.

Наверное, если б не напарник — затискал бы и облюнявил. Пришлось мысленно поблагодарить брюзжащего стража. Знал бы, кого так ласково гладит, тут же рассек бы пополам.

— Ну иди, — сказал круглоносый, пропуская меня внутрь крепости. — Подвал сам найдешь. А то у нас в последнее время нашествие грызунов и каких-то лягух. Лягух ешь?

Я жалобно посмотрел на него, страж задумался.

— Нет? — протянул он. — Ну не страшно. Главное, мышей лови.

Я задрал хвост и гордо прошагал через ворота крепости. Когда преодолел пару волчьих прыжков, сзади послышалось недовольное:

— Вообще-то, нам приказано никого не пропускать.

— Это ж кот, — раздалось в ответ. — Что с него будет?

Глава 15

Стражи остались позади, я осторожно двинулся вдоль стены, от которой тянет сыростью и прелой травой. Всюду шорохи и скрип, хотя в человеческом облике их, скорее всего, не слышно.

Подушечки на лапах касаются холодного камня, даже шерсть между ними не спасает. Зато кошачье зрение в приглушенном свете коридора лучше орлиного. Рельефные границы выпирают на полпальца и кажутся подсвеченными.

Коридор кончился огромным залом с длинным столом и узкими лавками по обеим сторонам. Судя

по отсутствию гербов и гобеленов, это трапезная, для простых смертных. На стенах каменные бортики для свечек. Те сейчас погашены, но кошачьим глазам достаточно света из окон-бойниц.

В дальнем углу проход, оттуда доносятся звуки, напоминающие клекот и хрип. Уши непроизвольно повернулись к нему, шерсть на спине вздыбилась.

Обогнув стол, я галопом пронесся через зал, у самого входа остановился и сильнее прислушался. Затем осторожно заглянул в проход.

За стеной, прислонившись к холодным камням, спит часовой. Кажется, стоя. Из глотки вылетают те самые клокочущие звуки, от которых дрожит воздух в трапезной. Страж любовно обнял пику, словно женщину, шлем наехал на лоб. Из-под него торчат нос и мясистые губы, которые при каждом храпе смачно шлепают.

За ним винтовая лестница.

Покачав усатой головой, я прошел мимо нерадивого охранителя. Тот даже не шевельнулся, продолжил громко храпеть и шлепать губами. Через пару минут ступеньки остались позади, я выбрался на балкон.

От него через топь каменный мост, по бокам густым ковром стелется мох. На другой стороне темнеет второй проход, такой же узкий и высокий, как предыдущий.

Я с подозрением заглянул за край. Далеко внизу поблескивает черная вода, перил нет, свалиться можно как за здрасте. Чернота под мостом раскинулась от стены до стены. Если бы коты могли свистеть, присвистнул бы — внутри Абергуда, в середине крепости, разлилось целое озеро.

Пересекая мост по самому краю, я разглядывал круги, в голове крутились мысли об Изабель. Она должна быть в башне. Или, на худой конец, в отдельных покоях. Приду я и снова поташу через болота. Илья будет в бешенстве. И Жамчин тоже.

С высоких сводов свисают клочки зелени, за века сырости они выросли длинными бородами и местами опускаются к самой воде. В отличие от улиц, где сравнительно сухо, воздух здесь влажный. Я презрительно фыркнул — лорд далеко забрался, чтоб спрятать свою шкуру.

Что-то булькнуло в воде, я глянул вниз и отшатнулся.

Толстый стебель роцеры высунулся из темноты и покачивает клейкими каплями. Каждая поблескивает, словно отполированное яблоко, с красных бочков сползают кусочки тины и ряски. У самой кромки воды стебель покрыт слоем бурой слизи, торфяной запах даже сюда доходит. По всей длине, словно зеленые щупальца, шевелятся волоски.

Я нервно сглотнул, таращась на растение-живоглота. Когда ступор прошел, широкими прыжками преодолел оставшееся расстояние. Лапы внесли в проход, словно за мной отряд нежити гонится, я с размаху стукнулся о камень. На бегу успел заметить развилку коридоров. Тот, что вправо, — широкий, но сырой. Левый тоже не слишком уютный, тесный, как эльфийские штаны. Но оттуда тянется струйка теплого воздуха.

Когда вернулся человеческий облик, с опозданием вспомнил, что мои штаны остались лежать возле бочки. Я вздохнул: придется опять явиться перед принцессой в чем мать родила.

Уловив едва заметный сладковатый запах, я развернулся к левому коридору. В ту же секунду передо мной возникла крупная фигура стражника.

— Ты кто такой? — выдохнул он, выхватывая меч.

Я моментально ошетинился, клыки вылезли, что пасть не закрыть, когти превратились в острые крючки. Шерсть встала дыбом по всему позвоночнику, из глотки вырвался глухой рык.

Страж побелел, но не отступил.

— Ворг... — прошептал он. — Великая трясина, живой ворг!

— Живой, — прорычал я исподлобья и кинулся на стражника.

Он успел увернуться. Я ударился о стенку, тут же резко развернулся и присел, оценивая движения противника. Тот дернулся было в сторону моста, но, увидев стойку, понял — не успеет. Тогда страж вскинул меч и прыгнул сверху. Пока уворачивался, понял, это был лишь маневр, чтобы отвлечь от кинжала снизу. Я вовремя заметил тусклый блеск, лапа метнулась вперед, что-то хрустнуло. Сзади раздался лязг металла и болезненный хрип.

Я вывернулся и запрыгнул стражнику на спину, пока тот не пришел в себя. Когти царапнули по броне, она не металлическая, а из панцирей каких-то тварей. Страж завертелся, пытаясь скинуть на пол, но я уже нащупал незащищенное место на шее.

Еще несколько секунд продолжалась борьба, он пытался дотянуться мечом и кинжалом, я изгибался и уклонялся. Лишь один раз удалось поцарапать бок, но это мелочь — заживет, как на собаке.

Страж захрипел, когда сдавил ему горло, руки беспомощно задержались. Оружие с громким звоном

ударилось о пол, я вжал голову в плечи и опасливо покосился по сторонам. Но коридоры пустые. Затем тело обмякло, страж медленно осел на камни и замер.

Я осторожно опер его на стену, словно тот спит, спрятал оружие под зад. Покривился. Не очень убедительно, но красоту некогда наводить.

В голове мелькнула мысль о насущном. Быстро стянул штаны со стража, наспех просунул ноги в штанины. Оказались маловаты, швы давят и врезаются везде. Я снова поморщился, оттягивая неудобные складки.

Сладковатый запах Изабель, который уловил еще в начале моста, привел к новой лестнице. На этот раз подъем освещен целым рядом свечей под потолками, ступеньки чистые, видно, что подметают, возможно, даже моют. Значит, тут жилая часть или хотя бы обитаемая.

Поскрипывая тканью на штанах, добрался до очередной развилки. Коридор вправо ведет на кухни, оттуда разливается одуряющий запах пареного, жареного и другого съестного, от которого просыпается ворговский аппетит, но живот не в восторге.

Из того, что налево, тянет сладковатым запахом. Теперь он стал гораздо ошутимей, к нему примешался еще один, посторонний. Я сделал два коротких вдоха и прикрыл веки. Перед глазами возникла расплывчатая картинка: человек в доспехах, в руках оружие, одежда нестираная, стоит возле дверей в покои принцессы.

Пришлось громко выдохнуть воздух, чтобы освободиться от запаха немытого абергудца. Поглядев по сторонам — не привлек ли внимание, — я двинулся по левому коридору.

Пока шел, наткнулся на двух служанок. Вовремя успел спрятаться за выступом в стене. К счастью, именно в этом месте выгорели сразу три свечи.

— А принцессу все же стоит переодеть, — сказала служанка с широкими бедрами, проходя мимо.

Она оказалась так близко, что чуть не задела рюшами колени. Волосы спрятаны в чепчик, но черные кудряшки все равно выбиваются.

— По-моему, ей и так хорошо, — проговорила вторая.

Эта костлявая, как нежить. Она на секунду повернула голову, я мысленно выдохнул — слава богам, человек. Подбородок острый, нос длинный и скулы четко очерчены — но вполне живая.

Та, что посочнее, всплеснула руками и закудала:

— Ну куда это годится? Принцесса должна носить платья, а не кожаные брюки. Где это видано? Да и зачем ей такое?

Костлявая пожала плечами.

— Не знаю, — ответила она. — Лорду виднее.

Когда они скрылись за углом, я снова двинулся по коридору, пока не добрался до поворота. Осторожно выглянул.

Деревянная дверь с ручкой-кольцом, возле нее дежурит страж в броне. Не такой крупный, как встретил в коридоре, но оружием обвешан, как праздничный столб.

Чтоб не поднимать лишнего шума, я постучал по стене когтем и прижался к выступу. Стражник настороженно прищурился и выставил перед собой двурогое копьё. Я снова постучал.

— Кто тут? — спросил он глухим голосом.

Я промолчал и постучал в третий раз. Охранник не вытерпел и двинулся с места. Осторожными шагами приблизился к углу и очень медленно стал заглядывать за выступ.

Недолго думая, я выскочил и ухватил его за голову обеими руками. Шея стража хрустнула, он беззвучно дернулся и повис у меня на руках. Я опустил тело на пол, на глаза попалась связка ключей на поясе.

Пришлось расстегивать ремень, чтобы снять. Сердобольный охранник специально прицепил, чтоб отделялось трудно.

Несколько секунд возился, подбирая нужный ключ, наконец, замок лязгнул, и дверь открылась.

Я потянул воздух, ноздри затрепетали от сладковатого аромата принцессы.

Ступив в полумрак комнаты, я быстро огляделся. На столе в середине покоев поднос с едой, пахнет сильно, значит, свежая. Шторы наполовину прикрывают окна с толстыми решетками. Стены завешены коврами, пол тоже застелен. Все от сырости. На широкой кровати спиной ко мне сидит Изабель.

Рыжие локоны аккуратными кольцами лежат на спине, узкие плечи мерно поднимаются и опускаются. Ее переодели. Похоже, именно об этом говорили служанки — талия обтянута темной кожей, видать, и штаны такие же.

— Я сказала, есть не буду, — произнесла она ледяным тоном. — Придется отправить меня домой, в противном случае заморю себя голодом. Так и знайте.

Я чуть улыбнулся — эта точно заморит. Секунду смотрел на изящные изгибы, даже залюбовался. Потом тряхнул головой и сказал:

— Все рвешься на тот свет?

Изабель подскочила как ужаленная и резко обернулась. Глаза округлились, как у рогатой жабы, что видел в городе, губы раскрылись, она выдохнула:

— Лотер!

Обогнув кровать, девушка кинулась мне на шею.

Я не ожидал от принцессы таких бурных проявлений, особенно после того, как робела от одного только моего присутствия. Смог только легонько похлопать ее по спине. Она неподвижно висела, обхватив меня тонкими руками. Сладковатый дразнящий запах навсегда врезался мне в память. Едва удержался, чтобы не понюхать волосы.

Наконец она разомкнула объятия и опустилась на пол. Все это время я держал в воздухе хрупкое тельце.

— Надо уходить, — сказал я чуть охрипшим голосом.

— Я знала! Знала, что ты придешь, — ликовала принцесса.

Теперь ее одежда куда лучше подходит для путешествий по болотам. Кожаные штаны, высокие сапоги, чтоб беспрепятственно идти сквозь неглубокую топь. Даже очерчивающий все выпуклости кожаный камзол с длинными рукавами — тоже годится. Или, может, не камзол, не знаю, как называется.

Она преданно посмотрела на меня, я озадаченно хмыкнул.

— Они хотели призвать Ильву сразу, как Жамчин меня привез, — сообщила быстро принцесса. — Но лорд захотел прикинуть, что выгодней — отдать меня ей или отцу. В конце концов решил передать Ильве. Но я сказала, лучше умереть, чем попасть к ней в лапы!

Я одобрительно покачал головой — самоотверженность, достойная вора. Но мне почему-то совсем не хочется, чтобы она умирала.

— Идем, — сказал я, беря Изабель за руку.

Маленькие пальцы уютно спрятались у меня в ладони. Мы выскользнули из покоев, я аккуратно прикрыл дверь и запер замок. Стараясь не производить звуков, прошли обратный путь до винтовой лестницы. Видимо, боги благоволят нам, потому что никто не встретился на пути, кроме откормленной мыши.

Изабель покорно топает за мной, изящная ладошка мирно лежит в моей лапе, такая хрупкая, что боюсь сломать. Даже сейчас, идя сквозь крепость и рискуя быть замеченным, чувствую что ее запах кружит голову. Как только разберусь с Ильвой — сразу в таверны отправлюсь.

Самое просматриваемое место — лестница со свечами, там, где едва не напоролся на служанок. Ее преодолели бегом через три ступеньки. Изабель пару раз чуть не упала, успевал подхватывать и ставить на ноги.

Я боялся, что, пока забирал принцессу, кто-нибудь нашел мертвого стражника, но когда преодолели коридор, обнаружил его все так же сидящим у стены.

— Он без штанов! — выдохнула Изабель и прикрыла глаза ладонью.

— Зато я в штанах, — сказал я, проводя ее мимо трупа.

Принцесса сделала вид, что самое ужасное — это отсутствие штанов на трупе, а не сам труп. Хотя лицо побледнело, пальцы сильнее сжали мою лапу.

— Будь осторожна, — предупредил я, когда ступили на мост. — К краю не подходи. Внизу роцеры. Те самые, что пытались тебя сожрать.

Лицо Изабель побледнело еще сильнее, она коротко кивнула и дернулась, чтобы прижаться, но в последний момент остановилась. Видимо, вспомнила, что принцесса.

Перед глазами пронеслись картинки: вот голодная роцера поднимает рыжеволосую фигурку в воздух, я беспомощно грызу стебель. Потом появляется Жамчин и умыкает принцессу. Прямо из-под носа.

В горле заклокотало. Изабель испуганно выдохнула, но ладонь осталась в моей лапе, девушка лишь сжала губы.

Меня осенило — она меня боится. Несмотря на доверие и радость за то, что вытащил, даже несмотря на то, что сама увязалась за мной.

Уважение к принцессе выросло еще больше. Я окинул ее одобрительным взглядом и потянул воздух. Ноздри защекотал сладковатый запах, который скоро начнет сводить с ума, если не приму меры.

— Успокойся, — сказал я глухо. — Со мной ты в безопасности.

Краем глаза заметил, как щеки принцессы покрылись легким румянцем.

— Знаю, — прошептала она.

Внизу громко булькнуло, я осторожно глянул за край и выругался:

— Болотное отродье! Додумались же прямо сюда тварей натащить!

Изабель встревоженно завертела головой.

— Что случилось? — спросила она и приблизилась ко мне.

— Не подходи, — предостерег я. — На краю опасно.

Принцесса застыла в середине моста с приоткрытыми губами и круглыми глазами.

Вода под мостом пошла кругами, через секунду из черноты высунулась зеленая челюсть с красными каплями на жгутиках. За ней показался толстый ствол. Чудовище медленно потянулось вверх, неизбежно сокращая расстояние.

— Там чудовище? — дрожащим голосом спросила Изабель.

По мышцам прокатилась тугая волна, в суставах захрустело, оскал стал сильнее.

— Они не должны уметь передвигаться, — прорычал я.

— Значит, мы в безопасности?

— Наверное, — бросил я. — Надо только отойти подальше.

В этот момент поверхность воды снова пошла рябью. Круги забурлили повсюду, через секунду из воды высунулись еще две челюсти. Затем еще и еще. Первая уже прошла половину пути, липкие капли шевелятся, как усы, жгутики дергаются.

— Бегом, — скомандовал я и кинулся через мост, таща за собой Изабель.

Роцеры среагировали на движение, вода в озере забурлила, твари ускорили подъем. На бегу глянул через плечо, тут же захотелось перейти на галоп. Остановила лишь Изабель — она-то так не может.

Перепрыгивая расколотый камень, я глянул назад. Тварь, что показалась из воды первой, буквально выстрелила в воздух. На секунду уродливая голова зависла под потолком, потом с мокрым чавканьем шлепнулась на мост.

— Не оборачивайся, — крикнул я.

Трясущейся Изабель это вряд ли пришло бы в голову, ее пальцы вцепились мне в руку, как клещи. Вслед за первой роцерой в воздух вылетела вторая, затем третья. Твари падали на мост, как переспелые яблоки. Только если яблоки лежат себе спокойно, то эти извиваются и быстро ползут следом.

— Мне страшно, — пискнула принцесса.

Внутри шевельнулся древний инстинкт, тот самый, который заставляет кидаться на врага и рвать глотки, когда твое добро в опасности.

— Не отпускай руку, — сказал я резко и наконец повернул голову вперед.

В этот момент прямо перед нами рухнул толстенный ствол. Хищная голова ударилась о мост, на несколько секунд прилипнув красными каплями. От удара стебель выгнулся, между ним и полом образовалась арка.

Я на бегу сгреб Изабель одной рукой, она взвизгнула и прижалась, как испуганный котенок. Вместе с ней перепрыгнул лужу зеленой гадости, которая натекла с треснувшего бока роцеры. Пришлось разогнаться и рухнуть навзничь, я с разбегу проехал на спине под изогнутым стволом.

В момент, когда мы вылетели с другой стороны, роцера грохнула стеблем по полу, снова брызнул сок. Я мигом оказался на ногах, перекинул Изабель через плечо и кинулся вперед. Она не сопротивлялась, только иногда постанывала, когда резко прыгал в сторону, уворачиваясь от рухнувших на мост тварей.

Чудовища все выпрыгивали, я потерял счет времени, прежде чем впереди замаячил проход. Очередная тварь упала перед носом с чмокающим звуком, полностью перегородив дорогу.

— Зараза! — прорычал я и вцепился когтями в зеленую поверхность.

На ногах они тоже вытянулись, с принцессой наперевес я успел вскарабкаться на ствол прежде, чем липкие челюсти сомкнулись на голове.

Чудовище взвыло от ярости, а может, это кровь в ушах грохочет. Я бросил короткий взгляд на Изабель, та висит на плече, словно неживая, только ресницы моргают часто.

— Растения не издают звуков? — спросил я зачем-то.

Она пропищала:

— Не должны.

— Держись, — выдохнул я и прыгнул вниз.

Стопы ударились в пол, Изабель всхлипнула, видимо больно стукнулась животом о плечо. Я моментально отпружинил и бросился дальше. До прохода осталось несколько волчьих прыжков, совсем ерунда, если вдуматься.

Пара роцер выстрелили в воздух по обеим сторонам, я так припустил, что счесал когти на левой ноге. Когда влетел в проход через балкон, за спиной два раза громко шлепнуло, брызги зеленой жижи пролетели мимо и ударились в стену. Сразу за ними в стену врезался я, едва успев убрать из-под удара Изабель.

Дыхание бешеное, сердце тарабанит, как у пойманного воргом кролика. По телу несутся тугие волны, дыхание вырывается с хрипами, словно тонул полчаса и нахлебался воды. В ушах громко пульсирует, готов накинуться и разорвать любого, кто косо посмотрит.

Изабель неподвижно висит на плече. Меня как ушатом ледяной воды облили. Я испуганно перехватил и поставил перед собой. Девушка замерла с бледным

лицом, глаза круглые, как у совенка. Губы мелко дрожат, а дыхания почти не слышно.

— Ты как? — спросил я, убирая с лица рыжие пряди.

Она не смутилась, как обычно, а просто часто-часто закивала.

— Н-нормально, — выдавила она, заикаясь. — Д-даже не исп-пугалась.

Я попытался улыбнуться, в глазах принцессы мелькнул страх. Пришлось оставить попытки проявления дружелюбности.

— У тебя в предках воров не было? — спросил я.

Она в ужасе вытаращила глаза и покачала головой:

— Нет.

— Странно, — произнес я, вытирая со щеки зеленую слизь. — Белая, как снег, в глазах ужас, а говоришь, не испугалась.

Принцесса промолчала, сделала вид, что не обратила внимания на сравнение с воргом.

Я глянул на мост. Роцеры разочарованно извиваются, постепенно сползая обратно в воду. Периодически слышны громкие плюханья.

— Сейчас стражники набегут, — пробормотал я тихо, но Изабель услышала.

— Ты же справишься? — с надеждой произнесла она.

Я раздраженно выдохнул, хотел сказать что-нибудь ободряющее, броское, но вместо этого произнес:

— В такой тесноте не отобьюсь. Я ж не гоблин, чтоб как живая мясорубка...

Принцесса сдавленно простонала, плечи опустились, она преданно посмотрела на меня, аж мурашки по затылку пронеслись.

Снова перекидывать через плечо не стал, наверное, и без того синяков наставил. Побежали так. По винтовой лестнице спускались медленно. Ступеньки все время идут влево, у столба узкие, даже ножка принцессы не поместится, зато со стороны стены хватает на два шага.

Я представил, как сверху идут стражники и разят с правой руки. Зубы непроизвольно лязгнули, принцесса вздрогнула, но тут же сделала вид, что совсем не заметила — выпрямила спину и подняла подбородок.

Окон нет, свечек тоже. Когда поднимался котом — темнота не мешала. Теперь же ползем, как слизни по лавке, чтобы не грохнуться, не зашуметь. Еще и Изабель медлит, боится наступать во мрак.

— Да быстрее ты, — раздраженно шепнул я. — Подхватчу, если что.

— Я и так стараюсь, — буркнула она обиженно, — просто ступеньки высокие. Когда в темноте не можешь ногой пол нащупать, знаешь, как страшно?

Я пробормотал:

— Сейчас вообще не время про детские страхи думать.

В эту же секунду лестница кончилась, прямо перед носом возник нежить со связкой кристаллов. Камешки переливаются загадочным светом, в гранях отражаются стены и отполированный сотнями ног пол.

Он вытаращил на меня и без того выпученные глаза — гниль разъела кожу вокруг них. Челюсть отвисла, готовясь издать громкий сигнал тревоги.

Только собрался черкнуть по глотке пятерней, как из-за спины мертвяка высунулась рука. Кривой крашар полосонул горло. Голова с сухим стуком отскочила на пол, за ней глухо бухнулось тело.

— Курт! — громким шепотом выдохнул я. — Ты как тут оказался?

Гоблин улыбнулся жуткой улыбкой, когда губы не смыкаются из-за клыков. Он любовно вытер лезвие о тряпку, которую достал из кармана. Одежда все такая же незамысловатая, разве что на плечи металлические щитки нацепил да сапоги повыше взял.

— Ну как, — сказал он добродушно, убирая крашар на пояс, — торгую я. Тыквы вот привез. Взамен возьму иглобрюхов и золота, как водится.

— Давно меня, значит, заметил?

Гоблин кивнул.

— Еще на площади, — сказал он. — С парнишкой-подмастерьем. Подумал: чего это должник мой делает в центре болот?

— Даже представить не можешь... — пробурчал я.

— Когда ты затолкал мертвяка между домами, — продолжал гоблин невозмутимо, — решил, должна быть веская причина, чтобы вместо Межземья беглый ворг поперся прямо в направлении Мертвой степи. Да еще и через топи. Ну и решил подсобить.

— Я и так тебе должен, — оскалился я на гоблина.

Он пожал плечами и сказал:

— Долгом больше, долгом меньше. Какая разница?

Пару мгновений я соображал, что делать с гоблином, верить ему или нет, прислушивался к звериному чутью. Оно вроде молчит, как сова в засаде.

— Тыквы... — проговорил я, глядя в сторону. — Лешего твоего за ногу! Ты продаешь Абергуду тыквы?!

Курт развел руками.

— Ну, формально я, — сказал он. — А на деле — Азута. Это ж она фермерша. А ты как думал? Легко, что ли, выживать, когда со всех сторон прессуют? Ты

бы видел, что в Центральных землях и Восточном крае творится.

— Что? — спросил я.

— До полудня нежити набежало больше, чем за всю жизнь повидал, — ответил Курт, качая головой. — Мертвяки стали тырить железо с перевалочных складов, начались драки с гномами.

Я не поверил, спросил изумленно:

— И те стерпели?

— Да какой там... — отмахнулся гоблин. — Когда гномы обнаружили, за кем след тянется, — напали на полутрупов. Те пожаловались Ильве, а темнейшество пригрозила королю дочкой. Король призвал к миру, гномы плюнули на все и ушли к себе в рудники. Люди вообще боятся из домов выходить. В общем, бедлам.

Я слушал и пытался соединить картинку воедино. В голове появилась подозрительная мысль, она ширилась и росла, пока не превратилась в огромную жабу немигающими глазами. Вспомнились шаманы и их фокусы со временем.

Насупив брови, я поскреб когтями затылок и бросил короткий взгляд на мертвяка. Рука так и сжимает связку кристаллов, голова с выпученными глазами лежит отдельно, отвернувшись к стене.

— День к вечеру? — спросил я с сомнением.

Гоблин удивленно приподнял надбровные дуги.

— Какой вечер? — выдохнул он, но тут же лицо приобрело понимающее выражение. — Эвон чего. Ты, видать, не бывал в болотах. Тут сложно разобрать, сколько шатаешься. Сейчас солнце всю светит. Над туманом, конечно. Клонится вниз, но до заката еще есть время.

Пока я думал, сколько времени потребуется, чтобы добежать до Мертвой степи наперевес с Изабель, найти гору Ир, добыть Талисман, Курт беззастенчиво разглядывал принцессу. Та перепуганно хлопает ресницами и жметя ко мне, как промокший щенок.

— Значит, есть время, — проговорил я под нос.

Изабель вздрогнула под пристальным взглядом зеленолицего, гоблин многозначительно ухмыльнулся.

— Ну, если ты за девкой в трясину полез, то понятно, — сказал он одобрительно. — Красивая, хоть и без клыков.

Я отчего-то еще больше ошетинился, девушка задрожала, не зная, где спрятаться от новой напасти.

— Это Изабель, — прорычал я. — Принцесса.

На этот раз надбровные дуги гоблина вылезли на лоб и там бы и остались, не будь такими толстыми. Он восхищенно присвистнул, разворачиваясь в сторону коридора. До выхода еще несколько волчьих прыжков.

— Слышал, что ворги, ну это... круты, — сказал он ошарашенно. — Но чтоб так... Принцессу сграбастал.

Злость на болтливого гоблина растеклась по грудной клетке, я вспомнил его батлок и зло выдохнул. Пришлось снова вспоминать про загон лосей, прозрачные водопады и безмятежные леса. Через несколько секунд злость немного улеглась, дыхание успокоилось.

Мы быстро двинулись по-над стенкой за Куртом. Я оглянулся на Изабель. Она не поняла, что имел в виду гоблин. Топают послушно, опустив испуганный взгляд, за руку держится.

Я облегченно выдохнул, прибавив шагу, поравнялся с Куртом. Пришлось подтянуть за собой принцессу, иначе она норовит остановиться.

Переступая остатки мышьиной трапезы, я спросил:

— Ты как охранников обошел? Там двое на дверях стояли.

Гоблин довольно хихикнул и махнул рукой.

— Да спят они, — сообщил он буднично.

Я покачал головой. Есть у гоблина манера отрубать головы всем, кто не угодил.

— Мертвым сном? — поинтересовался я. — Их же с улицы видно. Заметит кто.

Курт даже повернулся, нижняя губа обиженно выпятилась, хотя она вообще-то и так достаточно торчит.

— Я ж не совсем безмозглый, — сказал он, притормаживая перед выходом.

Только добравшись до двери, понял, что имел в виду гоблин. Оба стражника стоят по стойке смирно, вцепившись в двурогие пики, шлемы надвинуты на глаза. Из-за этого мерное сопение звучит громче, чем положено.

Изабель вцепилась в меня обеими руками, я успокаивающе похлопал ее по ладошке. Она чуть ослабила хватку, но отходить побоялась.

— Ты что с ними сделал? — спросил я, проходя между стражами.

— Чей-то сонный порошок, — сказал он многозначительно.

Я вспомнил, как аккуратно положил мешочек с зачарованной пылью на табуретку, когда мылся у Азуты.

— Какой дальновидный, — проговорил я, удивленно качая головой.

— А то, — отозвался Курт.

Глава 16

Пока шли мимо деревянных домиков, гoblin бросал двусмысленные взгляды то на меня, то на принцессу. Та не замечает или делала вид, что не замечает. Зато меня бесит, аж зубы сводит.

В конце концов решил припугнуть гоблина если не жестокой расправой, то хорошей трепкой. Открыл рот, но Курт вскинул руку и остановился возле телеги, крытой грязной мешковиной.

— погоди, — сказал он, откидывая тряпку. — Слишком уж ты приметный. Морда звериная, когти, зубы, и глаза иногда светятся. Жуть берет. Ты чего такой злой?

— Какой есть, — буркнул я, раздосадованный тем, что не удалось отпугнуть гоблина все, что думаю.

Изабель испуганно покосилась на меня, потом на гоблина. В глазах надежда и растерянность. Но спину держит прямо, словно не по городу на болоте идет, а в королевском замке выступает.

Курт пошарил в повозке, через секунду его пальцы сжимали темный сверток.

— Вот, — сказал он, протягивая мне. — Накинь. Хоть рожу спрячешь. В Абергуде не особо реагируют на странные хари. Но ты ворг. А это совсем другой разговор. Когда заметят пропажу принцессы, поднимется переполох. Будут каждую собаку обыскивать. Собакой тоже можешь?

Я нехотя кивнул и сообщил:

— Собакой можно, только без толку. Волком привычнее и удобней.

Гoblin понимающе закричал, но пальцы все же пощупали рукоять крашара. Он поправил мешковину на телеге и сказал задумчиво:

— Странно, что еще тревогу не бьют.

Изабель поежилась и опасливо глянула через плечо.

— Они не верят, что люди отважатся зайти так далеко, — робко произнесла она, впервые заговорив с гоблином.

Курт хитро прищурился и подмигнул принцессе.

— Люди не отважатся, — согласился он. — А полуживотное даже в глотку пещерному троллю полезет, если за своим.

Щеки девушки снова порозовели, она прикрыла ресницы, взгляд опустилсЯ вниз, словно разглядывает деревянный настил, как соединены стыки и чем скреплены.

Злость моментально испарилась, оскал немного ушел. Я посмотрел на руки — они снова руки, а не звериные лапы с кривыми когтями.

Взяв у гоблина сверток, я расправил края. Передо мной с тихим шорохом развернулось что-то вроде накидки. Только с капюшоном. Грязно-коричневого цвета, на боку темное пятно размером с репу.

Я быстро вдохнул — пахнет застарелой кровью. Там, где должны быть плечи, уплотнение. В районе воротника небольшая, но тяжелая застежка. Края накидки широкие и почти достают до земли.

— Это что? — спросил я.

Курт пожал плечами.

— А я почему знаю? — сказал он. — Снял с какого-то воина.

Я с укором посмотрел на гоблина. Тот пару секунд ковырялся в кармане, затем вытащил маленькую коробочку. Пальцы подцепили из нее красноватую массу, гоблин с удовольствием отправил ее в рот и стал усер-

дно жевать. Поймав мой взгляд, Курт развел руками и поспешил убрать коробочку.

— Да ты не подумай, — стал оправдываться он. — Там как было? Нежить его ранила, оружие оказалось отравлено.

— Не смог удержаться? — едко поинтересовался я.

Гоблин выплюнул батлок, пережеванная масса с тихим шлепком упала на деревянный настил. Принцесса поморщилась и отступила на шаг.

— Хотел проехать мимо, — будничным тоном сообщил зеленомордый. — Азута же клячу прибила. Пришлось впрячь теленка. Идет неохотно, но по болоту прет лучше лошади. Только мал еще. Боюсь, издохнет быстро. Так что должок твой очень кстати.

— Верю.

— Ну так вот, — продолжил гоблин. — Нежити было много, а парень — один. Бился славно. Но, ясное дело, не выстоял. Когда упал на колени, бросили помирать.

— А ты геройство решил проявить, — не удержался я, застегивая замок плаща на груди.

Гоблин отмахнулся и двинулся в сторону узенького переулка.

— Да какое геройство, — сказал он. — Ты ж знаешь, не люблю я, когда не по совести. А у нежити ее отродясь не было. Они не добили, чтобы потом в своего превратить.

Я фыркнул, накидывая неведомый плащ на плечи, и скривился:

— Мерзость...

Курт на ходу кивнул.

— Когда подъехал, — проговорил он, — парень живой был. И так он на меня посмотрел, да как попросил прибить по-быстрому. Пришлось уступить.

Рядом испуганно выдохнула Изабель, тонкие пальцы вцепились мне в руку.

— Вы убили ни в чем не повинного человека? — ошарашенно прошептала она.

Я успокаивающе посмотрел на нее, увлекая за Куртом, а сам подумал: если бы принцесса знала, как гoblin рубит головы направо и налево, вон крашар какой, — упала бы без чувств.

Курт словно понял, что девушку не стоит лишний раз пугать. Он попытался улыбнуться. Десны у основания бивней обнажились, морда сморщилась, глаза стали похожи на щели.

— Ну что ты, принцесса. Разве я изверг какой? — сказал он терпеливо. — Избавить человека от мучительной смерти не жестокость. Я спас его от куда худшей участи.

Переулок оказался настолько узким, что в некоторых местах пришлось идти по одному. В такие моменты принцесса особо крепко вцеплялась мне в руку, да так, что ногти оставляли глубокие следы на коже.

Стены домов уходят вверх. Они не высокие, но из-за тумана кажется, что движемся по бесконечному ущелью.

Абергуд до сих пор молчит, значит, нас еще не хватились. Тем лучше — дальше уйти успеем.

Впереди замаячил выход, гoblin замедлил шаг и согнул колени в боевой стойке. Я накинул капюшон и расправил плащ на плечах.

— Вот интересно мне, — сказал Курт, выглядывая из-за угла. — Почему тебя так плохо охраняли, а, принцесса?

Изабель растерянно посмотрела на меня, видимо ожидая поддержки. Но мне и самому интересно, поэтому только вопросительно поднял бровь, хотя под капюшоном не видно.

— Если честно, — начала она тихо, — не знаю. Лорда не видела, но служанки говорили, что Абергуд неприступен. Если кому и удастся забраться так далеко, то в башню не проникнуть. Потому охраны не много. Вроде как само болото их охраняет.

— Это они про роцеры? — угрюмо спросил я.

Она пожала плечами и проговорила неуверенно:

— Не знаю. Они настолько уверены в неприступности города, что не беспокоятся об охране. Решили, одного стражника с ключами достаточно. Единственный, кто так не считал, — Жамчин.

Когда услышал его имя, ноздри сами по себе раздулись, а в мышцах потяжелело. Перед глазами возникла картина, в которой голыми руками душу эту болотную тварь, а он беспомощно вытаращился и дрыгает конечностями.

Тряхнул головой, пытаюсь выгнать дурные мысли. Попытался думать про Изабель. Она со мной, в целости и сохранности, но звериный рык все равно рвется из глотки, а шерсть встает дыбом.

— Что ж он сам не остался охранять? — гаркнул я.

Изабель вздрогнула и уставилась на меня круглыми глазами. Видя ее страх, я смягчился, загрибок медленно опустился.

— Не бойся, — сказал я. — Я не на тебя злюсь. Хотя стоит.

— Почему? — дрожащим голосом прошептала принцесса.

Я сдвинул брови, глядя на бочки с, кажется, вином; и проговорил хмуро:

— Ты ж сама полезла к нему на водомерку. Опомниться не успел. Не приходило в голову, что может быть опасен?

— Но он же спас меня, — растерянно проговорила девушка.

— Если спас, значит, хороший? — ехидно спросил я.

Изабель сокрушенно повесила голову, я пожалел, что так грубо ее отчитал. Вина не только на ней. Сам дал себя облапошить.

Чтобы как-то взбодрить принцессу, я притянул ее поближе и обнял за плечи.

— Встречу его — оторву голову, — сказал я коротко.

Курт обернулся, брови сдвинуты, покатый лоб в морщинах, взгляд такой, словно в уме считает прибыль от продажи тыкв.

— Смотрю, этот Жамчин крепко тебе насолил, — сказал он, жестом показывая, что все чисто и можно идти.

— Угу, — буркнул я, не желая посвящать гоблина в причины ненависти к гвардейцу.

Он несколько секунд испытующе смотрел на меня, надеясь, что все-таки расскажу, в чем дело. Но я сделал вид, что детально рассматриваю колесо стоящей на углу телеги. Гоблин досадливо вздохнул и поправил крашар.

— Ну как знаешь. Можешь не говорить, — сказал он и ухмыльнулся, подняв клыки. — И так все понятно.

Я глухо зарычал. Чтобы стереть довольную ухмылочку с физиономии гоблина, пришлось несколько секунд гневно тарашиться на него. Но даже когда он перестал улыбаться, глаза все равно остались хитрыми.

— Ты вот что скажи, — начал я, переводя тему. — Как через топь прошел так быстро? Я вечность, наверное, тащился.

Курт многозначительно хохотнул, потирая мизинцем клык, острый кончик опасно блеснул.

— Есть у меня проторенная тропка, — сказал он. — Не очень сухая, но короткая и надежная. Уже давно в Абергуд катаюсь по ней. Утопленники стонут по краям, а достать не могут.

— Они везде не могут, — вставил я.

За стеной громко ухнуло, словно кто-то уронил бочку. Гоблин приложил палец к губам и проговорил шепотом:

— Везде, но лишь там не пытаются в воду заманить. Там вроде как торговый путь. Да и езжу не первый год. Знаю, чего и как.

Даже обидно стало. Я тащился через трясины, волок на себе измотанную принцессу, чуть не утонул, а оказывается, существует короткая тропа.

Бранные слова так и рвались наружу, но я стиснул зубы и промолчал.

Стараясь не привлекать внимания, мы пересекли перекресток и зашли за одиноко стоящий дом. Там начались бурные заросли кустарника с колючими листьями. Где-то впереди в тумане темное пятно, видимо другая сторона стены.

Я оценивающе окинул взглядом заросли. Совсем не дружелюбные колючки топорщатся в разные стороны, даже листья с шипами.

На лице принцессы мелькнул страх, она прижала ладонь к груди, но промолчала. Только губы раскрылись.

— Знатные заросли, — произнес гоблин, кривя губы. — Обдерет.

— Заживет, как на воре, — буркнул я.

Курт обернулся на принцессу.

— А она?

— Ее в кожаное переодели, — проговорил я неуверенно. — Одежда должна выдержать.

Изабель вздрогнула, но снова промолчала. Туман чуть поднялся, часть стены немного приоткрылась. Издалека она выглядит как огромный темно-зеленый монолит. Словно стыков нет, а камни намертво вросли друг в друга. От стены доносятся звуки падающих капель, тянет свежей тиной, чем-то земляным и холодным.

— Не знаю, какой у вас план, — сказал Курт, сорвав с куста листок, — но идти стоит через задние ворота. Передние сторожат болотные тролли. С принцессой в довеске точно не пройдешь.

— А ты? — спросил я, делая шаг в сторону кустов.

Гоблин пожал плечами, выкидывая смятый лист в сторону, и хитро подмигнул принцессе.

— А что я? — спросил он, разворачиваясь в сторону города. — Я простой гоблин. Привез тыквы в Абергуд. Бывайте. Помни про должок. Кстати, твои монеты я схоронил у Азуты. Не бойсь, она не тронет. Нам чужого не надо. Только то, что положено.

С этими словами он махнул рукой и широкими шагами зашагал прочь.

Я несколько секунд смотрел в спину гоблину, пока он не скрылся за поворотом.

В памяти всплыла очередная картинка, в которой я кладу мешочек с золотыми на стол гоблинши. Я глухо зарычал на себя, с силой потеряв грубую щетину.

Обернувшись к принцессе, спросил:

— Готова снова пуститься в дорогу с хищником?

Она слабо улыбнулась и кивнула, я продолжил:

— Тогда за мной.

Взяв девушку за руку, я двинулся сквозь заросли. Старался не оборачиваться, чтобы не видеть страдания на прекрасном лице — колючки на листьях и правда неприятные. Дерут руки, как ветки держи-дерева.

Деревянный наст кончился, как только вышли к кустам. Думал, принцесса будет стонать, но в пропитанном рыбой воздухе только посапывание и тихое шлепанье грязи.

Край плаща зацепился за ветку, я дернул с такой силой, что ветка хрустнула, куст наклонился.

— Лацерна, — донеслось из-за спины.

— Что? — не понял я, на ходу заглядывая через плечо.

Изабель прижала кулачок к груди, чтобы не цеплять колючки, другую руку спрятала у меня в ладони. Держится близко, едва на пятки не наступает.

— Твой плащ называется лацерна, — сказала она кротко.

Спустя десять минут добрались до середины зарослей. Одежда Изабель покрылась свежими царапинами, но сама осталась невредима. Меня крепко ободрало, я брезгливо покосился на царапины.

— Ты ранен, — прошептала Изабель.

Я отмахнулся.

— Это как медведю заноза. Заживет.

Пока шли, думал о шаманах, о мире духов, в который, в общем-то, случайно попал. Тень тащилась за мной от самой таверны. Уже тогда чуял слежку, но в голову не приходило, что Ильва так извернется. Курт говорит, что воина, с которого снял лацерну, должны были обернуть после смерти. Значит, и меня сначала хотели умертвить.

Теперь у темнейшества нет ко мне доступа. И к Изабель.

— Храните вас боги, кудесники, — проговорил я под нос.

— Что? — не расслышала принцесса.

— Ничего, — отозвался я. — Ступай осторожней.

Из тумана медленно выплыла покрытая мхом стена. Зеленый ковер плотно укутал древесину, даже стыков не видно.

Я повел носом — всюду легкий запах рыбы и подсохшего торфа. Так пахнет человек, который забыл вымыться после того, как побывал в трясине.

Осторожно направились по воздушному следу. Через несколько мгновений вышли к низенькому проходу, наглухо заколоченному досками. Рядом под кустом, прижав колени к груди, сидит Шамко, лицо бледное, губы трясутся.

Повертев головой, я еще раз потянул воздух, убеждаясь в безопасности, и вышел навстречу.

— Думал, придется по всему Абергуду за тобой гоняться, — проговорил я бодро и вытащил из кустов принцессу.

При звуке моего голоса Шамко вздрогнул, руки уперлись в землю, он пружиной вскочил и прижался к стене. Взгляд остановился на принцессе, на лице отразилась безнадежность.

— Когда узнают, что я сделал, — сказал он обреченно, — лорд самолично будет гоняться.

Я с сочувствием посмотрел на парня и развел руками. Затем перевел взгляд на Изабель. Она тоже слабая, но женщина, причем человеческая.

Быстро оглядев заколоченную среди мха дверь, я нахмурился.

— Ты вроде обещал организовать отход, — напомнил я сурово.

Шамко наконец оторвался от стены и приблизился к доскам. Руки трясутся, волосы вскочились, словно и не человек вовсе, а какой-нибудь болотный тролль. Только недомерок.

Пошарив под кустом, он вытащил что-то вроде вожжей.

— Вот, — сказал он потухшим голосом и протянул вожжи. — Стебли роцеры достать не смог. Слишком времени мало. Но с той стороны на озере ждет водомерка. Наденешь ей на верхние усы — сможешь управлять.

— Как ты ее туда подогнал, а сам сюда перебрался? — спросил я с подозрением.

Он слабо улыбнулся, той самой улыбкой, которая отпечатывается на лицах приговоренных.

— Я все-таки подмастерье смотрителя водомерок, — проговорил он.

Еще пару мгновений я внимательно всматривался в глаза парнишки. Но там лишь безропотная покорность и обреченность.

Собрав силы, я принялся отрывать доски от старого, но достаточно крепкого дерева. Вместо нормальных, железных гвоздей деревянные штыри, что сильно усложняет работу. От сырости они разбухли, поверхно-

сти плотно соприкасаются и крепко соединяют планки. Весь взмок, пока отодрал первые две. А их еще пять.

Изабель смиренно стоит в сторонке, пока я, пыхтя и рыча, борюсь с деревяшками, Шамко замер рядом и почти не дышит.

Оторвав еще пару досок, я вытер лоб, не снимая капюшона. Только хотел спросить паренька, почему живет в таком отвратительном месте, где даже воздух пропитан гнилью, как уши уловили шум доспехов и встревоженные голоса.

— Началось, — вырвалось у меня.

С тройным усилием я навалился на оставшиеся доски. Они оказались гораздо крепче предыдущих. Ругаясь, как гном, я стал беспорядочно дергать в разные стороны, пытаясь расшатать.

Изабель перепуганно завертела головой, затем присела под куст, как зайчик.

— Не хочу обратно, — прошептала она.

Я промолчал. Ей-то грех жаловаться, сидела себе в чистых, сухих покоях, служанок к ней приставили, кормили. А она голодовку устраивала. Это я тащился сквозь трясину.

Грохот сапог по деревянному насту усилился, голоса стали громче, даже смог кое-что разобрать.

— Перекрыть ворота!

— Троллей допросить!

— Отряд ко второму выходу!

Видимо, страх совсем помутил разум парнишки, потому что он бросился ко мне и принялся помогать с досками. Проку от него мало — руки худющие, как червяки.

Я с рычанием оттолкнул его:

— Не лезь! Мешаешь только.

Шамко растерянно застыл, глаза круглые, губы приобрели цвет беленой стены.

— Нам конец, — пролепетал он. — Мне конец. Нас поймают и бросят к утопленникам!

Я зло посмотрел на парня. Тот открыл рот, чтобы сказать очередную ерунду, но, увидев мои светящиеся глаза, не решился. Так и остался стоять с отвисшей челюстью.

Голоса гвардейцев слышались уже из-за дома, значит, у нас всего несколько минут.

Я справился с последней доской и толкнул дверь.

— Заперто! — прорычал я и выругался так, что самый пьяный гном позавидовал бы.

Изабель всхлипнула, забиваясь глубже под куст. Шамко снова запричитал:

— Они совсем близко! Может, лучше сдать? Принцессу не тронут. Если придем с повинной, может, сжалятся? Лорд справедливый.

— Точно, — сказал я, судорожно бегая взглядом по двери в поиске бреши. — И справедливо отправит беглого ворга на кол или чего хлеще — Ильве. А тебя справедливо бросит к роцерам.

О том, чтобы выломать дверь, речи не может быть, потому что сделана она из цельных бревен, такую разве что тараном выбивать. Замок спрятан внутри ворот, по ощущениям, большой и неподъемный.

В бессильной злобе я пнул землю под дверью. Мягкая почва разлетелась в стороны, как рой всполошенных мух. В голове пронеслась слабая мысль.

— Вот оно! — выдохнул я и кинулся рыть.

Когти вытянулись, руки стали похожи на медвежьи лапы, только с пальцами. Никогда прежде не доводилось копать ямы в облике звериного оскала. Ладони большие и когти лучше землю цепляют.

Размокшая почва легко поддается. Все бы ничего, если б не излишняя влага, которая делает комья земли похожими на липкий фарш.

— Я кого-то вижу, — прошептал Шамко. — Они здесь!

На секунду поднявшись, увидел темные тени в тумане.

— Проклятье леших! — процедил я. — Чтоб их роцеры сожрали!

Пришлось рыть с тройным остервенением. Яма быстро росла, куча мокрой земли рядом с ней тоже. Если существует инициация по рытью ям, точно ее прошел.

Через несколько секунд с той стороны канавы появился свет.

— Лотер, быстрее! — пропишала Изабель.

Я сделал еще несколько контрольных гребков, расширяя проход, чтоб протиснуться самому — хрупкая фигурка принцессы и так пролезет.

Выпрямившись, я оглянулся. Тени превратились в человеческие фигуры и стремительно приближаются. Некоторые уже ломаются через кустарник.

— Вон они! — донеслось из отряда.

— Не упустите их! — прокричал кто-то. — Девушка у них!

Над ухом что-то со свистом пронеслось и стукнулось о дерево, едва успел увернуться. Проверять не стал. И так понятно — если оно воткнулось, значит, острое и смертельное.

— Живо в канаву! — скомандовал я Изабель.

Она куницей шмыгнула к яме.

— А ты? — с тревогой спросила она, протискиваясь ногами вперед.

— Я за тобой, — ответил я, оглядываясь.

Гвардейцы уже преодолели половину зарослей. В дверь снова что-то воткнулось, краем глаза успел увидеть круглый блестящий диск с острыми краями.

Бледный Шамко присел на корточки и, кажется молится. Нет бы убежать сразу, как встретил нас. Так остался зачем-то, дурень.

Когда Изабель полностью скрылась в канаве, я рухнул на землю и нырнул в яму вперед головой. Меня протащило на пузе, как в детстве, когда скатывались по глиняным горкам, которые приходилось долго поливать водой, чтоб сделать скользкими.

Плечи застряли, как раз в том месте, где пытался расширить. Пришлось резко крутануться, вывернув земляную глыбу вместе с корешками и личинками. Вцепившись когтями во что-то мягкое, я подтянулся и вытащил себя на противоположную сторону.

Чавканье гвардейских сапог за стеной стало совсем громким. Там остался лишь парень, слышу — даже не пытается бежать. Видимо, знает, что обречен. Лорд не простит предательства, а от стражей уже не спрятаться.

Я поднялся. Рядом, вся измазанная, трясется принцесса, справа от нее на воде выжидательно смотрит сетчатыми глазами огромная водомерка.

— Залезай! — приказал я, накидывая вожжи на усы зверю.

Принцесса вскарабкалась на водомерку, лицо бледное, но в глазах вера и надежда.

— А парень? — спросила она, хватаясь за хитиновый выступ на спине твари.

— Он свое отработал, — бросил я. — Не надо было болтать лишнего и тащить в Абергуд. Я его спас исключительно по доброте душевной, из-за которой все время страдаю.

Изабель посмотрела на меня такими глазами, что ощутил себя отвратительней роцеры, которая жрет живых людей и нелюдей.

В груди засвербело, пульс, и без того бешеный, стал похож на мышиный. Из глотки вырвалось не то рычание, не то стон.

Кинув поводья принцессе, я кинулся к яме. Крики гвардейцев уже рядом, чую, что в нескольких шагах. Еще немного, и начнут рубить парнишку.

— Шамко! — проорал я в канаву. — Сюда! Быстро, кому сказал!

Послышалось чавканье, через секунду в проходе показалась нога. Я дернул на себя.

Глава 17

Повертев головой, увидел небольшой валун, тяжелый, чтобы поднять, но подходящий в качестве заслона ямы. Я подскочил к каменюке и уперся ладонями в холодный бок. Мышцы затрещали, по лбу покатались крупные капли и застелили видимость. Валун приподнялся. Грязь под ним чавкнула, и он с громким шмяком перекатился в яму.

— Это их задержит, — сказал я, выпрямляясь.

— Ненадолго, — проговорил Шамко треснутым голосом. — Наездники уже седлают водомерок. Надо спешить.

— Какой догадливый, — бросил я и подбежал к зверю.

Хотел сесть впереди, чтобы проще было управлять, но Шамко приблизился к ноге водомерки и схватился за край лацерны.

— Когда-нибудь управлял такой? — спросил он несмело.

Я смерил его взглядом опытного ездока, у которого за плечами не одна сотня верст в облике четвероногих зверей. Но одно дело скакать лошадью, другое — сидеть на водомерке и управлять.

— Нет, — ответил я, цепляясь когтями за выступ на панцире.

— Пусти меня, — попросил парень. — Я хороший наездник.

Я смерил его недоверчивым взглядом. Паренек так напуган, что готов продать все секреты Абергуда, лишь бы спастись от страшной участи быть брошенным к утопленникам. Глаза круглые, лицо бледней, чем стены во дворцах Центральных земель.

Нехотя уступил ему место впереди, отдав поводья, и проговорил:

— Садись. Ты мелкий. Ездовые звери таких любят.

Он уперся ногой в лапу твари и быстро вскарабкался на спину. Я запрыгнул позади Изабель.

Спина водомерки оказалась значительно уже лошадиной, к тому же жесткой, как бревно. Из-за макушки Шамко видно, как шевелятся усы, словно кнуты надсмотрщика. Тварь повернула треугольную голову, в глазах отразились сотни моих физиономий под капюшоном.

Принцесса сжала ногами хитиновый корпус, пальцы сомкнулись на спинном гребне. Выглядит перепуганной, но решительной.

— Вези, парень, — грозно приказал я. — Иначе попадем на ужин к утопленникам. Все вместе.

Шамко нервно повел плечами. Перспектива оказаться в лапах болотной нечисти мало кого порадует. Он стукнул по панцирю, затем хлопнул вожжами, и тварь двинулась с места.

Изабель качнулась от толчка, я придержал ее за локти.

— Не бойся. Если что, подхвачу, — проговорил я над самым ее ухом.

Принцесса чуть выпрямилась, делая вид, что совсем не боится, даже сама в состоянии держаться на спине зверя. Разве что плечи подрагивают.

Водомерка скользит по поверхности, как по ледяной корке. Длинные конечности работают словно поршни, вытягиваясь вперед-назад. Сначала двигалась медленно, рассекая волосками водную гладь. Затем быстрее.

Из-под лап в стороны полетели брызги. Принцесса взвизгнула, когда порция капель ударила в лицо. Чтобы смахнуть воду, пришлось отпустить руку. Из-за этого съехала вбок.

Я обхватил ее за талию и прижал к себе. Принцесса замерла, не решаясь вздохнуть, но через несколько секунд расслабилась. Мне и самому стало спокойней. Даже сейчас ее запах будоражит нутро.

Последовал еще один толчок, водомерка понеслась быстрее.

— Извините, — бросил Шамко через плечо. — Они, когда ускоряются, всегда дергаются. Сколько ни пытался приучить бегать плавно — не выходит. Даже рыбой дрессировал.

— Нормально, — ответил я, удерживаясь ногами на жесткой спине зверя. — У меня хорошо с балансом.

Водомерка все набирала разгон, в ушах засвистел ветер. Мимо замелькали болотные кочки и одиночные деревца, кое-где успеваю разглядеть кустики клюквы. Но через некоторое время перестал различать — от скорости они превратились в темные полосы. Ощущение, что туман разбегается перед нами.

Шамко прилепился к голове зверя, сжимая в руках вожжи. Периодически что-то произносит, и водомерка совершает очередной рывок или вираж, огибая сушь. Мне тоже пришлось немного наклониться, прячась от потока ветра. Одновременно прикрыл Изабель. Она сжалась в комочек и не шевелится.

Некоторое время мчались молча, я старался не думать ни о чем, кроме горы Ир и Ильвы. Но в лицо лезут рыжие волосы принцессы, и мысли постоянно уходят в другое русло.

Сзади долетели свистящие звуки, я оглянулся. Вдалеке, за сомкнувшейся полоской тумана, движутся темные пятна.

— Догоняют, жабоеды! — крикнул я парню.

Тот выглянул из-под локтя и бросил:

— Главное, до суши добраться! Водомерки по твердому не могут, а наши пешком далеко не уйдут.

Парень дернул вожжи, что-то просвистел зверю, водомерка на бешеной скорости обогнула очередную кочку.

— Куда везешь хоть? — проорал я, стараясь перебить свистящий поток воздуха.

— Надо болотную рощу пройти, — крикнул он в сторону. — Сразу за ней Мертвая степь.

В этот момент над ухом просвистело, едва не задев край капюшона, я успел пригнуться, прижимая Изабель.

— Идиоты! — проорал я. — Стреляют куда хотят! Я ведь с принцессой!

Стараясь прижаться как можно сильнее к бронированной спине, я случайно опустил взгляд вниз. По загривку опустилась нервная волна и умчалась туда, где у волка обычно хвост.

Прямо под поверхностью мелькают синие лица утопленников. Упыри умудряются мчаться с нами на равных, только ряска в стороны разлетается.

Жутковатые физиономии скалятся в улыбках, ладони упираются в невидимую водяную пленку, но, как и прежде, не могут прорвать.

Один раз заметил ту самую кикимору, что усердно тянула меня на дно.

— Тварюка, — огрызнулся я. — Надо было остаться и вытянуть на сушу.

Снова просвистело, на этот раз у колена.

— Они дротики метают, — сказал Шамко, не оборачиваясь. — Хотят в водомерку попасть. Она не утонет, но бежать не сможет.

— Ты лучше гони быстрее, а не принцессу пугай, — сказал я зло.

— Да гоню, — оправдываясь, произнес парень. — Вон уже рошу видно.

Изабель еще сильнее сжалась подо мной, не шевелится. Я перехватил ее покрепче, наклоняясь к самому уху.

— Что ж все-таки Ильве от тебя надо? — прошептал я ей. — Вон от самых Центральных земель гонится.

— Не знаю, — донеслось из-под меня.

— Алчная тварь, — прорычал я уже себе. — И Талисман ей подай, и принцессу, и мировое господство.

Девушка всхлипнула, голова сильнее прижалась к спине водомерки. Я чуть приподнялся, рискуя получить дротик в затылок. Впереди появилось темное пятно, через несколько секунд из тумана проступили зеленые стволы.

В очередной раз оглянулся. Тени превратились в наездников. Рожи перекошены от ненависти, словно я лично им насолил. Насчитал около двух десятков гвардейцев. У пятерых наготове копьеметалки, но стрелять не спешат. Дошло наконец, что с такого расстояния могут в девушку попасть.

Синих рож под ногами водомерки стало больше, теперь ощущение, что скользим не по воде, а по холоду из утопленников.

— Готовьтесь пригибаться! — крикнул Шамко и стеганул вожжами зверя.

Водомерка недовольно затрещала и кинулась к роще с такой силой, что меня отбросило на самый круп. Чудом не свалился в воду вместе с принцессой. Девушка легонько взвизгнула и вцепилась пальцами мне в руку. Нашла за что цепляться. Но в груди приятно екнуло.

Стараясь не съехать в бок с узкой спины, я подтолкнул Изабель вперед.

— Двигайся, — рывкнул я, упираясь всем телом ей в спину. — Если зверь сейчас дернется, свалимся наверняка. Знаешь, какие у утопленников руки холодные?

Она вздрогнула и быстро заерзала, переползая ближе к Шамко. Округлости чуть ниже спины замирающе приподнимаются, отодвигаясь все дальше.

Я одним махом переместился вперед и снова прижал Изабель. На этот раз наказал:

— Гребень водомерки не отпускай.

Она кивнула.

За спиной расслышал голоса преследователей. Лапы водомерок рассекают воду словно плетки, доносят трескотня и свист.

— Как им удалось так быстро? — выпалил я.

Шамко бросил через плечо:

— Наша водомерка от веса в скорости теряет.

— Если б тебя не взяли, было бы легче, — бросил я.

Даже не видя лица, ощутил, как побледнел парень. Локти затряслись, голова сильнее вжалась в плечи.

Я проговорил:

— Не бойсь. Не скину. Слишком ловко со зверем управляешься.

Издаലെка донеслось:

— Заходите с краев!

Голос показался смутно знакомым. В звериной памяти замелькали вспышки, человечья тоже неприятно заворочалась. В голове словно понеслись крохотные коробочки с разным содержимым, а внутреннее зрение пытается выловить нужную.

В какой-то момент коробочки прекратили двигаться, одна выступила поверх остальных. Звериное нутро встало на дыбы раньше, чем успел сообразить, что творится. Из глотки вырвался медвежий рык.

Изабель вжалась в спину Шамко, что меня еще больше взбесило.

— Жамчин! — вырвалось у меня.

Если бы не утопленники под ногами и не скорость, из-за которой можно покалечиться о воду, точно ки-

нулся бы назад. Но человеческий ум удержал. Когти вцепились в панцирь водомерки, я глубоко задышал, стараясь успокоить ярость. Болотный гад едет сзади, совсем рядом.

Изабель повернула ко мне бледное лицо и пролепетала:

— Не беспокойся, Лотер. Он со мной хорошо обращался. Даже с водомерки помог спуститься, когда в Абергуд привез.

Я промолчал, потому что кровь с силой ударила в голову, вместо ответа получился бы очередной рык. Помог он ей, как же. На руки взял, до самых покоев провел, упырь. Хорошо обращался. А если бы плохо... Я бы уже доедал его кости.

Слева что-то звонко хлопнуло по воде. Обернулся. Жамчин достал хлыст длиной не меньше трех ворговских прыжков, черная петля опасно вертится над головой.

— Пригнитесь! — закричал Шамко.

Мы распластались на спине водомерки и в таком положении ворвались в болотную рощу. Только в этот момент понял, зачем нужно прижиматься.

Туман тут почти отсутствует, прямо как у шаманов. Хотя сейчас вообще кажется, что они привиделись. Толстые деревья торчат из воды, корни наверняка уходят очень глубоко, иначе такую массу не удержать.

По бокам мелькают старые стволы, с толстыми ветками, густо заросшие мхом. Сверху свисают зеленые бороды растений. Все ветки проносятся над самой головой, норовя зацепить и сбросить к утопленникам. Те оживились, из воды послышался радостный хохот и улюлюканье.

Шамко умело лавирует водомеркой между стволами. Та послушно изгибает лапы и скользит, перескакивая небольшие коряги. Большие приходится объезжать.

С обеих сторон донесся знакомый, рассекающий воду звук.

— Шамко, дружище, — предостерег я, — у нас гвардейцы по бокам и целый отряд сзади. Если не случится чуда, можешь посыпать себя петрушкой и укропом.

Парень сорвал с усов водомерки вожжи и швырнул в воду. Стая утопленников моментально кинулась к ним, принялась выдирать друг у друга и верещать. После этого схватил зверя прямо за усы, послышался громкий клацающий звук.

— Не знаю, что такое петрушка, — прокричал он. — Но чудо гарантирую.

Я выглянул из-под локтя, стараясь не свалиться со зверя. Там, где утопленники нажились на вожжи, образовался настоящий затор. Клубятся как полоумные, верещат над уздечками.

Синемордых стало больше, поверхность воды пошла крупной рябью. Через секунду рябь превратилась в серьезные волны, которые и на лодке ощутишь, не то что на водомерке.

К моменту, когда колебания воды стали совсем суровыми, мы оторвались на приличное расстояние. Гвардейцам повезло меньше. Они достигли клубка утопленников в ту секунду, когда те всполошили воду. Несчастные водомерки растопырили лапы, стараясь удержать равновесие. Скользят по волнам из стороны в сторону и жалобно свистят.

Наша тварючка резво мчится по воде, сводя и разводя лапы, если попадают маленькие кочки. Те, что побольше, умудряется перепрыгивать, больно ударяя панцирем по мягким местам. Совсем большие островки ловко огибает, наклоняясь и приседая на длинных лапах.

— Смотрю, знаешь свое дело, — прохрипел я, поглядывая на затор из утопленников и водомерок с разозленными гвардейцами верхом.

— Чтобы успокоить водомерку, надо подход знать, — крикнул Шамко, уворачиваясь от очередной ветки. — Гвардейцы хорошие наездники, но понятия не имеют, что значит приручить зверя.

Заросшие мхом и лишайниками деревья проносятся мимо темными полосками. С трудом верится, что водомерка способна развивать такую скорость. Удерживаться на ней сложно, я вместе с Изабель вцепился в костяной выступ на спине. Она прижалась животом к твари и спрятала лицо под локоть.

Я прислушался. Гневные возгласы и досадные причитания гвардейцев остались позади. Никогда бы не подумал, что ненавистные утопленники могут сослужить полезную службу.

Чуть приподнявшись над Изабель, я покрутил головой. Волосы от ветра моментально оказались во рту. Я раздраженно отплевался и проговорил, вглядываясь в просветы между деревьями:

— Кажется, оторвались.

Шамко глянул через плечо, на лице появилась слабая улыбка, такая слабая, что можно принять за нервный спазм.

— Говорил же, будет чудо, — скромно произнес он.

Я восхищенно цокнул языком и покачал головой, насколько это возможно на бешено несущейся водомерке.

— Удивил, — выдохнул я. — Даже принцесса удивлена.

Во время погони она превратилась подо мной в сжатый клубочек без признаков жизни. Только рыжие волосы трепещут на ветру, как языки пламени. Услышав о себе, принцесса приподняла голову и непонимающе завертела глазами.

— Ты как? — спросил я сурово. — Жива? От страха камень из груди не потеряла?

Я заглянул сбоку, она поспешно опустила взгляд в декольте. Успел заметить, как порозовели щеки.

— Если бы потеряла, ты бы понял, — проговорила она тихо.

С опозданием вспомнил, что камень поддерживает в ней жизнь. Чтобы оставить живой, Ильва вложила туда часть себя или что-то в этом роде. Словно в ней проснулось сострадание. Но скорее, что-то другое.

Водомерка в очередной раз дернулась, перепрыгивая кочку. Хорошо, что за гребень держусь, а то опять отлетел бы.

— Быстро они отстали! — крикнул я Шамко.

— Как разберутся с утопленниками и водомерками, — ответил парень, перекрикивая свист ветра, — кинутся нагонять. Даст Великая Жаба — прежде успеем до суши.

В этот момент справа раздался водяной шелест. Я резко обернулся, клыки, и без того длинные, вытянулись еще больше, рот теперь не закрыть.

Между деревьями параллельно с нами мчится приземистая фигура. Тело прижато к панцирю, водомерка

скользит резво, видно — ей куда легче преодолевать кочки и коряги, чем нам.

В одном месте просвет между стволами оказался достаточно широким, чтобы я успел разглядеть ухмылку на круглом лице, искривленные толстые губы и длинный хлыст в руке.

— Болотная дрянь! — прорычал я и на бегу подался вправо.

Если бы не гребень, в который вцепился мертвой хваткой, стоя утопленников сегодня знатно пообедала бы.

— Что случилось? — нервно спросил Шамко, подергивая усы водомерке.

Объяснять пареньку, что при виде этого гада у меня все нутро закипает, не стал. Пальцы сжались, словно под ними тонкая шея болотника, когти вытянулись на всю длину, готовые разорвать гвардейца пополам и бросить кикиморам прямо тут.

— Жамчин, — бросил я сухо. — Вот что случилось. Преследует нас за деревьями.

Изабель снова сжалась в комочек. Как в игре для маленьких воргов — если я тебя не вижу, то и ты меня тоже.

— Не отдавай меня им, — прошептала принцесса.

От ее слов мир перевернулся. Еще немного, и красная пелена пойдет. Все это нехорошо, но поделаться уже ничего нельзя. Отдать? Я скорее к утопленникам нырну.

— Не отдам, — сказал я и зарычал в сторону деревьев.

Шамко совсем измотал водомерку, она начала взбрыкивать и трещать, как разъяренная сорока. Парень что-то свистел, клал, пищал, пока она наконец

снова не взяла нужный темп. Но промедления хватило, чтобы сзади снова появились гвардейцы.

— Давай, миленькая, — взмолился Шамко. — Поднажми. Чуть-чуть осталось.

Я выглянул из-за головы паренька. Не знаю, сколько в действительности осталось, — впереди лишь новая порция деревьев.

Справа Жамчин пошел на сближение, довольно скаля одутловатую рожу. Периодически вскидывает хлыст, но деревья мешают маневрам, да и за водомеркой надо следить. Если дать волю — мигом расслабится и поскользится по своим водомерочьим делам, рыбу есть или лягух давить.

Я вздыбил загривок и выпустил когти. Глаза вспыхнули, мир окрасился в багровые краски.

Снова появился просвет между деревьями, Жамчин поспешил воспользоваться. В воздухе просвистел кнут, руку обожгло. Я дернулся, но обнаружил, что край кнута плотно обвил запястье.

Видимо, рассчитывал сорвать меня с водомерки, но просвет между деревьями неожиданно кончился. Я рванул когтями по хлысту. Материал не поддался с первого раза. В бессильной злобе снова полосанул. В момент, когда деревья сомкнулись, волокна разлохматились и треснули.

— Вовремя успел, — крикнул Шамко. — Надо еще немного продержаться. Через несколько пробегов суша.

Я отплевался ото мха, который оторвался от ветки и попал в рот, пока рвал кнут, затем всмотрелся в деревья.

Шум за спиной нарастает, гвардейцы с двойными усилиями несутся по следу, даже кочки не успевают

перепрыгивать. Бедные водомерки спотыкаются и теряют скорость, но это не мешает нагонять.

Ветки истончились, стволы по бокам пошли ре-же, что для Жамчина только на руку. С другой стороны, нам тоже — можно не бояться врезаться в дерево.

— Верни принцессу! — послышался разъяренный голос из-за деревьев.

Ухмыльнувшись, я сильнее прижал Изабель к себе. Она дрожит всем телом, но молчит, как истинная спутница вора.

Наконец деревья кончились, пошла водная гладь, кое-где вспученная кочками и островками с кустиками клюквы.

Параллельно с нами из-за деревьев выскочила водомерка Жамчина. Наездник яростно дергает зверя за усы и вожжи, что-то кричит и цокает.

В правой руке мелькнул хлыст. Даже с оборванным концом все еще длинный. Я выглянул из-за Шамко. Впереди появилась темная полоска. Парень изо всех сил гонит зверя, водомерка стрекочет, но скорости не сбавляет. После такого неделю будет отдыхать.

— Гони, родимая! — закричал парень. — Успеешь, отпущу на волю!

Зверюка словно поняла. Нас в очередной раз тряхнуло, Изабель жалобно пискнула, видимо ударилась о панцирь. Из-под лап взвились длинные струи воды и моментально остались далеко позади.

Жамчин не отстает, шорох лап по воде за спиной становится ближе. В голове мелькнуло тревожное: если не успеем? Обоих тут же кинут в воду. Для надежности еще и пиками двурогими проткнут. Но хуже то,

что Ильва получит Талисман и мир превратится в одну большую могилу.

И заберут Изабель.

— Сдавайся! — донесся крик Жамчина сквозь шум ветра. — Обещаю, тебя быстро убьют!

Я хищно улыбнулся, лязгая зубами. Он зло выругался и кинулся наперерез, разметывая струи воды. Глаза его водомерки выкатились всеми сетками, шея вытянулась. Еще немного, и захрипит, как подыхающая кляча. Но Жамчин только сильнее дергает усы и рвет вожжи.

— Нам не успеть! — крикнул я.

Шамко и сам видит, что гвардеец окажется перед нами раньше, чем доберемся до суши. Но все равно продолжает приказывать водомерке.

Мысли заматались в голове с заячьей скоростью. Перекидываться без толку. Если подводной тварью — вообще не смогу сражаться. Еще и утопленники.

— Дай вожжи! — крикнул я, перебираясь по боку зверя вперед.

— Что? — не понял Шамко.

Я уже перелез через Изабель и оказался впереди парня.

— Делай, как говорю! — приказал я. — Когда скомандую, хватай принцессу и прыгай.

Шамко вытаращился на меня круглыми глазами, но повиновался и отсел назад. Вожжи легли в ладони, горячие и взмокшие от потных ладоней паренька. Я видел, как парень управляется со зверем, тут же начал колыхать поводьями и подергивать.

Водомерка заметила смену наездника, в первую секунду хотела вздыбиться, но я зло вытаращил покрасневшие глаза и глухо зарычал. Тварюка моментально присмирела и устремила взгляд вперед.

Жамчин уже почти перед нами, пошел на разворот, чтобы встретиться лицом к лицу.

Я взял левее, направляя водомерку по касательной к берегу. Гвардеец не понял маневра и снова оказался параллельно нам, даже чуть сзади.

Когда до берега осталось всего пара волчьих прыжков, я резко потянул усы зверя влево и проорал:

— Прыгай!

От резкого поворота Шамко с Изабель буквально вылетели со спины водомерки. Через несколько секунд услышал глухой удар и ругань. Я облегченно выдохнул.

Оказавшись лицом к лицу с Жамчином, отключил все человеческое и отдался во власть инстинктам.

Из пасти его водомерки сочится что-то зеленое. Глаза гвардейца бешеные, все еще не верит, что беглецы ушли. Я резко натянул усы вниз. Водомерка испуганно попятилась.

Жамчин вскинул хлыст, свистящий звук рассек воздух. В этот момент я оттолкнулся от панциря и спиной назад прыгнул в сторону суши.

Глава 18

Я не был уверен, что долечу до берега, все-таки спиной прыгать не так просто. Но через несколько секунд земля больно ударила в спину. Хлыст просвистел по воздуху, наша водомерка испуганно затрещала и бросилась в сторону роши.

Жамчин грязно выругался и в ярости швырнул хлыст в воду. Стая утопленников мгновенно налетела со всех сторон, раздался жуткий, зловеющий хохот, и хлыст исчез в темной воде.

По спине пробежали мурашки — воспоминания о цепких пальцах кикимор навсегда останутся со мной.

Быстро перевернувшись, я вскочил и хищно оглянулся. Изабель стоит с перепуганным лицом и таращит глаза. Я мельком оглядел себя: плащ остался закрепленным на плечах, капюшон лишь едва съехал, но не свалился. Добротню шили.

Я зарычал, как пещерный медведь, клыки уперлись в губы, приходится приоткрывать рот. Шамко стоит на коленях и потирает зад.

— Отшиб? — крикнул я, бросая взгляд на Жамчина, который с разъяренным лицом рвет усы водомерке и заставляет приблизиться к берегу.

— Вроде нет, — отозвался парень. — Но шарахнулся славно.

С тихим стоном он поднялся и выпрямился, лицо кривится, спина согнута, видимо, и правда крепко ударился.

Я проговорил сочувственно:

— Заживет. На абегудцах тоже должно быстро заживать.

Раздался громкий всплеск. Крутанувшись на месте, я увидел, как гвардеец бросает крюк на сушу, чтобы заставить водомерку подойти к берегу.

— Спешиться решил, — подсказал Шамко, пятясь.

— Вижу, — огрызнулся я. — Смелый какой.

— В каком смысле? — не понял парень. — Хотя да. Жамчин смелый.

Я пробороздил когтями землю и сказал мрачно:

— Настолько, чтобы ломиться в открытый бой с воргом? Он же не гоблин или эльф. Они, говорят, быстрые, как блохи.

— Да? — удивился парень. — Значит, подвох.

Водомерка гвардейца жалобно затрещала, лапы натянули водяную пленку. В темной глубине мелькают синие морды с безумными улыбками и время от времени тыкаются носами в поверхность.

— Стой, ворг! — проорал Жамчин, подгоняя водомерку к самому берегу. — Или сбежишь, поджав хвост, как плешивая псина?

На глаза снова поползла красная пелена, мышцы вздулись, как перед броском на лося.

Лицо гвардейца скривилось в презрительной гримасе, он ударил водомерку по незащищенной шее, та взвизгнула и пошла быстрее.

Жамчин крикнул:

— Останься и сразись со мной, грязная тварь! Ты не продержишься и минуты. Я заберу принцессу и столкну тебя утопленникам. Они будут счастливы!

В груди заклокотало, глаза потеплели настолько, что осветили бы небольшую комнату. Горячие волны ярости покатались по телу и стали медленно перекрывать разум. Представил, с каким наслаждением сейчас вцеплюсь в глотку ненавистному гвардейцу, буду рвать и грызть, пока от него не останется лишь кучка доспехов.

Я изготовился к прыжку, чуть согнув колени, растопырил пальцы, чтобы в ударе когти зацепили как можно больше.

Из рощи показался первый гвардеец основного отряда. Звериное сознание медленно стало вытеснять человеческое, скоро красная пелена окончательно застелет глаза.

— Сейчас, — проговорил я под нос. — Сейчас до всех доберусь.

Пока во мне рос гнев, у Жамчина наконец получилось зацепиться за сушу. Он быстро перебирал руками, быстро подтягивая водомерку к берегу.

— Что, хвост трясется? — крикнул Жамчин, зло-радно хохоча. — погоди, сейчас спущусь. Тогда узнаем, чего стоят в бою ворги.

Я зарычал, как разъяренный саблезуб, только мышцы сократились, готовые в одну секунду распрямиться и кинуть меня на гвардейца.

Сквозь шум крови в ушах услышал голос Шамко.

— Не слушай его! — закричал парень что было сил. — Он специально тебя провоцирует! Время потянуть хочет!

Ярость почти заполнила сознание, только малая часть ума все еще откликается на разумные доводы. Обнажив клыки, я зло зыркнул на Шамко, но тот так боится попасть в руки гвардейцев, что моя морда его не испугала.

— Лотер, — взмолился он. — Послушай, он знает, что не сможет побороть тебя. Но когда подоспеет отряд, всем конец. Бежим, пока не поздно.

Я бросил короткий взгляд на рошу, из которой один за другим выскальзывают водомерки с наездниками. У каждого по двурогой пике, на поясах кривые мечи и диски с заостренными краями. Помню, как такая штуковина рассекла стебель роцеры, а это очень просто.

Дыхание участилось, шум в ушах стал таким сильным, что едва разбираю голос Шамко. Зато Жамчина понимаю вполне отчетливо.

— Я не могу позволить ему снова уйти, — зло проговорил я. — Надо покончить с этой болотной нечистью.

— В болоте много нечисти, — сказал парень. — Со всей не покончишь.

Я процарапал в земле еще ряд борозд и произнес:

— А он — самая мерзкая. Если сейчас уйду, тварь не оставит нас. Где-нибудь да вылезет. Так всегда бывает, когда даешь слабинку и отпускаешь.

Гвардеец почти подтянулся к берегу и принялся спускаться по кривой лапе водомерки. Бедный зверь совсем измотан погоней, еще и трясется перед сушей. Сетчатые глаза покраснели, из челюстей вырываются трескучие звуки и хрипы.

— Давай, еще немного, — произнес Жамчин победно. — Скоро от тебя останется только плащ.

— Лотер, — услышал я сквозь шум крови голос Изабель. — Прошу тебя, бежим! Если ты не справишься, они заберут меня!

Красная пелена медленно стала отступать. Через пару мгновений грохот крови в голове затих, я посмотрел на гвардейца и подумал: она во мне сомневается. Я тащился в Абергуд, волок ее через болота, чуть ли не на хребте, а местами на хребте. А она не верит.

Человеческий рассудок моментально вернулся на место, я тряхнул головой и развернулся к Изабель и Шамко.

— Что стоите? — рявкнул я. — Бегом, пока при памяти!

С этими словами кинулся прочь от берега. На бегу схватил Изабель, благо, она почти ничего не весит.

Шамко бросился следом, но тут же значительно отстал.

— Тролля башка, — выругался я на бегу. — Кто болотников бегать учил?

— В том-то и дело, — крикнул парень, тщетно пытаясь нагнать, — что никто.

Острое желание бросить его накатило такой волной, что я ускорился. Пыхтение Шамко быстро становилось тише, я ловил на себе взгляд Изабель, полный ужаса и презрения.

Долго выдерживать его не смог, пришлось замедлиться. Когда совсем остановился, поставил Изабель перед собой.

— Подберешь штаны, — приказал я.

Она непонимающе захлопала ресницами, но кивнула. Я распустил пояс, скидывая портки, и отвернулся, чтобы не предстать перед принцессой в непотребном виде. Полы лацерны скрыли остальное.

Чуть расслабив ворот плаща, я откинул капюшон и что было сил шарахнулся о землю.

Горизонт ушел вниз и разошелся в стороны, как если бы окосел. Через секунду все нормализовалось, зрение немного исказилось, но в целом терпимо.

Обоняние моментально рассказало, что на этом самом месте несколько часов назад кувыркались две лисицы, а Жамчин давно не мылся. Уши завертелись в разные стороны, сообщая, что гвардейцы совсем недалеко от берега, некоторые уже бросают крючки. А ненавистный Жамчин орет на остальных и бежит следом за нами. Но теперь не догнать.

Земля под копытами мягкая, но достаточно утоптанная, чтобы быстро набрать хорошую скорость.

Я сурово посмотрел на Изабель и тряхнул гривой, приглашая поскорей забираться мне на спину. К этому моменту подоспел Шамко. Весь запыхавшийся, со лба течет, волосенки растрепались, парень напоминает взъерошенного вороненка.

В первую секунду он оторопел, но быстро пришел в себя — подбежал к принцессе и стал тянуть за руку.

— Надо спешить, — проговорил он. — Гвардейцы на суше нерасторопны, но если стоять на месте, и улитка догонит.

Прежде она не видела, как я оборачиваюсь. Даже тогда на болоте постарался перекинуться так, чтоб не заметила процесса. Теперь ей довелось наблюдать настоящее таинство моей сути.

Все еще цепenea, она медленно присела и подняла штаны, одиноко лежащие в сторонке.

Я дернул хвостом, который оказался непомерно длинным и густым. Удивительно, как лошади носят такое над самым нечистым местом тела. Настоящее произведение искусства. И грива. Чудесное животное, жаль, что не хищник. Хотя с такими копытами — это спорный вопрос.

Пришлось нетерпеливо потоптаться на месте, прежде чем Изабель наконец вышла из ступора и приблизилась.

Шамко подставил мне под брюхо сложенные в замок ладони.

— Давайте, принцесса, — сказал он, — обопритесь. Я подсажу.

Она молча повиновалась. Прижимая штаны к груди, вскарабкалась на спину и вцепилась в гриву. Ощущил, как шуршит лацерной, вытаскивая из-под себя.

Наконец подкатила к моей шее. Теплые ноги обхватили бока, аж мурашки по загривку пронеслись. Лошадиное тело оказалось удивительно чутким к прикосновениям. Через секунду ощутил толчок — Шамко ловко запрыгнул позади принцессы.

Каким бы большим и удобным ни был капюшон, для лошадиной башки все же маловат. Он съехал назад, чувствую, как собрался гармошкой вместе с плащом. Хорошо хоть, воротник с застежкой не душат.

— Вот это грива, — выдохнул он. — Черная, как торф. А густая, хоть рубахи вяжи.

Я недовольно фыркнул. Нечего из моей гривы рубахи вязать, обойдусь как-нибудь. Отметил про себя, что в этом облике гнев плохо ощутим. Зато реакция на пределе. От каждого звука мышцы приходят в тонус, только человеческим умом получается держать контроль.

Наконец они уселись. Людям без седла ездить не так просто, особенно тем, кто на лошадях отродясь не ездил. Даже если и объезжал водомерок.

Изабель еще раз поерзала, вызывая на загривке новую волну мурашек. Шамко уцепился за другую часть гривы и уперся пятками в бока. Я недовольно переступил копытами — нечего забываться. Он виновато похлопал по спине и ослабил давление.

Со стороны берега слышно, как ругается Жамчин, гремят доспехи гвардейцев от натужного бега. Если бы лошадиная морда могла ухмыляться, улыбнулся бы во всю морду. Но я лишь дернул хвостом и сорвался с места.

В ушах засвистел ветер, несмотря на то что прижал. Каждая мышца, даже те, что отвечают за дерга-

ные хвостом, напряглись, наполняясь необъяснимым восторгом и радостью. Плотная земля стремительно проносится вниз. Но это я, скорее, понимаю, чем вижу, потому что глаза по бокам головы. Несмотря на слабые, по сравнению с волчьими, обоняние и слух, ощущение почвы удивительно. Будто копытами вижу дорогу.

— Они отстают! — прокричал Шамко, крепче цепляясь за гриву.

Еще бы, подумал я. Тут даже волк отстал бы. В жизни с такой скоростью не скакал. Хотя вообще раньше не скакал, потому что конем не оборачивался.

Я долго несея, взбивая из-под копыт клубы серой пыли, пока голоса гвардейцев окончательно не исчезли. Но даже тогда продолжал скакать.

Туман постепенно рассеялся, проступило долгожданное небо. Солнце катится к закату, но еще есть время, чтобы успеть дотемна. Нежить говорила, Талисман упадет через три дня. Сегодня как раз третий. Могущественный предмет явится на исходе. То есть в полночь.

Когда дымка осталась далеко позади, я замедлил бег. Мертвую степь представлял иначе, воображение рисовало горы гниющих трупов и костей. На деле степь предстала покрытой зеленью, холмистой местностью. Кое-где растут одинокие деревца и кусты не то шиповника, не то калины.

Я остановился. Мчаться с двумя наездниками на спине, пусть и легкими, занятие не простое. Мне еще повезло, а бывают такие боровы... Больше не сяду на лошадь.

Шамко сполз с правого бока и подал руку Изабель.

— Позвольте помочь, — сказал он. — Тут высоко. Ворг перекинулся каким-то очень огромным конем. В жизни таких не видел.

Я фыркнул и стукнул копытом. Он еще огрызаться будет, мелочь болотная. Можно подумать, много коней видел.

Изабель провела тонкими пальцами по гриве, под кожей словно сверчки запели, душа предательски заликовала.

— Спасибо, — проговорила она благодарно.

Она соскользнула со спины, сразу стало прохладно. Края лацерны съехали на бок, принцесса аккуратно закинула ее на место и расправила по бокам.

Я повернул массивную шею, так хоть правый глаз видит, где там она стоит. Девушка все еще прижимает штаны к груди. Похоже, всю дорогу так и ехала, не выпуская ни на миг. Попытался улыбнуться, но получилось странное движение губами, от которого обнажились два ряда зубов. Даже десны замерзли.

Изабель протянула руку, чтобы погладить по морде, но тут же отдернула. Словно вспомнила: я не конь, а очень даже ворг.

Закусив штанину, я вытянул портки из рук принцессы и отошел на несколько шагов. Недалеко обнаружил небольшой куст, хотел зайти за него, но в последний момент передумал.

Встав на дыбы, я с силой рухнул вниз. В лошадином облике достать головой до земли оказалось сложно, пришлось извернуться и подвернуть передние ноги. Наконец горизонт вернулся в привычное положение, усиленная чувствительность пропала. Я поднялся на ноги и громко хрустнул шеей. Почему-то у коней она очень неповоротливая.

Штаны натянул быстро. Одно дело — размеренно одеваться поутру. Другое — когда на лету суешь ноги в портки, убегая от разъяренных мужиков с вилами. Вроде можно остановиться, порешить всех. С другой стороны, это не они на всю ночь умыкнули дочку сыровара.

Я накинул капюшон и обернулся. Изабель смиренно стоит возле Шамко с опущенным взглядом. Щеки бледные, закатное солнце играет в волосах, отчего они кажутся совсем огненными. Камзол чуть перекрутился, не совсем по размеру сидит. В ложбинке между грудей сверкает зеленый кристалл, особенно яркий в солнечном свете. За спиной зеленый куст контрастирует с ее рыжестью, делая принцессу похожей на смущенный факел.

Увидев, куда я смотрю, Изабель поежилась и быстро подтянула края камзола. Я хмыкнул и сдвинул брови для суровости, чтоб не подумала, будто у меня какие-то там мысли.

Быстро перевел взгляд на Шамко. Парень, наоборот, — вытаращился во все глаза, даже рот раскрыл, разве что слюна не капает.

Проверив, не торчат ли где лишние зубы и когти, я спросил охрипшим голосом:

— Сколько им будет нужно времени, чтобы догнать?

Шамко дернулся от неожиданности и выпал из ступора.

— По суше они не станут гнаться, — сказал он, вытирая губы. — Но как вернутся в Абергуд, лорд сообщит Ильве. Весь город судачит про принцессу и темнейшество.

— Мда? — насторожился я. — Что говорят?

Он пожал плечами:

— Не знаю. Только то, что она зачем-то нужна.

Он хитро подмигнул Изабель, та проигнорировала, лишь сильнее стянув края камзола.

— Понятно, — сказал я, направившись в сторону степи. — Идем. Нечего ждать, пока какая-нибудь зверина из-за кустов вылезет.

— Угу, — кивнул парень и двинулся за мной, — хотя у нас своя зверина.

Я приподнял верхнюю губу, обнажая клыки, и спросил:

— Страшно?

— Очень, — отозвался парень. — Когда в городе у тебя клыки полезли с когтями, чуть со страху не помер. И глаза, как красные фонари. Жуть берет. Не уверен, но кажется, портки бы я сменил.

Слышно, как сзади по сухой и вполне твердой земле семенит Изабель. Солнце бросает оранжевые и багровые краски на облака, степь кажется на удивление живописной. Трава растет сочная, в толстых листьях видны прожилки, кое-где из нее торчат стебли с белыми бутонами. Легкий ветерок их колышет, а те словно колокольчики, только перевернутые. Кусты, деревья тоже встречаются, хоть и маленькие.

— И чего ее мертвой назвали? — задумчиво проговорил я под нос.

Но Изабель услышала, она догнала и тихо предположила:

— Может, из-за тишины?

— Ну, кузнечиков не слышно. Это да, — согласился я так же тихо. — Но нельзя ж из-за них все мертвым называть.

— А нежить? — спросила принцесса.

Я кивнул:

— Угу. Нежить. Все, к чему они прикасаются, можно смело называть усопшим.

Я замолчал, погрузившись в думы о главном. Ильве зачем-то нужна принцесса. Насколько понял, Талисман всемогущ и все в таком духе. Почему тогда рвется заполучить именно ее? Шаманы говорили, мол, иди в Абергуд, спасай. Ну, спас, и чего? Снова двигаюсь, как весенняя улитка по навозу.

Шамко что-то рассказывает про Абергуд и гвардейцев, слушаю вполуха. Говорит, они не слишком проворны на сухой земле из-за водомерок. Без ездовых тварей беспомощны.

Изабель молчит, лишь изредка постанывая, когда спотыкается.

— Думал, меня прям под стеной покромсают, — трещал парень. — Они так быстро приближались, я уже начал возносить молитву Великой Жабе. Жамчин, между прочим, один из опытных гвардейцев. Его многие знают. Он бежал впереди всех, размахивая мечом, и швырял диски. Ну и рожа у него была.

Я глухо зарычал, лапа механически цапнула траву, на когтях остались несколько белоснежных бутонов.

Он продолжал:

— А остальные, остальные-то! Все замахивались. В меня два раза чуть диски не прилетели. Едва увернуться успел. Не думал, что с собой возьмешь. Когда услышал, как зовешь, возблагодарил не только Великую Жабу, но даже болотника. Старики верят: он помогает выбраться из топей, если видит, что у путника чистое сердце. Надо подношение ему сделать. Не иначе как, он уговорил Великую Жабу мне помочь.

От его болтовни загудела голова. Я покосился на него, успел мельком заглянуть в рот, где наверняка трепыхается язык без костей.

— Слушай, — сказал я резко. — Ты не жабу должен благодарить.

— А тебя? — с надеждой спросил парень.

— Даже не меня, — отозвался я. — Будь моя воля, бросил бы в городе, полыхай оно все Изумрудным лесом. Скажи спасибо Изабель и ее принцессовскому сердцу.

Шамко как-то сразу притих и осунулся. Краем глаза заметил, как опустились плечи, он печально вздохнул и отстал.

Я лягнул зубами и снова попытался сосредоточиться на делах. В голове забегали мысли, но такие хаотичные, что не могу ни одну даже за хвост ухватить.

— Что там он говорил? — пробормотал я, надеясь, если проговорю вслух, ум очистится.

Изабель снова услышала, она чуть приблизилась и напомнила робко:

— Болотник помогает тем, у кого чистое сердце.

— Странные у него понятия о добросердечии, — проворчал я. — Если считает отрывание голов, потрошение и прочие бесчинства благими поступками, то ладно. Тогда у нас взаимопонимание.

— Ты ему понравился?

Я пожал плечами и произнес:

— Выходит, что так, раз отогнал своих кикимор. Шаманы тоже хороши, могли бы хоть намекнуть, чем ему так услужил. Если они и правда не привиделись. Мало ли что от болотных газов померещится...

Я механически хлопнул по груди. Пальцы нащупали мягкое, на веревочке.

— Нет, — сказал я. — Не привиделись.

Паренек за спиной грустно вздыхает, шаркая ногами по непривычно твердой для него земле. Посапывает, как брошенный волчонок, пинает ногами коренья.

— Ладно, — бросил я через плечо, сорвав на ходу жменью ягод. — Не такой уж ты бесполезный. Вообще-то, даже наоборот. Вон как лихо с водомеркой управлялся.

Сзади не видно, но спиной почувствовал, как просиял Шамко.

— Я... я... — стал он заикаться, — я пригожусь!

Ягоды на ладони небольшие, красные, похожи на тонкокорые пузырьки. На некоторых остались черешки. Зажав одну между пальцами, посмотрел через шкурку на солнце. Свет прошел сквозь багровую мякоть, делая ягоду похожей на рубин.

— Уже пригодился, — ответил я, приняхиваясь к горстке в ладони. — Вообще-то думал, что сбежишь. Послышался топот, он поравнялся со мной.

— Ты как пригрозился выследить, — затараторил он, — я успел с жизнью попрощаться. У нас легенды знаешь какие про воргов ходят?

— Какие? — спросил я терпеливо и лизнул одну ягоду.

Парень всплеснул руками и прижал ладони к груди.

— Говорят, вы страшные звери, — проговорил он с опаской. — Крадетесь в ночи, похищаете детей из колыбелей, нападаете на одиноких путников. На одиноких тоже нападаете. Еще очень жестокие. Ну, так

говорят. Никого не щадите, даже слабых воров в собственной стае убиваете. Ну и обращаться можете в кого угодно.

Я отправил в рот одну ягоду. Сладко-горький сок растекся по языку. Почти спелая, хотя до холодов еще долго. Прожевал, проглотил. Несколько секунд прислушивался к ощущениям. Вроде рога не прорастают, зрение в норме, душа в теле. Не мертвячи кости, конечно, но есть можно.

— В общем-то, — сказал я, протянув горсть ягод принцессе, — правдивые легенды у вас.

Она вздрогнула, увидев перед лицом широкую ладонь, секунду непонимающе смотрела на ягоды. Затем полные губы растянулись в благодарной улыбке.

— Спасибо, — произнесла она скромно и сгребла пальцами калину.

— Ешь, — сказал я. — Неизвестно, когда получится нормально подкрепиться. В Абергуде ты голодовку устроила, на чем вообще держишься?

Она отправила сразу несколько ягод в рот. Нос скривился от горечи, даже глаз задергался, но принялась упорно жевать.

— Вкусно, — соврала она.

Я не удержался и хохотнул. Истинная леди, даже когда очевидная гадость.

— Вкусно будет, — проговорил я, довольно скалясь, — когда кабана зажарим. Ну, это тебе будет. А мне сырого положено.

Изабель улыбнулась, второй раз за все время. От этой улыбки будто солнце в груди засияло, а по венам пустили медовый настой.

— Не переживай за меня, — произнесла она, отправляя в рот очередную порцию ягод. — Я хоть не

ела, но успела подремать несколько минут. Даже ты приснился.

— Серьезно? — изумился я.

— Да, — сказала она. — Странно так. Я была какой-то маленькой. И все вокруг чужое, непонятные блестящие горы, какой-то портал. А потом пришел ты, погладил меня по голове, и все стало хорошо. Еще там был кто-то злой, но ты победил его. Не видела, но точно знаю, что победил.

От собственной откровенности щеки принцессы покраснели так густо, что даже на шею поползло. Она замолчала, делая вид, что сосредоточена на пережевывании горьких ягод.

Пока она боролась со смущением, я соображал, как это все могло произойти. Мысли с треском давно не смазанных шестеренок завертелись в голове, невидимые жернова пошли по кругу.

Я тряхнул головой, сильнее натягивая капюшон. Шестеренки и жернова мигом исчезли, вместо них появилась мордочка рыжей кошки. Она шевельнула усами и растворилась в потоке бессвязных мыслей.

Справа слышалось неуверенное покашливание. Я покосился. Шамко мнет пальцы, рожа любопытная, но заговорить не решается.

— Ну что? — спросил я, давая понять, что голову отрывать не стану и даже не укушу.

Он неуверенно промычал:

— Я спросить хотел.

— Спрашивай, — разрешил я, перешагивая кротовью горку.

— Ворг в любого зверя может перекинуться? — наконец поинтересовался он.

Я кивнул, Шамко нерешительно продолжил:

— А почему не перекинулся в водомерку? Ты мог такую скорость развить, гвардейцы даже понять бы ничего не смогли.

Я глянул на клонящееся к закату солнце. Раскаленный диск медленно ползет к горизонту, заливая степь оранжево-желтым светом. На востоке небо стало лиловым, когда светило скроется, оттуда поползет тьма.

Глядя на сияющий горизонт, я пояснил:

— Потому, что водомерка не зверь.

— Это как? — не понял Шамко и вытарашил глаза.

— А так, — проговорил я терпеливо. — Она козявка, хоть и очень большая. В козявку не перекинуться. Ну разве что с помощью магии. Но это не ко мне. Это, наверное, эльфы умеют. Или людские маги.

Парень снова замолчал. Видимо, обдумывает, чем козявка отличается от зверя. Я не стал объяснять, в чем разница, пускай подумает — ему полезно.

— А правда, что в полнолуние вы в чудовищ превращаетесь? — спросил он снова.

Я покосился на него, хотел гаркнуть, чтоб глупостей не говорил, но лицо парнишки искреннее и открытое.

— Ты с оборотнями перепутал, — ответил я, смягчившись. — Это они бесконтрольные. Вроде проклятых или заколдованных. А ворги — это раса такая. Усек?

Шамко кивнул, лицо приняло задумчивое выражение.

Уши уловили глухой скрежет, не сразу понял — откуда. Мои спутники ничего не заметили, похоже, звук может различить только зверь. Через несколько

секунд земля впереди вспучилась, появилась маленькая горка.

Слева донесся встревоженный вздох Изабель. Едва ли от такого крошечного холмика будет вред, но тут земля нежити — пес его знает, что здесь водится. На всякий случай отодвинул принцессу за спину.

Из вершины горки показался белый кончик, затем высунулась вся черепушка. По виду напоминает крысиную, только эта чуть приплюснута, значит, крот. Точнее, раньше был кротом.

Скелетик поднял костяные лапки и принялся усердно разгребать вход в нору. В провалах глаз мерцает еле заметный голубоватый огонек. Под местом, где должен быть нос, блестят два ряда резцов. По бокам клыки, такие длинные, что палец перекусить может.

Рядом обеспокоенно запыхтел Шамко. Так обеспокоенно, что мне тоже стало не по себе.

— Ты много знаешь о Мертвой степи? — спросил я паренька, обходя усердного скелетика.

Шамко скривился, как если бы уличили в том, что вместо выпаса водомеров весь день валялся на сеновале. Или на мхе, на чем-то же в Абергуде должны валяться.

— Не то чтобы... — нехотя проговорил парень. — Но если из земли вылезают скелеты, значит, уже прошли границу. А тут можно и на охотников наткнуться.

Я оторопело посмотрел на него, даже капюшон приподнял.

— Кого-кого?

— Не удивляйся, — произнес Шамко, на ходу вытирая нос рукавом. — Ильва трясется за каждый шаг

своей земли. Потому границы охраняют охотники. Зачарованная лично ею нежить.

— Сильно зачарована? — спросил я с сомнением.

Парень кивнул и сказал:

— Почти не убиваема.

У меня даже брови на лоб вылезли, пришлось собрать волю в кулак, чтобы не рассмеяться в лицо парнишке.

— Гм, — выдавил я. — Нежить, которую нельзя сожрать, это... Гм... Почему их никто не видел?

Земля снова вспучилась, выпуская на поверхность очередного крота-скелета. На этот раз существо оказалось под ногами у паренька. Тот недовольно пробурчал что-то под нос и пнул взрыхленную землю. Скелета благоразумно не задел — вдруг за сапог тяпнет.

— Дело в том, — начал пояснять парень, — что охотники не такие, как остальная нежить. Они зачарованы и не могут покинуть пределы Мертвой степи. Охотники патрулируют границы земель Ильвы, ловят чужаков. Их, сам понимаешь, немного. Сюда мало кто суется, а кто решается — не выбирают.

Солнце опустилось еще ниже, залив закатными лучами изумрудно-зеленую траву. Небо стало похоже на дощечку художника, где тот разводит краски. Оранжевые и красные цвета ближе к востоку превращаются в бледно-голубые, а затем и вовсе — в синие. Кротовьи холмики появляются все чаще, словно с приближением вечера выбирают на прогулку.

Редкие кусты поблескивают голубоватыми огоньками. Сначала думал — светляки, потом присмотрелся, оказалось, сами листья переливаются свечением. Тоже какая-то магия нежити.

Я глубоко вздохнул. Значит, охотники. Неуязвимая чудо-нежить, которая бродит где-то неподалеку, если парень, конечно, не выдумал.

Резкий кислый запах ударил в нос, я инстинктивно пригнулся, увлекая вниз принцессу и Шамко.

— Здесь кто-то есть, — сказал я, приняхиваясь.

Запах незнакомый и тревожный, даже шерсть под плащом дыбом встала. Ветер дует с запада, чутьем нас не обнаружить. Приблизившись к мерцающему кусту, я вслушался в вечернюю степь. До ушей донеслись глухие звуки шагов. Такие могут издавать лишь ноги, лишенные не только обуви, но и мяса.

— Что ты там говоришь об охотниках? — спросил я Шамко.

Глава 19

Плечи Шамко нервно затряслись. Я стукнул его по спине, чтоб взбодрился, хотя у самого по спине забегали мурашки, поднимая шерсть. Тот ойкнул и согнулся, словно его оглоблей огрели, в глазах обида и страх.

— Надо бежать, — сказал я, отодвигая мерцающие ветки куста.

Лицо парня вытянулось, он втянул голову в плечи и произнес затравленно:

— Но куда? Вся степь кишит нежитью. У абергудцев договор с нами, но действует только на болоте. Нас догонят и сожрут.

— Если будешь ныть, — пригрозил я, — я сам тебя сожру.

Для убедительности показал клыки и сдвинул брови. Парень испуганно отшатнулся, затем выпрямился и обреченно вздохнул.

Плянув на Изабель, понял, что на своих ногах далеко не убежит. Придется нести. Принцесса тихо взвизгнула, когда я забросил ее на плечо.

— Удобно? — спросил я. — А то вы нежные, сквозь десяток перин горошину чувствуете. Слышал, что так проверяют уровень принцесственности. Или это у эльфов?

Она промолчала, продолжая ерзать. Некоторое время пытала, пытаясь улечься так, чтобы плечи не давили в живот.

Наконец Изабель затихла. Я прижал к себе и осторожно повертел головой. Очередной порыв ветра принес порцию кислого запаха, шаги гнилых ног приблизились, но охотников все еще не видно.

— Вперед, — скомандовал я и побежал через широкую поляну, густо поросшую зеленью.

Сзади донесся безутешный стон Шамко, затем слышался топот и прерывистое дыхание.

Солнечный диск уже достиг горизонта и медленно погружается за край, бросая последние лучи на Мертвую степь. Небо постепенно сиреневеет, с запада наступают сумерки, непривычно лиловые. Все быстро преобразается, зелень покрывается синевой. Мерцание кустов усилилось, они стали похожи на природные фонари. На кротовые норы перестал обращать внимание — их уже не счесть.

Через полверсты трава поднялась до пояса, появились луговые цветы, которые один за другим раскрываются с приближением вечера.

— Я выдохся, — донесся из-за спины задыхающийся голос.

Чуть притормозив, обернулся. Лицо Шамко покраснело, к мокрому лбу налипли волосы, глаза на-

выкате. Бедняга, почти не отстал, это подвиг для абергудца.

— Надо спешить, — коротко сказал я. — Нельзя останавливаться. Чует мое нутро, ох чует...

Шамко наклонился, уперевшись ладонями в колени, и стал глотать воздух. Ребра ходят ходуном, щеки, как помидоры. Хлыст для погона водомеров распутался и торчит из-под доспеха, словно змеиное кольцо.

Немного отдышавшись, парень поднял голову и проговорил:

— Если нас обнаружили, уже не уйдем.

— Кажется, ты забыл. С вами ворг, — напомнил я, разворачиваясь в сторону степи.

Шамко простонал:

— Ты хоть знаешь, куда идти?

— Нет, — ответил я. — Но разберусь.

Изабель на плече зашевелилась, почувствовал, как маленькие ладошки уперлись в спину. Даже сквозь плащ стало тепло.

— Я кого-то вижу, — сказала она, приподнимаясь на плечах.

Обернувшись, я резко потянул носом. Но в воздухе лишь запах вечерних трав и могильной земли. Поток воздуха теперь с другой стороны, запах не уловить. Зато уши различили шаги.

Шамко запричитал так жалобно, что захотелось самолично швырнуть его в лапы охотникам. Только лучистый взгляд Изабель остановил.

— Ах ты ж, проклятье водяных! — стонал он. — С таким грузом далеко не убежишь. Нагонят, это к ведьме не ходи. Охотники неуязвимы.

Бред это, подумал я. У каждого есть слабое место, надо лишь знать — куда бить.

— Так, — сказал я, ставя принцессу в траву. — Вас спрячу, а сам уведу мертвяков по большой дуге. Раз они охотники, значит, идут по следу и не чувствуют запахов, как я.

Глаза Изабель округлились, она вцепилась мне в руку с такой силой, что едва не проткнула кожу острыми, как у кошки, коготками.

— Лотер, не бросай нас! — взмолилась она.

В васильковых глазах заблестела влага, левый зрачок вытянулся. Взгляд стал умоляющим, хоть сам бери и плачь.

Пару секунд я замороженно смотрел в глаза принцессе, понимая: если промедлю еще немного, спасти будет некого. Но теплые руки и кукольное личико оказались сильнее логики. Лишь когда на щеку сел здоровенный комар, я дернулся и отошел.

— Я вас не бросаю, — попытался успокоить я принцессу. — Ты пойми, с тобой на плече еще убегу. Но ты ж не дала бросить паренька. Теперь надо тащить до конца. А с ним точно не скрыться.

Изабель виновато посмотрела на меня, затем перевела взгляд на Шамко, который печально опустил плечи и вжал голову.

— Я не хотела, — проговорила принцесса тихо, — я не...

Изабель опустила взгляд и стала мять пальцы, как это делают провинившиеся дети. Я несколько секунд переводил взгляд с принцессы на паренька и обратно. Один выглядит как побитый пес в дождливую погоду. Даже нет — хуже. Как брошенный медвежонок. Они очень беспомощны, когда маленькие.

Другая — олицетворение вины и скорби. Рыжие локоны трепещут на ветру, грудь от волнения вздымается так высоко, что в вырезе мелькает зеленый камень. Еще немного — и вода по щекам побежит.

— Все, — сказал я резко. — Хватит рассусоливать. Надо шевелиться, иначе правда догонят.

— Но где здесь спрятаться? — не отступала Изабель.

— Хороший вопрос, — ответил я.

Вдалеке показалась черная точка. Если б не хорошее зрение, решил бы, что это просто какая-то козявка над травой. Изабель, видимо из-за кошачьего глаза, тоже заметила. Значит, времени у нас не так много.

Я пригнулся в траве, Шамко и принцесса последовали моему примеру. Мелькнула мысль выкопать яму, но тут же понял: не успею. На деревья тоже не забраться — маленькие, кривые.

Решение пришло неожиданно.

— В траве схоронитесь, — сообщил я отдельно.

Шамко вытаращил глаза.

— Чего? — не понял он.

— Не чего, — бросил я, — а в траве. Она высокая, даже меня скроет. А вы оба вообще козявки.

Парень не обиделся на козявку, только нервно сглотнул и покосился в сторону, откуда должны нагрянуть охотники-мертвяки. Изабель попыталась высунуть голову из зарослей, но стебли настолько длинные, что получилось только носом потянуться.

— А вдруг они наткнутся на нас? — спросила принцесса неуверенно.

— Согласен, — ответил я, — вариант рискованный. Но другого нет. Могу, конечно, остаться и встретить охотников лицом к лицу, но это плохая идея.

— Почему? — спросила принцесса.

— Дело даже не в том, что зачарованная нежить может убить, — проговорил я будничным тоном. — Но тогда никто не остановит Ильву. И есть еще одно.

— Что?

— Они заберут тебя.

При этих словах принцесса вздрогнула и посмотрела так, что захотелось выть долго и протяжно. Хрупкая, беззащитная девушка, совершенно бесполезная с точки зрения ворга. Случись ей родиться в стае, придушили бы еще в детстве. На худой конец, оставили бы в лесу, предоставив возможность выживать, если дадут боги.

Я посмотрел ей прямо в глаза, один из которых все еще кошачий. Взгляд переполз на белоснежную шею, вокруг которой колышутся огненные локоны. Невольно скользнул по вырезу. Ткань местами топорщится, приоткрывая на удивление аппетитные для такой худышки полушария.

С ощущением безнадежности я наконец понял, что произошло. В груди защемило от сладкой тоски и одновременно печали, потому что до тех пор, пока ворг не нашел себе пару, он свободен.

Я шагнул к принцессе, взяв за плечи, посмотрел в лицо.

— Вас никто не найдет, — пообещал я так, словно этим могу обезопасить. — А если найдет, клянусь собственным оборотом, перекопаю всю Мертвую степь вместе с нежитью и верну.

Кажется, она поверила, потому что кошачий глаз снова стал человеческим, а щеки покрылись легким румянцем. Я чуть не застонал — как давно не видел этого румянца.

Рядом послышалось легкое покашливание. Оглянувшись, увидел изумленные глаза Шамко. По лицу ясно — его обещания не впечатлили. Но это не важно, главное — принцесса доверяет.

Я приподнялся над травой. Теперь уже три черные точки маячат на горизонте. Все еще далеко, но если приглядеться, можно различить фигурки.

— Перенесу вас подальше от следа, — сообщил я.

С этими словами повернулся спиной к Изабель, чтобы она не видела моего лица. Клыки моментально вытянулись, руки удлинлись вместе с пальцами и когтями. С такими хорошо не только рвать врага, но и опираться при беге. Холку выгнуло дугой, но под плащом не видно, как дыбится шерсть.

— Садись, — сказал я принцессе охрипшим голосом, выглядывая из-под капюшона. — Держись крепко.

Она чуть отшатнулась, но через секунду уже вскарабкалась на спину и крепко обхватила меня ногами. Тонкие пальцы вцепились в плечи, как маленькие крючки. От ее тепла и сладкого запаха помутился ум. Чуть не забыл, где нахожусь, зачем и почему. Рыжий локон свесился у края капюшона. Хотел понюхать его, но голос Шамко привел в себя.

— Мне кажется, — проговорил он, выглядывая из травы, — на горизонте появились фигуры.

Человечье зрение хуже ворговского. Если даже парень их заметил, значит, уже совсем близко.

— Готова? — спросил я.

Принцесса кивнула, шурша волосами о капюшон.

— Тогда вперед! — хрипло скомандовал я себе и сиганул с места.

Чтобы не оставлять лишних следов, пришлось прыгать без разбега, а это даже для зверя непростая задача. Но следующие прыжки дались легче из-за разгона. Лишь когда пробежал полверсты, остановился.

Солнце наконец провалилось за горизонт, на сиреновом небе зажглись несколько звезд. В такое время видно только самые яркие. В быстро сгущающихся сумерках появились голубоватые светляки.

Трава тут еще выше, даже мне до груди доходит. Рядом несколько деревьев, маленькие, но в сумерках крона замерцала синевой, почти как в Изумрудном лесу.

Изабель аккуратно сползла с меня и остановилась возле одного из них.

— Жди здесь, — приказал я. — Из травы не высывайся. Не знаю, видит ли нежить в темноте. Но проверять не хочу.

Она быстро закивала, а я тем же путем помчался обратно, стараясь приземляться ровно на то место, куда уже наступал.

Когда прибыл, обнаружил Шамко, сидящего в траве. Парень обхватил колени и уткнулся лбом, будто смирился с участью. Он медленно покачивается и что-то бормочет.

— Молишься? — спросил я рычащим голосом.

Он вздрогнул, словно не слышал моего приближения, лицо искривилось в гримасе ужаса. Через секунду он выдохнул и проговорил с облегчением:

— Я думал, это нежить.

— Угу, — буркнул я, разворачиваясь спиной. — Нежить с горящими глазами.

Парень неловко вскарабкался мне на спину. Костлявые колени уперлись под мышки, в шуплом парнишке оказалось достаточно силы, чтобы сдвинуть ребра. Я недовольно зарычал, парень запоздало спохватился и ослабил давление.

— Просто вас долго не было, — пояснил Шамко, цепляясь за воротник.

Застежка больно впилась в шею, я зарычал и рванул вниз. Она звякнула, но выдержала.

— Аккуратней, бестолочь, — гаркнул я — За плечи держись. Или задушить пытаешься? Так я мигом разберусь.

— Что ты! Что ты! — поспешно проговорил перепуганный парень. — Извини. Просто не доводилось ездить на ворге.

— Вот и не привыкай, — сказал я сурово и изговился для прыжка.

Шамко вцепился в плечи и проговорил вдохновенно:

— Кому Расскажи — не поверят!

— Попробуй только, — пригрозил я, отталкиваясь от земли. — Тогда точно голову оторву.

Черные точки на горизонте размылись из-за сумерек, теперь толком не видно — близко или далеко. Но расстояния еще хватает, чтобы успеть перебить следы.

Я пронесся след в след и остановился возле деревьев. Не дожидаясь, пока Шамко очухается, скинул со спины.

Изабель сжалась комочком под деревом в траве. Два синих светляка кружатся над головой и норовят примоститься в огненной шевелюре. Я отогнал козявок прочь, чтобы не привлекали внимания.

— Сидите здесь, — сказал я. — Тише мышей. Я вернусь, как только уведу их на достаточное расстояние.

Шамко отполз к дереву и прислонился спиной к стволу, будто только что не верхом ехал, а с утопленниками бился.

— Возвращайся скорей, — сказала Изабель дрожащим голосом.

Белая кожа принцессы в свете мерцающего дерева показалась фарфоровой. В глаза постарался не смотреть, потому что в сумерках они стали казаться бездонными. Пришлось остановиться на вырезе.

Еле удержался, чтобы не обнять ее. Если б стая узнала, какие мысли посещают ворга, изгнали бы. Одно дело — таскать деревенских девок на сеновал, другое — думать о том, о чем думаю я.

Чтобы не испытывать судьбу и себя вместе с ней, я резко развернулся и огромными прыжками понесся через поле. На бегу приходится поглядывать в сторону берега, откуда медленно, но верно приближаются охотники.

Сумерки быстро перетекли в ночь. Перепрыгивая кротовьи норы, я крутил головой, даже в небо успевал таращиться.

Там уже вовсю горят звезды. Месяц молодой, не особо светит, так что можно не бояться быть замеченным. Да и тучки вон ползают.

Из травы повылезали светящиеся букашки, кусты и деревья засверкали еще больше. Когда добрался до места, откуда забирал спутников, ночной воздух заполнили мерцающие голубоватым сиянием точки. Среди синеватой травы и искрящихся кустов выглядит очень магично.

Я тряхнул головой, выгоняя посторонние мысли, и оглянулся.

Три точки на черном горизонте превратились в головы с блестящими в свете месяца черепушками. Ворговское зрение позволило разглядеть угрюмый оскал отвисших челюстей и провалы в глазницах.

Я раздраженно скривился, не веря, что убегаю от нежити. Во рту стало горько и противно от одной лишь мысли, что об этом могут узнать в бывшей стае. Злясь на себя, я лязгнул зубами и глянул под ноги.

Пришлось изрядно потоптаться, чтобы замести следы Изабель и паренька. Для пущей убедительности упал на спину и несколько раз прокатился туда-сюда. Даже если видели три следа в начале, то здесь их попросту не найдут.

Отплевавшись от синей травы, я поправил сбившуюся набок лацерну. Затем вскинул голову, стараясь, чтобы капюшон не свалился, и издал самый узнаваемый звук ворга:

— Ау-у-у, Ау-ау-ау-у-у-у!

Вой получился отменным. В памяти на секунду промелькнули картинки, в которых залезешь на холм и затягиваешь песню на полночи. Другие звери начинают отвечать в тон. Дикий хор разливается над лесом, очищая мысли и душу.

Я досадливо вздохнул и опустил голову, мгновение воспоминаний испарилось, как вода с жабьей спины.

Со стороны охотников послышалось оживление, уши различили топот костяных ног, раздались приглушенные голоса.

Колени согнулись, изготавливаясь для прыжка, когти уперлись в землю, усиливая сцепку с поверхностью. Я зарычал, как пробудившийся от спячки мед-

ведь, и оттолкнулся. В полете успел разобрать слова мертвяков.

— Я же говорил — ворг! — хрипел один. — А ты все: «Люди, люди...»

— С ним люди! — отозвался другой.

— Нет с ним никого, — рявкнул первый, — ворги умеют запутывать следы.

— Заткнитесь! — крикнул третий. — Я вижу его! Он убегает!

Я ухмыльнулся про себя. Трава и кусты замелькали по сторонам, рыхлая земля тихо ударяется в конечности. Пожалел, что не успел перекинуться волком, но потом подумал о штанах, лацерьне и смирился.

Из-за скорости светлячки и мерцающие растения превратились в яркие полосы. Иногда нерадивые козявки попадают в лицо, только отплевываться успеваю. Один светляк больно врезался в глаз. Роговицу обожгло, чуть не споткнулся об очередной кротовый холмик.

— Да чтоб тебя пауки сожрали! — прорывал я, переходя на три конечности, потому что левой рукой пришлось выколупывать горе-козявку.

Стараясь не врезаться в кусты, усердно тер кулаком глаз. Светляк, похоже, тоже не особо рад ситуации, перепугался и вцепился в мякоть всеми лапками. Вытаскивать на бегу из глаза жука, размером с горошину — задача непростая. Была бы рядом Изабель — мигом бы вынула своими тоненькими пальчиками. А вместо этого пытаюсь выдавить его, как прыщ на лице человеческого подростка.

От неравномерной нагрузки правая рука устала. Ругаясь и рыча, я остановился.

Светляк ощутил перемену, маленькие лапки заскользили по роговице, вызывая массу отвратитель-

ных ощущений. Будто червяк в голове ползает. Шерсть встала не только на холке, но даже на голове, хотя там не шерсть, а волосы. Но тоже встали.

Я зарычал и не придумал ничего лучше, чем просто прижать пальцы к роговице. Нежную поверхность запекло — руки в земле и бог еще знает в чем.

Скользнув по главному яблоку, пальцы наткнулись на шевелящийся комочек, который зачем-то лезет к зрачку. Когда в глазу засияло синим, понял: жук еще и светляк. Недолго думая, сжал пальцы и рванул от себя.

Послышался еле уловимый чмок, глазу моментально полегчало, даже печь перестало. В ладони остался несчастный жук со склеенными крылышками. Козявка беспомощно шевелит лапками, пытаясь перевернуться со спины на живот, но ничего не выходит.

Со злости хотел раздавить наглую тварь, уже занес ладонь, чтобы прихлопнуть. Но он так отчаянно замерцал брюшком, что стало жалко.

— Катись отсюда, — прорычал я жуку и швырнул в траву.

Светящееся пятнышко скрылось в зарослях, а я оглянулся, проверяя, как далеко успел уйти от охотников.

Их головы снова превратились в точки. Я опять сорвался с места, в этот раз натянув капюшон посильнее. А то козявки хоть и красивые, вон как светятся в ночи, но останавливаться и колупаться в глазах каждый раз, когда одна из них не справится с управлением, совсем неохота.

Не знаю, сколько пробежал, но когда впереди показались сияющие голубые шары на земляных ножках, решил, что пора поворачивать. В темноте они похо-

жи на обычные фонари для освещения дороги. Стоят по две-три штуки примерно через каждые полверсты. Вряд ли нежить нуждается в подсветке. Это что-то другое, особенно если учесть, что под ними сидят мертвяки и мирно беседуют.

Стараясь оставаться незамеченным, я совершил широкую дугу, чтоб охотникам сразу не было понятно, повернул или нет, и кинулся в обратную сторону.

Ветер дует сбоку, поэтому отследить направление по запаху не получается. Но чутье безошибочно подсказывает, куда бежать.

Я пошел значительно правее следа, по которому направил охотников. Спустя некоторое время ветер принес легкий кислый запах. Значит, они примерно на одной широте со мной, а Изабель близко. Нежить передвигается медленно, я намеренно совершал хаотичные прыжки, чтоб было сложнее понять направление.

Я повернул назад. Преодолевая заросли синей травы и мерцающих кустов, которые с этой стороны поля встречаются гораздо чаще, наконец увидел вдалеке три одиноких дерева с сияющими листьями.

Оставшееся расстояние преодолел за несколько широких прыжков.

— Изабель, — прошептал я, замерев на полусогнутых.

Под деревьями оказалось пусто. В груди тревожно сжалось, сердце, до этого бешено колотившееся от бега, замерло вместе с дыханием.

— Шамко? — позвал я во второй раз и приготовился перекопать землю вокруг деревьев.

В зарослях травы тихо зашуршало, из-за синих стеблей показалась рыжая макушка. Я облегченно выдохнул и подскочил к принцессе.

— Ты чего не отвечала? — спросил я, ставя девушку на ноги.

Васильковые глаза сонно посмотрели на меня. Она ласково улыбнулась и, зевая, прикрыла рот ладонью.

— Я задремала, — сказала она виновато.

Я ушам не поверил.

— Как можно спать, когда вокруг такое? — проговорил я.

Принцесса потеряла кулачками прекрасные глазки и потянулась. Грудь чуть высунулась из камзола вместе с зеленым камнем. Я, как нормальный ворг, уставился на декольте.

— Измоталась, — проговорила девушка сонно. — Уже не понимаю, где враги, где друзья. А в этой траве так и тянет вздремнуть, укрыться мягкими листьями.

— Ладно, — сказал я, втайне радуясь, что все хорошо. — А Шамко где?

Изабель снова потеряла кулачком глаз и указала в траву.

— Он тоже спит? — изумился я.

В ответ из зарослей послышалось тихое сопение. В глотке заклокотало. Волна праведного гнева прокатилась по спине и заставила глаза гореть багровыми фонарями, такими, как в тавернах Межземья.

Приблизившись к траве, я раздвинул стебли. На земле, поджав колени к груди, скрутился Шамко, ладони по-детски подсунуты под щеку. Губы надулись, словно в трубку дует.

Я наклонился над самым ухом и прорычал:

— Утопленники!

Шамко дернулся и подскочил, едва не стукнув меня макушкой в бороду. Еле отпрыгнуть успел.

Глаза паренька бешеные, еще не видит, где находится, в голове сонная дымка. Несколько секунд он таращился на меня, затравленно вертел головой, сжимая и разжимая пальцы. Затем взгляд постепенно прояснился. Он вытер лоб тыльной стороной ладони и выдохнул:

— Напугал...

— Надеюсь, — ответил я.

Шамко тряхнул головой, окончательно приходя в себя, и вылез из травы.

Глянув на Изабель, увидел, как она аккуратно поправляет перекрутившийся камзол и отряхивает штаны. Заметив, что наблюдаю, принцесса смущенно улыбнулась и подтянула вырез вверх. Зеленый камень скрылся за краем камзола.

— Какого лешего вы спать улеглись? — сурово спросил я, даже не зная, к кому обращаюсь.

— Мы сначала не собирались засыпать, — приблизившись ко мне, ответила Изабель. — Просто светлячков было очень много. Все роились над головой, на лицо сесть пытались. Я подумала, что так нас могу обнаружить. Вот и спрятались в траве.

— Ага, — подтвердил парень. — А потом так навалилось да так разморило... Даже не понял, когда отключился.

Мне все это не понравилось. Не должны путники засыпать посреди дороги, особенно в землях нежити. Даже если они люди.

Я окинул критическим взглядом принцессу, затем перевел на паренька. Выглядят нормально, даже выпавшимися. Разве что глаза мутные, но это всегда после сна бывает.

— Так, — сказал я. — Больше привалов не будет.

Глава 20

Пришлось снова вернуться к месту, откуда начал запутывать следы. Пришлось потратить на это время, чтобы сильнее запутать охотников, когда те доберутся до деревьев и обнаружат мини-стоянку.

Ночь вступила в полноправное владение. Хоть тучи скрыли месяц, над степью легкое синеватое мерцание. Местные светляки и еще какие-то сияющие козявки, которых прежде не встречал, порхают над головой, все норовят сесть на плечи. Кусты и деревья искрятся, освещая голубым сиянием ночные поля.

Мы быстро двигались в глубь степи, периодически натываясь на свежие следы.

— Вот это размах, — восхищенно проговорил Шамко, когда в очередной раз увидел вмятины в земле.

Я лишь отмахнулся и проговорил:

— У меня не самый широкий ворговский прыжок. Дед действительно мог похвастаться. С разбега перепрыгивал двух лошадей, поставленных гуськом.

Изабель поспевает рядом и что-то тихо шепчет порхающим светлякам. Козявки чувствуют, что она добрая, лезут в ладони и садятся на голову. От этого кажется, что на принцессе сияющая корона. Рыжие волосы загадочно подсвечиваются синевой и колыхаются от ветра.

— Ты не слишком позволяй им лазить по себе, — предупредил я. — А то подсветят тебя, когда будешь в кустах прятаться.

— А зачем мне в кусты? — невинно спросила Изабель.

Я хмыкнул. Хорошо, что за капюшоном не видит моей ухмылки. Рассказал бы я, принцесса, зачем тебе в кусты. Но вместо этого сострил.

— Ну, знаешь, — протянул я, — принцессам иногда надо в кусты по своим принцессиным делам. Хотя, конечно, не только принцессам. Всем надо. Но вам — особенно.

До девушки медленно дошло, о чем речь. Даже ночью в бледном свете деревьев и козявок увидел, как густо покраснели щеки и шея. Девушка механически подтянула камзол и поправила волосы. Стайка светляков испуганно разлетелась, когда она провела ладонью по волосам, но видя, что убивать их никто не спешит, снова собрались у нее над головой.

Очередная нерадивая козявка с лету врезалась мне в грудь. Я смахнул запутавшееся в волосах существо. Пальцы наткнулись на маленький мешочек.

— Что это? — спросила принцесса, заметив, как тереблю шнурок на шее.

— Да так, — отозвался я. — Шаманы дали, правда, не сказали, как пользоваться.

Она немного помолчала, затем произнесла:

— Шаманскими подарками надо пользоваться в тот момент, когда больше ничего в голову не приходит.

— А ты что, знаток шаманов? — поинтересовался я, укрыв мешочек краем лацерны.

— Нет, — смутилась она. — Но почему-то думаю, так положено.

Не знаю, сколько шли. Когда бежал от охотников, казалось, прошло всего несколько мгновений, а теперь ощущение, что расстояние вытянулось, а мы буксуем на месте. Спустя вечность вдалеке появился первый шар на земляной ножке.

Я указал на сияющую сферу, под которой, закинув руки за голову, разлегся мертвяк.

— Вон, смотрите, — проговорил я, чуть пригибаясь. — Эти штуки дальше по всему пути стоят.

Изабель зачарованно распахнула глаза. Вообще-то, шары красивые, если забыть о том, что вокруг нежить, смерть и хаос.

Шамко прищурился, несколько секунд на лбу плясали морщины. Парень так усиленно думает, что слышно, как трутся друг о друга извилины.

— Вспомнил! — выдохнул он и тут же зажал рот ладонями, озираясь по сторонам.

Я тоже повертел головой, готовый в луче внезапной атаки рвать и грызть. Но вокруг спокойно. В траве шумит ветерок, слышно тугое дыхание Шамко, если очень прислушаться, можно разобрать сердцебиение Изабель. Только светляки порхают туда-сюда, как безумные стрекозы.

— Какие мысли посетили твою болотную голову? — спросил я паренька, вглядываясь в территорию вокруг шара.

Шамко опустил руки, он еще раз оглянулся, убеждаясь, что его восторженный вопль остался незамеченным, проговорил:

— Это знаменитые сферы Ильвы.

— Что-то я о них не слышал, — бросил я глухо.

Паренек неловко повел плечами и почесал лоб.

— Ну, понимаешь, — начал он, — они знамениты в Абергуде. В смысле, о них знают, потому как взаимодействуем с нежитью.

— Да уж как же, — пробубнил я.

— Как известно, — продолжил Шамко невозмутимо, — мертвяки возрождены темнейшестью с помощью ее же сил. Каких — никто не знает. Но чтобы поддерживать жизнь в телах, им необходимо регулярно подпитываться из этих сфер.

Я едва удержался, чтобы не дать ему подзатыльник, присутствие принцессы помешало. Хотя лапы чесались и в когтях зудело.

Оттолкнув навязчивую козявку, которая набралась смелости и пытается сесть на плечо, я проговорил:

— Можно подумать, королева нежити обладает широкой душой. Понятное дело, для своих полутрупов сделает все. Только при этом пострадает мир. А чтоб остальные не роптали, превратит их в нежить.

Я покосился на мертвяка вдалеке под шаром. На подгнившей роже удовлетворение, глаза закрыты, хотя одно веко смыкается не полностью из-за перекошенной щеки.

Он закинул ногу на ногу и поскреб костлявыми пальцами ребра.

— Не пойму я, чего ломаются к нам в земли? — проговорил я задумчиво. — Тут все условия: темнота, светляки, шары. Сама Ильва защищает.

Шамко набрал побольше воздуха, видимо готовясь к очередному рассказу про Мертвую степь, Абергуд и Великую Жабу, но я вскинул ладонь. Он выдохнул с шумным свистом, словно лопнувший шарик.

— Слушай, — спросил я озадаченно, — за счет чего живет нежить, которая в Восточные земли перебралась?

Шамко посмотрел, словно я спросил, зачем надо убегать от роцеры или почему нельзя прикасаться к воде, где сидят утопленники.

Пока он соображал, как лучше объяснить мне очевидную, на его взгляд, вещь, я повел их вокруг сферы с мертвяком. Выглядит безобидным, а пахнет — аж слюни текут, пришлось зажать нос, чтобы вернуть трезвость уму.

— Понимаешь, — начал пояснять парень, когда миновали опасное место, — по закону Мертвой степи любая нежить может покинуть ее и отправиться куда глаза глядят. Но мертвяк должен понимать: чем дальше от Ильвы, тем беззащитнее.

— Еще бы, — ухмыльнулся я.

Шамко продолжил:

— Чтобы не превратиться по дороге в мумию, он берет с собой часть силы у одной из сфер. Некоторые в колбах на шее носят, другие — в заплечных мешках. Когда требуется подпитка, достают и обновляются. В любом случае однажды им приходится возвращаться за восполнением.

Я вспомнил, сколько раз, разрывая нежить, находил в них небольшие стеклянные сосуды с чем-то мерцающим. Мертвяки до самого последнего пытались спрятать, сохранить склянки. С теми, у кого они оказывались почти пустыми, справляться было легче всего.

По мере продвижения в глубь степи сферы на ножках стали появляться чаще. Пришлось обходить по

самому краю освещения, рискуя быть замеченными праздной нежитью.

Мертвяки в привычном для них месте даже мирными кажутся. Больше всего удивляют полутрупы, лежащие на спине с устремленными в небо взглядами.

Об охотниках на некоторое время забыли. Я постарался, чтобы они надолго застряли, бродя по кругу в поисках вора, у которого хватило наглости так далеко забраться в земли нежити.

Изабель наконец разогнала своих светляков. Идет рядышком, тихо, как мышка. Иногда цепляется за край плаща и шепчет:

— Извини, тут нора.

Я понимающе киваю и подаю руку. Человеческой женщине важно знать, что ей помогут, спасут и защитят. Хотя и нечеловеческой тоже.

Когда миновали очередной пост с мертвяками и сферами, которых в некоторых местах по три штуки, я заметил в темноте новое свечение.

Пригляделся. Глаза различили вполне человеческие фигуры, водящие хоровод вокруг зарослей ковыля. Эти фигуры можно назвать нормальными, если бы не полная прозрачность и не мертвенно-бледный свет. Вдобавок парят над землей.

— Глядите, — сказал я и указал на хоровод призрачных фигур.

Шамко и Изабель одновременно оглянулись. Тонкие брови принцессы заинтересованно поднялись, она округлила глаза и произнесла:

— Они такие красивые. Будто из воздуха.

Шамко же, наоборот, испуганно вжал голову в плечи, губы исказились от страха. Плечи затряслись, он

обхватил их руками, стараясь унять дрожь, но в итоге задержался весь.

— Красивые, говоришь? — сказал он, запинаясь. — Если попадешься к этим красивым — всю душу вытянут. Поминай как звали. Это фантомы Мертвой степи. Еще одни дети Ильвы.

Мы поспешно удалились от смертоносного хорова. Вдалеке показались силуэты, отдаленно напоминающие горы. Хотелось бы верить, что это Ир, но чутье говорит, он принадлежит рукотворному строению, хоть и мало его напоминает.

— Шамко, — обратился я к пареньку, пока выдалась спокойная минутка между постами с нежиться, — ты откуда о них столько знаешь?

Он даже улыбнулся, довольный хоть и незаметной, но похвалой. Отмахнувшись от мерцающей козявки, которая решила, что можно приземлиться ему на нос, парень проговорил:

— Моя тетка служит у библиотекаря Абергуда.

Я раскрыл рот, даже под капюшоном заметно.

— У вас еще и библиотеки есть? — не поверил я.

Он кивнул.

— Есть. Пока был маленьким, матери приходилось много работать, а оставить меня было не с кем. Вот и отдавала сестре, — сообщил парень буднично. — Та садила меня на стул в читальном зале и наказывала ничего не трогать.

— А ты трогал, — догадался я.

Парень кивнул и сказал:

— Все трогал. Однажды, пока тетка копалась в кладовке, меня обнаружил библиотекарь. Хотел высечь и меня, и тетку. Но увидел, как листаю книги, — и предложил научить читать. Я перелопатил пол-

библиотеки. В основном были книги по готовке, травничеству, военному делу. В общем, куча ерунды. Но про историю и народы читал взахлеб.

Я внимательно выслушал паренька. И одобрительно хлопнул его по спине, он трепыхнулся, как тряпка на ветру, но на лице появилась улыбка, слабая и преданная. Если поднатаскать, мяса нарастить и научить держать язык за зубами — получится дельный умелец. Самое место в Центральных землях.

Силуэт в темноте вырос. Через некоторое время проступили детали. Как и предполагал, сооружение оказалось рукотворным. Руины огромного замка расстелились на полверсты в обе стороны. Гигантские камни, из которых когда-то складывали стены, одиноко валяются в траве. Кое-где навалены целыми кучами.

Острый слух уловил шум и голоса. Прислушался — мирные разговоры, словно здесь у нежити что-то вроде деревни. Любопытство до такой степени засвербело, что аж пятки зачесались. Стараясь держаться осторожно, мы приблизились к руинам замка.

Вблизи камни оказались еще больше. Покрытые мхом стены действительно похожи на горы. Я выглянул из-за валуна, натянув капюшон до самого носа. Гнев давно прошел, поэтому облик у меня вполне человеческий. Даже несмотря на небольшую щетину, ворга во мне не узнать.

Возле самой стены тлеет небольшой костерок, скорее для вида, чем для дела. Жарить нежити некого, да и греться нет надобности.

Возле костерка сидят шестеро мертвяков и о чем-то спокойно беседуют. Рожи те еще: у кого глаза съехали, у кого нос провалился. Один вообще без челюсти.

Язык нелепо отвис до самой груди. При каждом слове из самой глотки вылетают нечленораздельные звуки. Но остальные кивают, видимо, понимают.

Я решил утащить одного и с пристрастием допросить, чтобы облегчить дорогу. Несколько секунд высматривал кого-нибудь подходящего, чтоб подальше от основной толпы и поближе к стене. В темноте ворговский глаз видит хорошо, но в человеческом облике — недостаточно. Приходится шуриться и нюхать воздух.

Наконец удалось сосредоточить зрение. Чуть дальше от костра на камне сидят две нежити женского пола. Почему-то казалось, женщина мертвяком быть не может.

— Мирная нежить? — спросил я паренька не обращаясь.

Тот осторожно высунул нос из-за каменного края и с любопытством стал разглядывать мертвяков.

— Ага, — сказал он. — В целом мирная. В степи обычно остаются новообращенные, женщины ну и те, кто не рвется за приключениями.

— Как и у других, — бросил я задумчиво.

— У кого это? — не понял Шамко.

Я остановил взгляд на сфере. Сияющий шар вертится на земляном столбике поодаль от всех. Развалины стены скрывают его от сидящих у костра.

Изабель тоже выглянула и тихо ворочает васильковыми глазками. Левый зрачок вытянулся от нервов, от прически осталось лишь название, но все равно старается держаться достойно. Спину выпрямляет и поднимает подбородок, когда вспоминает, что принцесса.

— Какая красота, — неожиданно прошептала она.

— Ты о чем? — спросил я.

Девушка уставилась на сияющую сферу. Показалось, в глазах отразился голубоватый свет, хотя на таком расстоянии это невозможно.

— Шар, — сказала она. — Он удивительный. Как будто кусочек солнца. Или нет, скорее — луны.

Последние слова прозвучали так, что захотел показать ей его поближе. В голове моментально нарисовался план, в котором я уже прошел за стену, чтобы изловить мертвяка, а принцесса рядом зачарованно таращится в шар и благодарит меня на все лады.

Я окинул взглядом поляну с нежитью, прикинул, как близко можно пройти от освещенного круга и стоит ли вообще опираться на свет. Потом заметил справа небольшой валун, он перекрывает свет костра, где можно пройти незамеченными.

— Так что там у других? — спросил Шамко горячим шепотом.

Секунду вспоминал, о чем говорили с ним, затем в голове проступили детали диалога.

— Я говорю, у всех народов в деревнях остаются женщины и дети, — сообщил я пареньку, осторожно продвигаясь вдоль камня. — Ну, и немощные всякие, пока главы семейств ходят за добычей.

— Вот ты о чем... — протянул парень. — А ты куда?

Шамко опустил за камень и прижался к земле. Синяя трава полностью его скрыла, только испуганное лицо торчать осталось.

— Да вот, — бросил я шепотом, — сферу хочу посмотреть.

Посвящать паренька во все планы не стал, все равно не поймет, отговаривать начнет. Изабель, услышав про шар, просияла и едва удержалась, чтобы не захлопать в ладоши. Но тут же лицо омрачилось.

— Там ведь нежить, — произнесла она с тревогой, — если попадемся...

Я отмахнулся, пригнувшись в траве, двинулся параллельно развалинам. Пришлось несколько раз делать разные жесты руками, чтобы наконец поняли, что им надо следовать за мной.

Издав еле различимый стон, Шамко пополз на четвереньках по следу в траве, боясь поднять голову, хотя при таком росте в зарослях его вообще не видно. Изабель напротив — тиха как мышь. Пригнулась, как я, и быстро приблизилась, проделав в траве собственную дорожку.

Пока крались по краю развалин, из земли с протяжными стонами вылезло несколько мертвяков. Сидящие у костра замахали костлявыми руками в приветственных жестах.

Прислушавшись, я смог разобрать слова.

— С прибытием в Мертвую степь, новорожденные, — произнес мертвяк с проваленным носом. — Да славится Ильва, да хранит ее вечная тьма.

— Да хранит ее вечная тьма, — хором повторили остальные.

Где-то в глубине памяти мелькнуло: я недавно слышал это приветствие. Но мысль показалась незначительной, и я выгнал ее поганой метлой.

Мы наконец добрались до края стены. От угла льется голубоватый свет и отражается на гранях камней, куда не добрался мох. Из травяного укрытия был прекрасный обзор, теперь же стена закрыла вид на костер, но и нас укрыла от посторонних взглядов.

Выбравшись из травы, я быстро огляделся, проверяя — нет ли поблизости угрозы. Фантомы остались

далеко позади, мертвяки что-то неразборчиво бормочут за стеной.

Я помог Изабель подняться. Она одарила меня благодарным взглядом, одергивая камзол. Шамко справился сам.

Вблизи Сфера Ильвы кажется яркой, словно луна в летнюю ночь. Шар завис над земляным столбом, а вовсе не опирается на него, как казалось издали. Голубые и белые волны плавают по поверхности, создавая ощущение, что она живая. Где-то в глубине пульсирует белая точка, тонкие лучи разлетаются в разные стороны, делая сферу похожей на ежа, со щупальцами вместо иголок.

Принцесса замороженно смотрела на шар, пока я наблюдал за ней, одновременно следя за обстановкой. Сфера настолько притягивает, что даже вечно дрожащий Шамко вытаращился и хлопает ресницами с открытым ртом.

Видимо, меня шар тоже увлек, потому что рядом неожиданно раздался низкий, чуть хриплый голос:

— О, вы тоже хотите испытать?

Я резко развернулся и замер, не зная, как поступить — накинуться и разорвать или ответить.

Совсем молодая нежить-девушка, почти не тронутая гнилью, застыла возле стены с распахнутыми глазами. Черные после превращения радужки слились со зрачками, белки посерели, отчего взгляд приобрел если не загадочность, то мертвенность точно.

Одежда незамысловатая. Нежить обычно не заботится о внешнем виде, но на почти свежем теле нагрудная и набедренная повязка выглядит вызывающе.

В голове пронесся поток противоречивых мыслей, они сталкивались и перемешивались, образуя новые

пары. Снова разваливались и мчались дальше, даже не давая толком понять, о чем они. Но одна оказалась вполне четкой: вид у мертвячки аппетитный.

Шамко и принцесса застыли в нерешительности, бросая на меня дикие взгляды. Я в ступоре помычал под нос, затем почесал лоб. Нежить ведет себя опрометчиво и дружелюбно настолько, что даже молодой ворг поймал бы.

— Вы новорожденные? — спросила она, подходя к сфере.

Только теперь до меня дошло. Мертвячка новообращенная и пока не знает, кто есть кто. И воргов, видимо, не видела.

Она погрузила бледные пальцы в шар, голубоватый поток плавно потек в нее сквозь кисть и растворился где-то в районе груди. В животе тихо, но настойчиво заворчало.

— Я уже выбрала себе занятие, — сообщила нежить, отрываясь от шара.

— Какое? — спросил я хрипло.

Изабель испуганно покосилась на меня и едва заметно покачала головой.

— Травница, — гордо произнесла мертвячка. — Буду собирать сон-траву и разную другую.

— Достойное нежити дело, — ухмыльнулся я, чувствуя, как начинают удлиняться клыки.

Рядом громко сглотнул Шамко. Он незаметно приблизился ко мне и едва слышно пролепетал:

— Дело рискованное, за стеной толпа нежити.

В глотке заклокотало, едва удержался, чтобы не накинуться на мертвячку прямо на глазах у принцессы и паренька. Пришлось заполнить мысли проверенны-

ми загонами лосей, но хищник все равно стал постепенно выходить наружу.

— Я Саелли, — представилась новорожденная. — А вы такой суровый. Сильные волосатые руки, грозное лицо. Возле костра все такие костлявые. Если бы вы оказались рядом с моей норой, я бы не чувствовала себя в безопасности.

— А где твоя нора, Саелли? — спросил я хрипло, понимая, что еще немного — и мои спутники станут свидетелями зрелища, которое в жизни не забудут.

Стараясь хоть как-то привести мысли в нужное русло, попытался сконцентрироваться на допросе. Постарался мыслить трезво: мертвячка новообращенная, допытываться, где гора, — пустое занятие. Нужен кто-то бывалый, но из-за нежити, которая не понимает, что разговаривает с собственной смертью, выманить никого не получится. Дважды смертью.

Когти на руках удлинились, ощутил медленную волну, которая превращает ворга в оскаленного хищного зверя. В груди завертелся горячий комок, сейчас поползет вверх и вниз, засветятся глаза. Мертвячка испугается и завопит, на крики сбегутся остальные.

Тонкие пальцы Изабель легли на ладонь, она развернула меня к себе и заглянула в лицо. Левый зрачок вытянулся настолько, что почти разделил глаз пополам.

— Пойдем, — взмолилась она. — Пожалуйста.

Хрупкость и незащищенность принцессы в который раз сжали сердце. От щенячьего взгляда кровь хлынула к голове, захотелось разорвать всех, защитить ее, спрятать от жестокого мира.

Она несколько мгновений смотрела мне в глаза, оскал постепенно потух. Резко развернувшись спиной

к изумленной мертвячке, я быстро направился дальше в степь, где вдалеке видна еще одна сфера с дремлющей под ней нежитью.

Принцесса зашуршала травой слева от меня. Ну-троем чую: довольна, как поросенок, нашедший лужу. Женщины всегда знают, когда начинают обретать власть.

Я скрипнул зубами и проговорил под нос так тихо, что даже сам едва разобрал:

— Поперся за ней в Абергуд. За человеческой женщиной, в ущерб, рискуя быть сожранным роцерами и утопленниками. Видел бы дед — с горя перекинулся бы барсуком и впал в спячку до лучших времен. Хотя начинать надо с волчонка, которого не смог оставить.

На всякий случай я повертел головой, убеждаясь, что никто не слышал мою исповедь. Шамко тащится позади, плечи устало висят, доспех перекрутился и топорщится на животе безобразным пузырем. Пояс от портков он, видимо, потерял — хлыст обмотан вокруг них и завязан на два узла.

Изабель топает, скромно потупив глаза, в темноте волосы кажутся медными, а кожа — совсем белой. Я рыкнул и перевел взгляд к горизонту.

Сфера впереди выросла. Мерцающие козявки перестали роиться над головой и теперь носятся параллельно нам на расстоянии пары волчьих прыжков.

Вдалеке кружится очередной хоровод фантомов. От них шерсть дыбом встает, а в районе желудка начинает крутиться тихая жуть.

— Эти твари нас не заметят? — спросил я не оборачиваясь.

Шамко не сразу понял, что обращаюсь к нему. Когда дошло — быстро догнал и сообщил:

— Если не шуметь и не приближаться, все будет в порядке. Они пляшут свои мертвые танцы каждую ночь, а с рассветом превращаются в туман.

— Ну, чудненько, — сказал я и указал на мертвяка под сферой. — Я за ним, а вы сидите и не высовывайтесь.

— А вдруг охотники? — жалобно пискнул Шамко.

— Охотники еще блуждают по полю, в поисках меня, — сказал я, продвигаясь в сторону шара, где, подперев костлявой рукой голову, разлегся нежить.

Глава 21

Оставив Изабель и Шамко в зарослях синей травы, я двинулся к мертвяку, стараясь держаться позади сферы. Сияние шара сильное, глаза у мертвяка должны слепнуть, но он расслаблен, наверняка не представляет, что в сердце Мертвой степи может забраться ворг.

Других полутрупов не видно, но нос подсказывает: кто-то дремлет рядом в земле и тут же проснется, услышав, подозрительные звуки.

Месяц скрылся за тучами, но в Мертвой степи он почти бесполезен — все и так мерцает мертвенно-магическим светом. Стаи светляков уменьшились, если раньше летали сияющими стайками, то с появлением нежити козявок заметно поубавилось. Осталось всего несколько штук, и те порхают с постоянной оглядкой.

Пока крался вокруг сферы — наблюдал, как мертвяк лениво ковыряется в редких зубах. У этого челюсть каким-то образом сохранила нормальный вид, но зубы повыпадали.

Благодаря босым ногам и мягкой траве я совершенно беззвучно подобрался к самой сфере. Даже края лацерны бесшумны, когда соприкасаются со стеблями.

До нежити рукой подать. Сквозь реденькие волосенки, которые когда-то были черными, а теперь бледно-серые, видна пупырчатая макушка. Такое случается, когда могильная гниль начинает разъедать кожу.

Сперва решил, этот тоже новорожденный, но потом заметил ровный ряд ребер на левом боку без единого намека на кожу или мясо. Сквозь просветы видны темные пятна внутренностей.

Я довольно ухмыльнулся и проверил клыки языком, они вытянулись немного. Еще раз проверив, нет ли кого поблизости, я выпустил когти и выпустил клыки на всю длину, чтоб мертвяк сразу понял, с кем дело имеет.

Из глотки вырвался глухой рык, все произошло моментально. Пара секунд — и мертвяк уже беспомощно дрыгает ногами и пытается что-то мычать через зажатый рот, пока тащу его подальше от сферы Ильвы.

Я дернул головой, капюшон немного сполз назад, открывая луне мое оскаленное лицо. Нежить сопротивлялся усердно, пришлось несколько раз перехватываться, чтоб не сползал. Наконец, удалившись на достаточное от освещения расстояние, я перекинул его вперед, продолжая зажимать ладонью рот.

— Слушай меня внимательно, — сказал я тихо, но грозно. — Я сейчас уберу руку. Если ты, гниломордая тварь, заорешь — разорву на части. Сама Ильва не сошьет. Понял?

Мертвяк таращится круглыми глазами, не в меру раскрытыми из-за ссохшихся век, дрожит, как куст на

ветру. Услышав про «разорвать», он отчаянно закивал, одновременно ворочая глазами в поисках подмоги.

Я угрюмо надвинул брови и покосился по сторонам, механически втянул воздух. Он насквозь пропитан запахами сухой земли, ночных трав и нежити.

— И еще, — сказал я. — Если здесь прячется целое войско нежити, оно не поможет. Сожру — обещаю. И остальных покромсаю, даже если сам не выживу. Усек?

Взгляд мертвяка померк, плечи опустились. Мимо с перепуганным треском пролетел светляк, он на секунду остановился возле физиономии полутрупа и гневно замахал крылышками. Тот бросил на него бешеный взгляд, козявка взметнулась вверх и скрылась в ночном воздухе.

Мертвяк глянул на меня безбровными глазами, отчего они кажутся злыми и кровожадными. Он один раз кивнул, и я медленно разжал рот.

— Что тебе надо, ворг? — прошипел нежить, едва я убрал пальцы.

Я сжал костлявое плечо, под пальцами треснуло и потекло липкое. Мертвяк скривился, скорее от недовольства, чем от боли.

— Я не чувствую, — насмешливо сказал он.

— Знаю, — ответил я. — Но если раздробить конечность, обратно не прирастет.

Самодовольная ухмылка моментально слетела с лица полутрупа, острый кадык нервно колыхнулся. Он слабо трепыхнулся в попытке вырваться из лап.

Я оскалился и зарычал, мертвяк оскалился в ответ.

— Где гора? — спросил я, сильнее впиваясь когтями в размякшую кожу.

Мертвяк зло зашипел:

— Какая гора?

— Ты знаешь какая, — зарычал я. — Гора Ир.

В глазах полутрупа мелькнуло нечто такое, что можно было бы принять за панику, но слова прозвучали уверенно.

— Не ведаю, о чем речь, — сказал он хрипло.

В траве зашуршало, я повернул голову, продолжая давить мертвяка звериной лапой. Через несколько секунд показались Изабель и Шамко. Парень, как всегда, перепуганный, в складках одежды застряли листья, на голове кусок мха и какие-то палки.

Изабель, наоборот, почему-то спокойна, даже чуть улыбается.

— Вы зачем вылезли? — спросил я грозно.

— Шамко боялся появления охотников, — сообщила принцесса, отряхивая от земли штанину.

— Ну конечно, — глухо бросил я. — Хуже принцессы.

Изабель обиженно надула губы, Шамко виновато развел руками и давай подмигивать, кивать на девушку, мол, обрати внимание.

Я снова перевел взгляд на нее, щеки принцессы порозовели, она опустила ресницы и произнесла тихо:

— Вдруг они на конях погонятся.

Шамко победно выдохнул и сложил руки на груди, я покачал головой.

— Ну какие кони у нежити? — спросил я устало. — Они только зельеварением и занимаются.

Изабель сложила ладони в замок перед собой и стоит, словно мученица перед костром. Внутри шевельнулось противное, словно только что у волчонка косточку отобрал.

Я фыркнул и хрустнул шеей, чтоб не поддаваться бесполезным уколам совести. Вновь развернувшись к нежити, я окончательно ошестинился. В глазах потеплело, мир подсветился красным.

— Так, полутруп, — прорычал я, нависнув над самым его лицом. — Вся мертвяцкая орда в курсе, что Ильва ждет падения Талисмана на гору Ир. Если не скажешь, как до нее добраться, воплощу свою первую угрозу.

Бледные губы мертвяка расползлись в мерзкой ухмылке, обнажив дыры между зубами. Взгляд стал безумным, словно у шута на площади перед замком в Центральных землях.

— Глупец! — прошипел нежить. — Ты не ведаешь, куда лезешь!

— Так просвети, — предложил я и проделал когтем бороздку на мертвяцкой шее.

Мертвяк презрительно покосился на мои лапы, губы скривились, словно хлебнул уксуса.

— Не дожدهшься, — выдавил он с насмешкой. — Я не чувствую боли.

— Ты повторяешься, — сообщил я, проводя острием по тому же месту. — А я намечаю, в каком месте оторвать голову.

Когда он нервно хихикнул, подошла Изабель и заглянула через плечо.

— Думаешь, пытка поможет? — спросила она невинно.

— Раньше срабатывало, — отозвался я глухо.

Когда мертвяк увидел принцессу, лицо пренебрежительно скривилось, рот раскрылся. Чую, сейчас гадость какую-нибудь скажет. Но в последнюю секунду его взгляд переменялся, глаза вытаращились.

— О... — вырвалось у него. — Да хранит тебя вечная тьма.

Я покосился на Изабель, она вжала голову в шею и растерянно развела руками. Мертвяк в это время забормотал какую-то молитву тьме, владычице ночи и королеве нежити.

Пытаясь привести в чувство, я тряхнул его как следует, но он лишь закашлялся, обрызгав грудь зеленоватой слизью. Взгляд нежити стал совсем безумным, окончательно выходя из-под контроля.

Я предпринял последнюю попытку вывести у него хоть что-то.

— Говори, леший тебя раздери! — зарычал я, схватив его за оборванный воротник. — Где эта клятая гора?!

Изабель рядом испуганно вздрогнула, хотя за время, пока вместе, могла и привыкнуть к звериной натуре. Мертвяк повернул ко мне полувывкатившиеся глаза и прошипел безумно:

— Тебе никогда не добраться до горы Ир! Никогда! Ее надежно охраняют! Аха-ха! Даже если дойдешь до агатового камня! Аха-ха!

Он закатился истерическим смехом, запрокинув голову. Боясь, что его вопли может кто-то услышать, я подцепил его за подбородок. Вместо смеха изо рта полутрупа послышалось бульканье и хрипы. Только хотел оторвать голову, как принцесса робко спросила:

— Обязательно его убивать?

Еле сдерживая гнев на мертвяка, на Шамко, на Изабель за наивность, да вообще — на всех, я проговорил сквозь зубы:

— Если хочешь, чтобы он сию секунду разрезвонил о нас всему полчищу нежити, то не обязательно.

В этот момент мертвяк снова посмотрел на принцессу.

— Да хранит тебя вечная тьма, — произнес он с благоговением.

Безумство полутрупа, его странное обращение к принцессе пошатнули с таким трудом удерживаемый контроль. Волна бешенства медленно поползла из глубин сознания, лишь вечные лоси и присутствие принцессы все еще держат в себе.

К моему изумлению, принцесса приблизилась и наклонилась к мертвяку. Думал, сейчас сморщится — запах у него все же крепкий. Но она лишь улыбнулась той улыбкой, которую женщины применяют, чтобы выпросить подарок.

Она спросила невинно:

— А если тебя попросить никому не говорить, что нас видел?

Мертвяк пошевелил челюстью, ставя ее на место — во время хохота она все же отвисла до самой груди. Он приподнял руку и потянулся к принцессе костлявыми пальцами. Я резко дернул его и сверкнул глазами, давая понять: еще движение — и отгрызу кисть.

Лицо нежити приняло покорный вид.

— Воля ваша, — произнес он почтительно.

— Вот и не говори, — радостно закончила Изабель и выпрямилась, сверкнув зеленым камнем в вырезе.

— Повинуюсь... — прошептал мертвяк.

Я нерешительно разжал пальцы и отпустил нежить, готовый в любую секунду запрыгнуть и разорвать, если вдруг увижу что-нибудь подозрительное. Но мертвяк лишь встал, склонил голову перед Изабель и шатающейся походкой поплелся к сфере Ильвы.

— Что это сейчас было? — спросил я принцессу серьезно.

Та хлопает ресницами, подтягивая вырез камзола вверх. Взгляд растерянный, рыжие локоны спутались и неровными кольцами раскидались по плечам.

— Не знаю, — произнесла она тихо. — Просто всегда верила, что добротой можно добиться большего, чем насилием.

Стоявший неподвижно все это время Шамко шагнул вперед, сцепив перед собой пальцы, словно собирается молиться, и проговорил осторожно:

— Может, доброта и работает, но только не с нежитью.

Я кивнул, натягивая капюшон на место, и добавил:

— Не очень хочется соглашаться, но парень прав. Нежити чужды понятия доброты. Кроме того, мертвяк послушался тебя, как ручной пес. А, сама понимаешь...

Несколько секунд принцесса хлопала ресницами, быстро шевеля тонкими бровями. Даже крохотные морщинки появились от усердия. Не положено ей так сильно думать, а то лицо быстро состарится. Человеческие женщины крайне щепетильно относятся к молодости, едят всякую гадость, чтоб поддерживать фигуру, к ведьмам ходят за снадобьями для кожи. Не понимают, что морщины — показатель опыта.

Принцесса наконец закончила мыслить, васильковые глаза уставились на меня.

— Я ничего не знаю, — сердито произнесла она. — Вы сами все видели.

— То-то и оно, — сказал я, устремив взгляд в глубину степи. — То-то и оно.

Ополоумевший мертвяк толком ничего не сказал, но из его несвязных речей понял: гора Ир связана с каким-то агатовым камнем, который стоит в охраняемом месте.

Мы наобум двинулись дальше. А я думал, что это за место, как туда попасть и кем может охраняться.

Небо окончательно затянулось тучами, степь заполнилась собственным голубоватым светом. Справа и слева идут все те же редкие деревья и кусты с мерцающими листьями. Сферы Ильвы — вдалеке. Теперь стараемся их обходить, потому что мертвяков под ними значительно увеличилось.

Светляков не видно, зато крошечных сияющих козявок, похожих на мошкару, — полно. Маленькая стайка снова закружилась вокруг Изабель, я одарил ее суровым взглядом. Принцесса поспешно замахала руками, разгоняя непрошенных гостей.

Ступаю бесшумно, зато принцесса и паренек топаят, кажется, на всю округу. Ощущение, что слышно в Абергуде.

— Шамко, ты можешь шагать потише? — спросил я терпеливо.

— Я? — не понял парень.

— Нет, весенний медведь, — передразнил я. — Естественно, ты. Грохочешь, как лошадь по брусчатке. Сколько в тебе веса?

— Да пуда три, — ответил парень и начал наступать осторожней, с носка.

Я выглянул из-под капюшона и окинул оценивающим взглядом худосочную фигуру. Угловатые плечи даже сквозь кожаный доспех видно, колени такие же, удивительно, как штаны не дырявят.

— Маловато, — произнес я. — Но если как следует отожраться, будет в самый раз. Только чтоб не салом обростал, как часто любят люди, а мясом. И принцессе надо откормиться. Хотя и красива до одури, но тоже костлява.

Покосившись на Изабель, я удовлетворенно хмыкнул. Она потупила взгляд, лицо покраснело до самых ушей, но губы растянулись в улыбке.

— Как думаешь, — обратился я к пареньку, рассчитывая на его знания почти библиотекаря. — Кто охраняет этот агатовый камень? Не очень-то хочется наткнуться на какую-нибудь неведомую дрянь вроде роцеры.

Шамко оторвал на ходу лист травы и приблизил к глазам. Зрачки сместились к центру, придавая лицу глуповатое задумчивое выражение. Он несколько секунд на ходу таращился на растение, словно там начертаны невидимые буквы, затем кивнул и выбросил лист.

— Роцеры тут не живут, — произнес он протяжно. — Слишком сухо. А вот ледяная трава — скорее всего.

— Что за гадость? — спросил я, приняхиваясь к ночному воздуху.

Ветер поменялся, теперь дует сзади. Порыв принес слабый, едва заметный кислый запах. Охотники вышли на след, но еще слишком далеко, чтобы начинать беспокоиться. Но через несколько часов исход суток, а я все еще не добрался до проклятой горы.

— Как-то читал, трава в Мертвой степи становится ледяной там, где хороводят фантомы, — сообщил Шамко. — Это все, что знаю.

— Ясно, — сказал я, чуть сдвинув капюшон назад.

Прохладный воздух проник под волосы и приятно остудил разгоряченную голову. За сутки пробежал серьезное расстояние. Бывало, преодолевал десятки верст, но размеренно и в охотку. А тут — гонка на выживание.

До ушей донесся далекий вой. Мои спутники не заметили, но по мне словно молнии пронеслись. Где-то далеко охотится чужая стая. Кажется, где-то за Мертвой степью.

Повинуясь древнему, как сама земля, инстинкту, я вскинул голову и издал ответный вой в самых высоких тонах, на какие способен. Такой звук различают только звери, и то не все.

Где-то на задворках сознания тревожно задрожала мысль: могут обнаружить мертвяки. Но вой уже вырвался из глотки и полетел над Мертвой степью, как выпущенный на свободу орел.

Резкий рывок за край плаща прервал ночную песню, я с рычанием обернулся и увидел перепуганные глаза Шамко.

— Ты рехнулся?! — спросил он, заикаясь. — Мы в Центре Мертвой степи! Сейчас нежить из земли полезет!

С угрюмым рычанием я выдернул лацерну из пальцев паренька, тот отшатнулся, в глазах такой ужас, что еще немного — и окаменеет.

Несколько секунд прислушивался к звукам степи. Вроде все тихо, толпы мертвяков из земли не восстают, как предрекал парень, деревья не оживают, конец света не наступает. Пока.

Я потянул носом. Кислый запах стал сильнее, словно охотники, обнаружив нас, сели на лошадей и теперь мчат во весь опор. На секунду оторопел от самой идеи, но потом решил, поудивляюсь позже.

— Ну что, — сказал я с ухмылкой, облизывая пересохшие губы. — Бежим?

— Опять? — простонал парень.

— Снова, — ответил я, ухватив принцессу за талию.

Она взвизгнула от неожиданности и недовольно задргала ногами, когда забросил ее на плечо.

— Мог бы предупредить, — рассерженно проговорила она, укладываясь так, чтоб плечо не давило на живот.

— Пора уже привыкнуть, — бросил я и потрусил сквозь траву.

Стараясь не терять из виду паренька, которому все еще тяжело бегать по твердой земле, старался двигаться не слишком быстро, но достаточно, чтобы расстояние между нами и охотниками не сокращалось.

Звериное чутье ведет куда-то на запад. Темнота в той стороне кажется плотнее, хотя, может, это расстояние искажает. Пришлось усилить свечение глаз, чтоб улучшить видимость в ночи.

— Аккуратнее! — возмутилась Изабель, когда резко приземлился, перепрыгнув бревно.

— Да тут деревяшка, — попытался оправдаться я.

— У меня нежная кожа, — негодуя продолжила принцесса, игнорируя мой извиняющийся тон. — Отобьешь все. Раньше не сопротивлялась, потому что убегали. А теперь зачем взвалил? Будто сама идти не могу. Лучше бы поставил на землю. Мне неудобно, и камзол давит на ребра, тут пуговицы большие.

— Так снимай камзол, — угрюмо пошутил я.

— Что-о? — изумилась принцесса, снова задргав ногами. — Зачем ты так со мной говоришь? Я ведь не какая-нибудь дочь сыровара, я ведь...

Она запнулась на полуслове, дыхание участилось. Я подозрительно покосился на нее из-под капюшона, пытаюсь припомнить, когда рассказывал ей про дочерей сыроваров. Память отчетливо твердит: никогда. Но незащитный вид и рыжие локоны умилили мысли.

— Извини, — нехотя произнес я.

В груди снова заворчалось неприятное ощущение, сердце сжалось. Знает же, что не специально стукнул плечом. Разорву любого, кто хоть пальцем к ней прикоснется. А пытается заставить виноватым себя почувствовать.

— Не пойму я вас, — произнес я, глядя на черный горизонт.

— Кого? — переспросила принцесса и поерзала под рукой.

— Человечьих баб, — ответил я сухо. — Робеете и краснеете, увидев вполне нормальный хвост. Злитесь и возмущаетесь, хуже столетней ведьмы.

Принцесса возмущенно запыхтела, губы надулись. Она отвернулась, делая вид, что изучает травинки под ногами, и проговорила значительно:

— Мы умеем удерживать интерес.

Я хмыкнул и произнес:

— Когда закончу с Ильвой, отведу к карге в Межземье. Пусть снадобье даст, чтоб не бухтела.

Изабель снова обмякла и присмирела. Я удобней перехватил ее, боковым зрением увидел зеленое. Не сразу догадался — это камень Ильвы, в котором заключена часть ее души. Возможно, поэтому принцесса начала дерзить.

Мы пробежали пару верст, прежде чем ветер принес очередную порцию кислого запаха. Он медленно,

но верно приближается. В один прекрасный момент охотники нас нагонят, если прежде не доберемся до горы.

Парень пыхтит за спиной, как загнанный лось, слышу, как спотыкаются ноги о кротовьи норы и запутанную траву. Но стонать перестал, похоже, понял наконец, что лучше научиться бегать.

Когда за спиной раздался очередной шлепок, означающий падение, я чуть обернулся и сказал:

— Ты бы ноги поднимал. Так бежать лучше.

— Да? — задыхаясь, спросил Шамко с сарказмом.

— Точно тебе говорю, — произнес я, продолжая путь.

Облака немного рассеялись, и месяц залил светом синеющую в ночи долину. Мерцание деревьев и козюлок мгновенно померкло, зато появился горизонт. Степь выглядит как нечто темно-синее, но полоска вдалеке похожа на угольную темноту, где непременно прячутся жуткие ночные твари.

Высота травы резко уменьшилась, теперь она лишь щиколотки прикрывает. Я устремил взгляд вперед, рассчитывая обнаружить что-то, хоть отдаленно напоминающее гору Ир.

Под пяткой что-то хрустнуло. Думал — раковина улитки, но когда посмотрел вниз, понял, что это трава. Я приподнял ногу, на земле остались обломки стеблей, которые рассыпались, словно хрустальные.

— Это что еще? — проговорил я, хмурясь.

— Где? — не поняла Изабель, ей с плеча ничего не видно, потому что едет совсем не лицом вперед.

— Да тут такое... — только и сказал я.

В этот момент поляна покрылась искрящимся налетом. Не таким, как на деревьях и кустах. Те мерца-

ют, словно маленькие молнии, а это больше похоже на снег. В свете месяца поросль напоминает драгоценный ковер.

Я смотрел на чудо, пока Шамко не догнал. Горячее дыхание паренька вырывается из глотки, словно не две версты пробежал, а всю ночь от стаи убегал.

Он замер справа от меня, ладони уперлись в колени и дрожат вместе с ними. На подбородке висит капля, на носу тоже, волосы прилипли ко лбу. Бедняга не ел и не пил уже вечность, наверное, клянет меня на чем свет.

— Гляди, — сказал я, указывая на поляну.

Парень поднял голову, выражение лица поменялось. Из бледно-уставшего стало перепуганно-восковым.

Он пружиной выпрямился и крикнул:

— Это ледяная трава! Бегите!

В голове вспышкой мелькнули его слова о траве и фантомах. Отдавшись на волю инстинктам, я кинулся вперед через поляну. Изабель вцепилась пальцами мне в бок, пытаясь хоть как-то уравновесить тряску. Чтобы немного облегчить ей жизнь, крепче придавил принцессу к плечу — так подкидывает меньше.

Шамко тут же отстал, в темноте слышались его жалобные стоны, топот абергудских ног быстро удалялся.

Боковым зрением заметил, как из темноты проступили голубоватые пятна не больше яблока. На секунду подумал, если это фантомы, полагаю, как-нибудь справлюсь.

Словно услышав мои мысли, пятна начали расти и через несколько секунд превратились в человекоподобные фигуры.

Я преодолел уже половину поляны. Паренька совсем не слышно. Я вывернул на бегу голову и увидел, как несколько призраков несутся к нему. Ледяная трава тихо позвякивает от их движений. Если бы не опасность, сказал бы, что красиво.

— Шевелись давай! — проорал я в бессильной злобе.

— Не могу больше! — донесся слабый голос. — Ноги ватные!

В голове пронеслись стаи мыслей, в которых главная выглядит самой правильной: я бросаю паренька и успеваю выбраться из кольца ледяной травы прежде, чем фантомы преграждают путь.

Я развернулся и кинулся к краю поляны, только звон травы под ногами слышно. Фантомы по бокам устремились вперед параллельно нам, чувствуя, что я задумал.

Полупрозрачные тела оставляют в воздухе голубоватый след, от этого кажется, что скорость их огромна. А может, и правда, я ведь тоже мчусь, как ветер.

— Ох, парень, — прохрипел я под нос, чтобы принцесса не услышала. — Надеюсь, справишься. Ты ведь разбираешься в причудах нежити. Может, плюнуть в них надо или травой какой посыпать. Ты ж книжки читал. Давай, я в тебя верю.

— Они его окружили! — раздался над головой испуганный голос Изабель.

— Проклятье эльфов! — прорычал я, затормозив обеими ногами.

Две длинные борозды прорезались в земле, прежде чем удалось остановиться. В конце концов пришлось выкинуть руку и впиться когтями в грунт, чтобы окончательно прекратить движение.

Развернувшись, увидел, как стая полупрозрачных голубых фигур зависла вокруг Шамко. Медленно покачиваясь, они взялись за руки и поплыли по кругу. Не знаю, что это значит, но явно ничего хорошего. Парень бледный, почти как фантомы, смотрит на них обреченными глазами, пальцы сцеплены в молебном жесте.

Перехватив покрепче Изабель, я уперся ногами в землю и ошетинился. Когти вылезли одновременно с клыками, в глазах полыхнуло.

— Держись, абергудец! — прорычал я, понимая, что сто раз пожалею. — Я сейчас!

Плана нет, но ноги уже несут широкими прыжками к пареньку, вокруг которого все быстрее кружится хоровод фантомов. Пришлось перейти на три конечности, потому что одной рукой держу Изабель. Надо было донести ее до границы ледяной травы, но тогда не успел бы к пареньку. И оставлять принцессу одну в Мертвой степи — плохая идея.

В груди громко ухает, плащ раскрылся, как вороны крылья. Капюшон сорвало встречным потоком, открыв всему миру мой ворговский оскал с горящими глазами.

Прозрачные фигуры стремительно приближаются, хоровод становится быстрее. Из мест, где у фантомов должны быть грудные клетки, к Шамко потянулись тонкие голубоватые жгуты. Парень сжался в комок в середине круга и стеклянными глазами смотрит на происходящее. Обескровленные губы быстро шевелятся — точно молитву возносит.

— Сейчас вытолкну! — проорал я и с разбегу скользнул на боку в самую середину призрачного хоровода.

Ноги с такой силой пнули паренька, что он буквально вылетел из круга. Послышался глухой удар. Что он там делает и как встает, уже не увидел, потому что все взгляды призраков устремились на меня.

Лица фантомов бледные, если голубое свечение можно назвать бледностью. В глазах словно по светляку — радужек нет, только сплошное сияние. Издалека казалось, что головы окружены ореолом. Но вблизи увидел что-то наподобие волос, только из длинных шевелящихся лучей.

Поняв, что я отнял у них жертву, призраки гневно загудели и потянули ко мне не в меру длинные руки.

Я инстинктивно отскочил назад, полагая — раз они фантомы, значит, сквозь них можно пройти. Но спина уперлась во что-то твердое.

Раздался испуганный голос Изабель:

— Ногами прямо в живот призраку!

— Извини, — выпалил я, хаотично соображая, как выбраться из лап того, кого даже укусить не получается. — У нас тут небольшие проблемы.

Она не стала уточнять, лишь еще сильнее вцепилась в бок.

Фантом, что висел ближе всех, раскрыл рот и издал душераздирающий стон, от которого даже у нежити слизь застыла бы в жилах. Я зарычал в ответ, присев на изготовку.

Видимо, они забыли про Шамко, потому что вновь взялись за руки и поплыли в медленном хороводе против хода солнца.

— Чтоб вас ветром разорвало! — в ярости проревел я.

Один из фантомов снисходительно улыбнулся, наклонив сияющую голову. Раздался голос, похожий на гул пчелиного роя вперемешку с камнепадом в горах.

— Присоединяйся к нам... — пропел фантом.

— Присоединяйся... — повторил другой.

— Присоединяйся к нам... — загудели остальные.

Через секунду весь хоровод фантомов наполнился протяжным воем с предложениями стать одним из них.

Меня затрясло от бешенства, когти вытянулись на всю длину, тело покрылось шерстью, как если бы перекинулся, но остался на двух ногах. Принцесса замерла, словно лишилась чувств, но по дыханию слышу: в сознании и с ужасом смотрит на происходящее.

— Убирайтесь к Ильве! — прорычал я и кинулся на одного из фантомов.

Я полосанул когтями по призрачной фигуре, на пальцах осталось сияющее голубое облачко. Место, откуда выдрал, тут же заняла новая порция света.

Рванувшись вперед, попытался прорваться сквозь прозрачные тела — если когти прошли, то и я смогу. Но с разбегу врезался в прозрачную стену. Принцесса взвизгнула, в голове зазвенело от удара.

В этот момент порыв ветра принес порцию кислого запаха, в котором примешался еще один очень знакомый и тревожный. Охотники и правда очень быстро передвигаются. И с ними еще кто-то.

Кровь в жилах забурлила, я вскочил, ставя принцессу рядом с собой, и прикрыл ее плащом.

— Если обидел чем, извини, — сказал я, надеясь, что прозвучало это не слишком жалко.

В душе порадовался, что другие ворги не слышат позорного и недостойного зверя признания.

Изабель крепко прижалась ко мне. Всем боком ощутил ее живое и нежное тепло, даже стук сердца уловил. Правы были в стае: таких, как я, нужно выгонять. Чтобы либо сам издох, либо заматерел.

Шамко отполз в траву и круглыми глазами таращится на происходящее. Сделать, понятно, ничего не может, разве что осколками ледяной травы швырять в призраков. Но это как медведю комар.

— Убегай, парень, — рявкнул я в сторону. — Приближаются охотники, с ними еще кто-то. Прячься. У тебя есть шанс.

— А вы? — простонал Шамко.

— Мы? — сказал я. — Будем торговаться со смертью.

С этими словами я вскинул голову к ночному небу и издал звук, известный каждому воргу с момента рождения. Над Мертвой степью прокатился жуткий рычащий вой и эхом разнесся в разные стороны. Какая-нибудь стая услышит и почтит память вора, павшего в яростной борьбе с нежитью.

В горле потеплело, как в глубоком детстве, когда пил теплое лосиное молоко, в голове пронеслись картины из жизни.

Ярость достигла того предела, когда уже не горит сознание, а наоборот — остужает. Я готов, твари. Готов.

Из грудных клеток фантомов ко мне потянулись десятки светящихся жгутов. На концах пульсируют небольшие шары, видимо, этим крепятся к телу жертвы.

Я округлил спину и зарычал в зверином оскале. Рука сама метнулась к жгуту, но когти снова прошли сквозь прозрачную массу.

- Присоединяйся к нам... — прогудел фантом.
- Будь нашим братом... — отозвались остальные.
- Лучше я себе голову оторву, — прорычал я.

Один из фантомов пропел:

- Будешь счастлив в объятиях Ильвы...

В меня словно молния ударила, я проревел:

— Вы не получите! Не получите! Я ворг! Я не стану прислужником королевы нежити!

В голове, как испуганные зайцы, заметались мысли, лапы затряслись от бессильной ярости. Пока я судорожно думал, как и что сделать, один жгут приблизился ко мне. Сделав небольшой замах, он устремился к животу.

— Не трогайте нас, — взмолилась Изабель, пряча лицо у меня на груди.

Жгут застыл в мизинце от кожи. Я с непониманием уставился на фантомов, которые с покорным видом качаются в воздухе. Лучи на головах обвисли и устремились в землю. Принцесса выглянула из-под края плаща и похлопала пушистыми ресницами.

Круг из призраков неожиданно разорвался, фигуры расступились, пропуская нас вперед.

Все еще не веря в неожиданное спасение, я медленно двинулся между призраками, крепко прижимая Изабель к себе.

— Да хранит тебя вечная тьма, — прогудел ближний фантом.

— Да хранит тебя вечная тьма... — загудел хор фантомов.

Под гулкое эхо голосов мы выбрались из круга. Стараясь не оглядываться, я нашел паренька и взглядом указал следовать за нами. То, что произошло, не укладывалось в голове.

— Изабель? — произнес я сурово, шагая настолько быстро, что почти бегу, Шамко еле поспевает.

Она обхватила руками мою шею, ногами не всегда наступает потому, что почти несущий. Хрупкое тело скрывается под плащом, которого с лихвой хватает на двоих.

— Что не так? — встревоженно спросила она, заглядывая васильковыми глазами мне в лицо.

Я покосился на нее. Надеялся увидеть вытянутый зрачок в левом глазу — признак тревоги и напряжения, но тот вполне человеческий. Круглый и черный.

— Ничего не хочешь объяснить? — спросил я глухо.

Краем глаза заметил, как она побледнела, руки сильнее сжали меня, словно боится, что сейчас отпущу, брошу прямо тут и пойду дальше.

— Не знаю, — проговорила она дрожащим голосом. — Я ничего не знаю, Лотер. Все само происходит. Не оставляй меня, пожалуйста! Я буду смирной, я никогда не буду спорить. Я даже вещи буду твои носить, когда перекинешься. Только не оставляй...

Ее слова оборвались, я на ходу глянул на лицо Изабель. В глазах столько воды, что непонятно, как еще по щекам не бежит. Губы дрожат, взгляд беззащитный настолько, что сам сейчас завою.

— Глупая. Я не оставлю тебя, даже если сама попросишь, — сказал я утешительно. — Только не реви.

Она шмыгнула носом и смахнула слезинку, которая все-таки прорвалась сквозь ресницы.

Ледяная трава кончилась, снова пошли уже ставшие привычными синие стебли. Вдалеке показалось что-то серое, высотой с небольшого горного трол-

ля. Тут их быть не должно. Насколько знаю, нежить с троллями не в ладах. Она со всеми не в ладах.

Шамко неожиданно прибавил прыти и поравнялся со мной.

— В тебя страх силы вселил, что ли? — спросил я. — Так быстро очухиваться даже гоблины не могут.

— Мне кажется, — проговорил он, задыхаясь на бегу, — впереди что-то есть.

— Угу, — бросил я.

— Может, камень? Агатový, — снова выдавил парень.

Я присмотрелся. То, что принял за тролля, и правда оказалось большим камнем. Даже отсюда видно, как гладко обточены грани. Свет месяца отражается на сероватой поверхности. Показалось, даже мерцает немного.

До него осталось всего около версты. Порыв ветра ударил в спину, принес с собой резкий кислый запах вперемешку с горьким, пропахшим тиной и болотными испарениями. До ушей долетели обрывистые фразы и странный стук копыт.

Я не поверил, оглянулся.

С той стороны поля несутся четверо наездников на конях-скелетах. Даже в самых диких мыслях не мог представить, что у нежити есть ездовые животные. Хотя слово «животное» созвучно слову «жить», а эти мертвее самих мертвяков. Разве что глаза горят синим.

Трое из преследователей — охотники. Даже отсюда чую, как злятся, что пришлось столько времени кругами ходить. Рожи перекошенные, в глазах бешенство.

А четвертый — живой. Нелепо подпрыгивает на блестящем в лунном свете позвоночнике, правая рука вцепилась в ребро, а в левой зажат длинный хлыст.

— Жамчин, — прорычал я, поставив принцессу на землю, и оскалился.

Шамко затравленно оглянулся и простонал:

— Гвардеец? Зачем он так далеко забрался?

Я наблюдал, как всадники стремительно приближаются. Из-под костлявых копыт летят комья земли, трава буквально расступается перед ними. Горячая волна прокатилась по телу, приводя в боевую готовность все, от пяток до макушки.

Откинув края плаща, я присел и зарычал.

— У него личное, — проговорил я глухо. — Бери принцессу и беги к камню. Если погибну, у вас будет время спрятаться.

— Серьезно? — спросил парень изумленно. — Считаешь, что без тебя у нас есть шансы?

— Предложи другое, — гаркнул я, вцепившись когтями в землю.

Шамко растерянно замычал и приблизился к Изабель. Та посмотрела на меня глазами, полными ужаса.

— Они убьют тебя, — прошептала она еле слышно.

Может, и убьют, подумал я, но прежде оторву голову этому мерзкому гвардейцу, который умудрился облапошить меня, как щенка.

— Бегом, — скомандовал я, не обращая внимания на молящий взгляд принцессы.

Шамко вцепился мертвой хваткой в локоть Изабель и потащил в сторону камня. Поначалу она сопротивлялась, но, видимо, вид приближающихся мертвяков

вернул здравый смысл — она сбросила руку Шамко и побежала с почти заячьей скоростью.

Когда между мной и всадниками осталась пара ворговских прыжков, я взревел и кинулся в атаку. За спиной звонко шлепнуло — хлыст Жамчина ударился в место, где только что стоял.

Кувыркнувшись через плечо, я проскользнул под брюхом костяной лошади, рискуя быть раздавленным, и дернул мертвяка за ногу. Нежить разъяренно завопил, в воздухе сверкнул блестящий клинок. Он попытался пырнуть меня, но потерял равновесие и полетел на землю.

Это дало несколько секунд. Вскочив, я шлепнул лошадь по костяному задку. Зверь гулко заржал, хотя чем непонятно — внутренностей-то нет. Сорвавшись с места, он понесся в степь, взбивая копытами рыхлую землю.

— Наконец-то я тебя догнал, — прокричал Жамчин, размахивая хлыстом. — Готовься, ворг. Сегодня последний день твоей свободы!

Хотел ответить что-нибудь резкое, но вспомнил, что не разговариваю с теми, кого собираюсь убить. А нежить — не в счет, они и так мертвые.

Двое мертвяков стали кружить вокруг меня на лошадях, вскинув вверх кривые мечи. Тот, которого скинул, уже на ногах и осторожно крадется слева, выжидая удобный момент, чтобы напасть.

Я пригнулся и зарычал, отведя правую руку назад для удара. Мертвяки интересуют. Но в первую очередь — гвардеец.

Он крутанул хлыстом, в воздухе сверкнуло блестящее. Я успел отскочить в сторону, но руку все же обожгло.

— Что, ворг, — усмехнулся Жамчин, — трудно быть смелым, когда перед тобой настоящий противник?

В глотке заклокотало, на глаза поползла красная пелена. Я попытался проморгаться, не давая безумию завладеть сознанием, но безуспешно: дымка медленно, но уверенно застилает мир.

Жамчин продолжил издеваться:

— Где же наша красавица? Сама пришла к темнейшему? Ах нет, это ведь ты ее сюда привел. Стоит спасибо сказать, Ильва будет довольна.

Хотел нарушить собственное правило не разговаривать с потенциальным трупом и спросить — зачем ей принцесса, но ноги уже отпружинили от земли. Я прыгнул на гвардейца, на лету извернувшись, чтобы зацепить когтями незащищенную шею. Но Жамчин ловко пригнулся и подал лошадь вперед.

— Что-то ты не слишком умел, — проговорил он, когда я приземлился с другой стороны. — Слышал, что ворги — опасные и умелые бойцы. Видимо, ты бракованный.

Пелена накрыла глаза, мерцающая степь превратилась в сплошное красное месиво. Даже мертвяки на своих костяных клячах перекрасились в багровое. Ощутил, как теряю контроль.

Человечье сознание пискнуло и тихо свернулось калачиком в районе пяток. Дальше все в красном тумане. Я бил, резал, рвал и падал, снова поднимался. Меня тоже кромсали. Несколько раз острая боль резанула по плечам, лезвия пытались достать живот, но я успевал уворачиваться.

Кто-то орал. Сквозь гулкую завесу слышал проклятия и приказы. Но пробудившийся зверь не разбирал

речи, только кидался на всех подряд с единственным желанием — вырвать глотку.

Не знаю, сколько так продолжалось. Спустя вечность бешенство понемногу стало отступать. Когда мир из красного превратился в розовый — начал различать детали.

Во рту сладковатый привкус мертвячей слизи и человеческой крови. В душе шевельнулась суровая радость: все-таки добрался до Жамчина.

Я повертел головой. К глубокому сожалению, обнаружил гвардейца стоящим на земле. Ноги широко расставлены, хлыста нет, но зато в руках кривой меч. Краем глаза в траве я заметил резную ручку с огрызком кнута и злорадно ухмыльнулся.

Снова перевел взгляд на гвардейца. У того лицо в крови, щека рассечена до самого рта, теперь кажется, что он криво улыбается на одну сторону. Руки ободраны до самых плеч.

В эту секунду за спиной хрустнуло, Жамчин прокричал не своим голосом:

— Давайте!

Я резко развернулся, но, видимо, недостаточно быстро, потому что лишь увидел, как сверху упала сетка. В нос ударил знакомый сладковатый запах. Веревки резко стянулись, меня повалили на спину. Пытаясь разорвать плен, я задержался, как лиса в капкане, но в глубине души понял: ничего не получится. С канатами, пропитанными батлоком, не справиться.

Сердце забарабанило, как у загнанного кролика, из груди вырвался бессильный рык, Жамчин с мертвяками обступили меня и ухмыляются с насмешливыми рожами.

У одного охотника напрочь оторвана челюсть, у другого в груди сквозная дыра размером с репу. Что с третьим — вообще не сразу сообразил, только присмотревшись, понял, что спина у него на месте живота и мертвяку приходится смотреть на свой костлявый зад.

— Бешеный зверь, — прохрипел гвардеец, вытирая губы от крови. — Ты и правда страшен. Но с зачарованными охотниками не справиться в одиночку.

Мертвяки хрипло захихикали, на костлявых физиономиях появилось что-то вроде улыбок. Они одобрительно закивали гвардейцу, сотрясая мослами.

В голове пульсируют всего две мысли: Талисман и Изабель. Видимо, это отразилось на лице, потому что Жамчин пнул меня в бок и проговорил:

— Ты не переживай, ворг. С принцессой все будет хорошо, даже лучше, чем представить можешь. И с тобой, в общем-то, тоже, когда пополнишь славные ряды нежити.

Тут я не выдержал и взвыл. Кровь в жилах вскипела, словно смола в гномьем котле, я вцепился в сетку и стал дергать веревки. Пропитанные батлоком волокна лишь тихонько зашуршали, под натиском лап выступили бордовые капли.

— Не вой, — бросил Жамчин, отплеываясь кровью. — Тебе уже никто не поможет.

В эту секунду по земле прошелся легкий гул, такой бывает, когда переселяются олени или антилопы. До ушей долетело множественное тяжелое дыхание. Ветер поменялся, нос уловил резкий мускусный запах. Самый лучший запах в мире.

Гвардеец и мертвяки синхронно развернулись в сторону, откуда приближается нарастающий гул. Из

травы мне не видно, но по вытянувшимся лицам понял: ничего хорошего не ждут.

На секунду все затихло, показалось, Мертвая степь стала на самом деле мертвой, только легкий ветерок посвистывает среди стеблей. Вцепившись в пропитанный бетелем канат, я застыл в тревожном ожидании.

Глухой рык обрушился на мир и заполнил все вокруг. В этот же момент надо мной пронеслась огромная лохматая туша, за ней еще и еще, пока не оказался окруженный целой толпой меховых гор. Мертвяки захрипели и подняли сабли, Жамчин побелел и попятился.

Веревки ослабли, кто-то заботливо развязал стяги. Я моментально выпутался из сети и вскочил на ноги.

Целая стая в медвежьем облике окружила меня и голодными глазами смотрит на мертвяков. Глаза горят, с клыков капает, боевой медвежий вид дышит готовностью разорвать любого, кто сунется с мечом.

Один из медведей развернул ко мне огромную голову с красными глазами. В середине лба седое пятно и такие же белые уши.

Я быстро присел на колено перед вожаком, коснувшись когтями земли, в знак покорности и благодарности. По стае прокатилось одобрительное рычание, ворги закивали головами, один даже сам согнул колени, демонстрируя восхищение моей свирепостью и знанием законов.

— Но как? — вырвалось у меня, пока поднимался.

Ворг прохрипел по-медвежьи:

— Мы слышали твой вой.

— Да, — согласился я. — Но я ведь чужак.

Вожак оскалился, черная шерсть на загривке вздыбилась, из пасти вывалился клуб пара.

— Чужак, — снова прохрипел он по-звериному. — Но слухи расходятся быстро. До нас дошла весть о твоей борьбе. Значит, это и наша борьба. Так что иди и закончи что начал.

— А вы? — не унимался я. — Зачарованных охотников нельзя убить.

Ворг поднял верхнюю губу, обнажив огромные, даже по меркам воров, клыки, которые все еще продолжают удлиняться.

— Все можно убить, — прорычал он. — Нужно только знать слабые места.

В груди все возликовало: вот это вожак! Всем вожакам вожак.

Я ухмыльнулся и кивнул. По нему видно — не первый раз охотится в Мертвой степи. Взгляд упал на Жамчина, который, пока мы разговаривали, отошел на несколько шагов и прикидывает, как бы поскорее сбежать.

Спрашивать вожака, почему не разорвали его на лохмотья, не стал. Вместо этого, словно пружина, я метнулся к нему, пробежав мимо изумленного вожака, и вцепился пальцами в глотку. Он не ожидал, что нападку на него в такой момент, даже меч не вскинул. Клинок упал в траву, лицо гвардейца посинело, он стал хватать меня за руку в попытке освободиться.

— Пу-сти, — прохрипел он, суча ногами. — Лорд бу-дет ис-кать меня.

На секунду я задумался. Убить его сейчас, и часть проблем будет решена, не убить — снова начнет гоняться и мешать жить. С другой стороны, если все-таки заберу Талисман, плевать будет на лорда. Пускай хоть сам король Центральных земель ищет.

Пальцы стали сжиматься на горле гвардейца, он еще сильнее задергал ногами, глаза вылезли из орбит, щеки напухли. В момент, когда в глазу лопнул сосуд, я швырнул его в траву. Абергудец, задыхаясь от кашля, упал на колени.

— Ты прав, гвардеец, — проговорил я глухо. — Я бракованный. В стае избавляются от слабых и хилых. У меня не вышло бросить волчонка, от которого отказалась даже мать. Он не был больным, просто последним в помете. Через четыре года он создал стаю. Одну из самых сильных на краю Изумрудного леса.

Жамчин оперся ладонью на землю и повернул голову. Лицу постепенно возвращался нормальный цвет, только глаз залился красным из-за лопнувшего сосуда.

— Ты что, даешь мне шанс? — насмешливо прохрипел он.

Я кивнул и снова присел в почтительном жесте перед вожаком воргов. Тот внимательно посмотрел на меня красными светящимися глазами. Во взгляде озадаченность. Даже он не понимает, почему не свернул гаду шею.

— Даю, — проговорил я глухо, подобрав под себя ноги. — Они не дают.

Только теперь медвежья морда вожака стала понимающей. Он глухо зарычал и опустил голову, готовясь к атаке. Оттолкнувшись от земли, я перепрыгнул через бурого медведя, что стоит спиной, и помчался в сторону камня из агата.

Пока бежал на всех четырех конечностях, в развевающемся на ветру плаще, из-за спины доносились звуки битвы ломающихся костей и яростные вопли мертвяков. Даже чары Ильвы не спасут от неумейной мощи стаи воргов в медвежьем облике.

Ветер с их стороны, поэтому обоняние рисует картину, в которой Жамчин отчаянно бежит в сторону ледяной травы, за ним несется черный медведь. Я злорадно оскалился, понимая, что абергудцу от ворга не убежать.

Агатовый камень стремительно вырастал из темноты. Звериное нутро подсказывает: времени до полуночи остается все меньше, а горы все не видно.

Когда наконец добежал, подметил, что камень и правда напоминает спящего тролля. Вблизи грани оказались не просто серыми, а в черную точку, как заплесневелый сыр. Свет месяца отражается на поверхности и придает камению матовость.

— Ты жив! — раздалось справа.

Изабель выскочила на меня из-за валуна и повисла на шее. Следом высунулся Шамко. Волосы торчат в разные стороны, словно по траве не бежал, а катился.

Принцесса прижалась щекой к щеке, даже не обратив внимания, что я в чужой крови и мертвячьей гадости. Я обнял ее за пояс, чувствуя, как тепло смешивается с моим. Пальцы уловили частый пульс, несколько секунд я стоял и держал в руках хрупкое тельце. Половина мыслей заняла Изабель. Вторую всецело заполнила Ильва.

— Шамко все твердил и твердил, что охотники зачарованы, — говорила она сбивчиво, пока я таращился на камень, одновременно вдыхая запах ее волос. — И убить их нельзя, и тебе конец. Сказал, нежить скоро доберется до нас. Я так боялась, Лотер. Так боялась...

Я зло посмотрел на паренька, тот виновато втянул шею и скривился в жалобной улыбке. Захотелось вле-

пить крепкую затрешину дурню за то, что не нашел нужных слов для перепуганной девушки, когда за ней орда мертвяков гоняется.

— Ерунду сказал Шамко, — сообщил я глухо.

Она подняла ресницы и заглянула васильковыми глазами в лицо. Левый зрачок вытянут в тонкую полосу, щеки бледные. Она закусил губу и замерла в тревожном ожидании.

— Что дальше? — спросила она тихо. — Мы осмотрели камень. Горы рядом нет. Даже намека. Шамко говорит, полночь вот-вот наступит. Не успеть.

Я нехотя отпустил принцессу и оглядел валун. При большом желании его можно принять за кусок скалы или за два куска, но точно не гору.

Где-то в глубине екнуло: вдруг Изабель права и я не успею? Ледяная лапа сжала внутренности, во рту пересохло, когда представил, как орды нежити расползаются по миру, воргов становится меньше и в конце концов наш род совсем исчезает.

Рука сама дернулась к мешочку на шее. Сорвав его, я быстро развязал узел и сунул пальцы внутрь. Оказалось, там синий порошок, такой мелкий, что похож на золу.

Шамко остановил взгляд на мешочке, брови сдвинулись.

— Это что? — спросил он.

— Пес его знает, если честно, — ответил я и сунул нос внутрь, в надежде по запаху определить принадлежность порошка.

В ноздрах моментально засвербело, глаза заслезнились, как от перца. Я дернулся и чихнул во все легкие. Порошок выдуло из мешка, и темно-синее облако покрывалом опустилось на агатовую поверхность.

— Крепкая штука, — проговорил я, вытирая нос тыльной стороной ладони.

— Смотрите! — крикнула Изабель и указала на камень.

Я поднял голову. Агатова грань пошла прозрачными волнами, воздух вокруг задрожал. Шамко и принцесса попятились.

Агат продолжал колыхаться, пока его стороны не потекли, словно весенний мед. Через несколько секунд мир вокруг дрогнул, картинки поплыли. Показалось, что мы стоим и одновременно несемся с невероятной скоростью, когда окружение превращается в темные полосы.

Изабель в страхе схватилась за мою руку, Шамко потерял равновесие и рухнул на колени. Спустя несколько секунд движение прекратилось, и перед нами предстала гора.

Невысокая, скорее холм, зато полностью прозрачная, как те горы, что видел у шаманов. Далеко за ней высится черная стена, и кажется — упирается в самое небо. Разобрать трудно, ощущение, что она где-то за границей зрения. Как если смотреть сквозь пленку бычьего пузыря.

По черному небу несутся всполохи. О таких слышал от стариков, которые бывали в северных землях. Говорили, что по ночам, когда особо холодно, небо покрывается цветными волнами.

Под ногами серый плотный материал, а вокруг на сотни верст пустота, даже горизонта не видно.

Только теперь понял, что опять нахожусь в мире духов. Шаманы знали, что мне придется вновь искать сюда вход, поэтому дали порошок. А это остатки из трубки, в которой теплилось дыхание камня.

— Где мы? — простонал Шамко.

— Там, где самое место Ильве, — ответил я и кинулся к горе.

За спиной раздался испуганный голос Изабель:

— Лотер, будь осторожен!

Буду, подумал я, приближаясь к прозрачной грани горы. Поверхность сверкнула холодным блеском, сквозь толщу проглядывается противоположная сторона, такая же гладкая и безжизненная.

Справа гроыхнуло, ослепительный блеск залил все вокруг. На секунду зрение исчезло, я застыл, зажмурившись от света. Когда пришел в себя и выпрямился, передо мной предстало самое красивое и одновременно жуткое зрелище за всю жизнь.

В паре волчьих прыжков от меня воздух пульсирует светящимися волнами. В самом центре мерцает синяя точка, посылая тонкие лучи в разные стороны. Время от времени рядом с треском вспыхивают молнии и уходят прямо в землю. Точнее, в серый плотный материал вместо нее.

Я замороженно смотрел на магическое действие. Неожиданно синяя точка стала быстро увеличиваться, волны потянулись дальше. Через несколько мгновений они почти достигли меня. Пришлось отойти.

Точка все росла, пока наконец не стала приобретать человеческие формы. Прямо из света вытянулись ноги и руки, очертилась тонкая талия.

Снова гроыхнуло, на этот раз в стороне горы. Я оглянулся и на секунду замер: сквозь ветряные потоки со стороны черной стены несется что-то маленькое и золотистое.

— Талисман, — шепнул я и метнул взгляд на фигуру.

Она почти закончила преобразование. Светящееся сине-белым женское тело зависло над землей. Длинные волосы шевелятся, как живые, лицо с высокими скулами и острым подбородком. Глаза закрыты, но почему-то кажется, что все видит. Одежды нет, высокая грудь и низ живота прикрыты белым светом. Ее можно было бы назвать красивой, если бы не жуть, которая возникает в районе желудка при одном только взгляде на нее.

Веки женщины медленно поползли вверх. В эту секунду понял: если промедлю еще немного, все пропало.

Кровь в жилах вскипела, я зарычал и, не помня себя, помчался к горе.

Бежал на всех четырех конечностях, направив слух назад. Илья наверняка помчится по воздуху, а это куда быстрее самого быстрого ворга.

За спиной раздался древесный треск, запахло паленым деревом, хотя в окрестностях нет даже намека на лес.

— Во-орг! — проревел сзади громогласный голос.

Это придало сил, я взревел, по венам потекла раскаленная лава, словно глотнул загадочного зелья у карги.

Склон горы появился внезапно. Из-за прозрачности склонов едва не влетел лицом в гладкую поверхность. Но в последний момент успел оттолкнуться от земли и запрыгнуть на грань. Думал, будет скользко — все-таки она прозрачная, а прозрачное должно быть похожим на лед. Но когти погрузились во что-то мягкое, похожее на недельный холодец.

Судорожно загребая руками и ногами, я помчался вверх. Из-под меня полетели выдранные куски горы.

Чем сильнее цеплялся, чем больше казалось, что она живая, а мягкие склоны — ее тело.

Сзади загудело, как от шаровой молнии. Я на бегу оглянулся.

Ильва несется на меня по воздуху с горящими глазами, руки расставлены, волосы растопырились, как у сенной девки. Рот скривлен в злобном оскале. Теперь даже при всем желании красивой не назовешь. Безумной, хищной, алчной, но только не красивой.

— Не смей трогать его! — прогудела Ильва так громко, что гора подо мной содрогнулась.

От тряски я потерял равновесие и сполз на пару перехватов. Пришлось карабкаться с тройной силой потому, что королева нежити приближается с завидной скоростью.

— Иди к лешему! — бросил я через плечо, быстро перебирая конечностями.

Талисман уже почти достиг вершины, а мне до нее еще десяток волчьих прыжков. Я в ярости зарычал, злясь на себя, на Ильву, на весь белый свет. Двигаться вверх тяжело и скользко, дыхание участилось, прокачивая воздух с утроенной силой.

Что-то щелкнуло, через секунду буквально в шаге от меня шарахнул белый шар. Меня едва не сорвало со склона, спасли крючковатые когти, они крепко вцепились в податливую поверхность.

— Косая! — крикнул я, быстро сокращая расстояние между собой и вершиной.

По звуку понял: между Талисманом и Ильвой оно тоже сокращается. Тихий, но настойчивый гул ее полета отдает в голове, как звон огромного колокола.

Золотистое свечение камнем рухнуло на поверхность, прозрачные кусочки горы разлетелись в сторо-

ны, словно хрустальные капли. От падения в самом центре вершины образовалась небольшая яма с ломаными сторонами. Из-за прозрачности горы видно насквозь, как теплые лучи переливаются и отражаются на искривленных гранях.

— Ты не сможешь, ворг! — прогудела Ильва прямо надо мной.

— Чтоб тебе вечно гнить в склепах! — отозвался я.

Рука сама вылетела вверх, повинаясь инстинктам. Пальцы вцепились когтями в мягкое холодное тело. Я зарычал и дернул изо всех сил.

Ильва заверещала, как раненая лиса. Не теряя времени, я полосанул ей по ногам другой рукой. Королева нежити зашипела, из раны хлынула голубоватая светящаяся масса, похожая на ту, что видел в сферах.

— Как ты посмел?! — грянула она, вырвав ногу из моей хватки.

— Я еще больше посмею, — зарычал я, взбираясь выше.

Не помню, как удалось добраться до вершины, но когда вылез на крошечный пятачок, где теплым светом переливается Талисман, Ильва медленно поднялась из-за другого края.

Лицо королевы похоже на морду кота, который загнал мышь в угол и с наслаждением упивается собственной властью.

Время застыло, Ильва наклонила точеную голову набок, обнажив в хищной улыбке ряд ровных зубов. Глаза на секунду перестали светиться, и я увидел два кошачьих зрачка в голубых, как небо, радужках. Раны на ноге перестали сочиться сияющей жидкостью и немедленно затянулись.

— Ты проиграл, ворг, — сказала она почти нормальным голосом. — Я заберу Талисман. Заберу все, что принадлежит мне.

— Это что, например? — прохрипел я.

— Все, — повторила она царственно. — Он упал не на великую гору Ир, а на эту грудку снов. Но его сила не зависит от места приземления.

— А было бы неплохо, — прорычал я, отплевываясь от прозрачной дряни.

Ильва словно не слышала меня, она зачарованно смотрела на Талисман, словно мир ужаслся до его размеров.

Королева нежити проговорила:

— Мои подданные наконец будут свободны. Ваше зверье больше не сможет убивать их. Знаешь почему, ворг? Потому что вы станете такими же. Бессмертие. Я дам вам бессмертие в обмен на покорность.

Она чуть приблизилась, я зарычал и шагнул к Талисману. Королева не заметила, только глаза сверкнули холодным белым светом.

— Бессмертие такой ценой? — спросил я, скалясь. — Лучше сразу головой к утопленникам.

Ильва запрокинул голову, обнажив изящную шею, и глухо засмеялась. Я было дернулся вперед, чтобы прыгнуть и вцепиться в нее, но тут же остановился — она совсем не беззащитна и прекрасно знает, что делает.

— К утопленникам всегда можно, — проговорила она, перестав смеяться. — Но как же Изабель? Будь с нами, и Изабель станет к тебе ближе, чем можешь представить.

В груди екнуло. Я покосился туда, где оставил Шамко и принцессу, но никого не увидел. Зато пре-

красно различил две фигурки, несущиеся к горе через серую пустыню.

— Иди к лешему, ваше темнейшество, — проговорил я мрачно.

Взревев, я кинулся к Талисману. Ильва, видимо, ожидала, поэтому швырнула в меня шаровой молнией. Едва не сорвавшись с крохотного пятачка вершины, увернулся и упал на четвереньки в боевую стойку. Молния с грохотом ударилась в гору рядом с Талисманом, оставив круглую дыру с опаленными краями.

Она не стала ждать и пустила новый шар, пришлось применить все навыки равновесия, чтобы одновременно отпрыгивать и не соскальзывать по склону.

Ильва метала и метала светящиеся сферы, пока вся вершина не стала похожа на сыр. Талисман при этом чудесным образом оставался невредимым. Через некоторое время она наконец устала, а может, просто надоело швыряться шарами. Королева просто приблизилась к Талисману и протянула руку.

— Нет! — проорал я и кинулся на нее.

Дальше все произошло очень быстро. Не знаю, каким образом, но выбил золотистую пластинку из пальцев Ильвы. Талисман взлетел в воздух, королева завопила так, что уши заболели.

Я взлетел в прыжке, за мной бросилась Ильва, держа за край лацеры. На лету пришлось расстегнуть замок, плащ соскользнул с плеч и упал на прозрачную поверхность. Боком ощутил мертвый холод королевы и понял, как близко она ко мне.

На фоне неба сверкнул подброшенный золотистый предмет. Картинка застыла. Вижу, как моя и ее ладони тянутся к зависшему в воздухе Талисману. Она умеет летать, потому быстрее.

Из последних сил я дернулся вверх, одновременно отталкивая Ильву в сторону. Гладкая кожа обожгла холодом, послышался яростный крик отчаяния.

Мои пальцы сомкнулись на ровной поверхности Талисмана.

Застыв на полусогнутых ногах на вершине горы «не Ир», я сжал его в кулаке.

Дыхание с шумом вырывается из легких, грудь ходит ходуном, волосы от пота налипли на лоб. От Талисмана идет мягкое тепло. На ощупь неровный, больше напоминает осколок, чем цельный предмет.

Поднеся его к лицу, я вгляделся в то, ради чего потратил столько сил. Да что там, даже Ильва страстно желала получить его. А я не дал. Отнял. Я воргодиночка, без стаи, бракованный и не прошедший инициацию суровостью.

В полированной поверхности отразилось заросшее щетиной лицо с красными глазами. От оскала лоб съехал вниз, нос сморщился. Не удивительно, что Изабель пугается.

Я медленно повернулся, собираясь послать Ильву подальше, в Черные рудники. Или в Великий разлом, туда тоже путь не близкий. Но за спиной оказалось пусто, как в троллей башке.

Повертев головой, подошел к краю горы и заглянул вниз.

Сердце мое упало.

У самого подножья зависла Ильва. Правой рукой держит за пояс Изабель, левой чертит в воздухе какие-то знаки. Принцесса бледная, как березовая кора, но не сопротивляется. Висит в руках королевы нежити и не верит, что ей можно противостоять.

— Пусти ее! — в бессильной ярости прорычал я.

Она подняла на меня васильковые глаза, даже отсюда вижу, или нет, скорее чувствую, как вытянулся зрачок в левом глазу.

— Лотер, — произнесла она одними губами, — не отдавай меня ей.

Сердце глухими ударами застучало в грудную клетку, красная пелена поползла на глаза, я бросился вниз, вспарывая когтями мягкую поверхность горы.

Ильва заметила меня и прижала принцессу сильнее. На лице застыла хищная улыбка, она приподнялась еще выше над землей. Воздух вокруг них завибрировал и пошел волнами.

— Идем домой, дитя мое, — произнесла Ильва гулким голосом.

Меня трясло на бегу. Под когти набилась студенистая масса, пятки скользили по склону, будто он промасленный. В районе желудка жутко запекло, словно сожрал ведро острого перца. Только не ел я уже давно и печет по другой причине. Ужасной, делающей слабым и бестолковым причине.

— Ильва! — проорал я надрывно. — Не смей!

Она остановила на мне светящийся взгляд, волны окутали ее вместе с хрупкой фигуркой принцессы.

— Ее я все равно заберу, — проговорила королева.

В эту же секунду они вспыхнули ярко-голубым светом, тугие волны холода разлетелись в разные стороны, сбив меня с ног. Потеряв равновесие, я кубарем прокатился остаток пути и застыл на спине у подножья с раскинутыми руками.

В памяти отпечатались бледное лицо принцессы и злорадная ухмылка Ильвы. В груди защемило так, что, наверное, порвались все жилы. Будто я вдохнул и никак не могу выдохнуть. Из середины живота мед-

ленно поползла пустота, она медленно ширилась, поглощая новые органы, пока не заполнила меня всего. В висках беспощадно пульсировала мысль: я не успел. Не смог защитить.

Не знаю, сколько так пролежал, но в один момент ощутил, что кто-то дергает за штанину. Еле подняв голову, увидел Шамко, который до этого, видимо, прятался, не решаясь беспокоить без того удрученного и злого вора.

Лицо паренька испуганное, глаза круглые, подбородок трясется.

— Это была Ильва, — прошептал он.

Я промолчал.

— Лотер, — взмолился Шамко, — давай выбирать-ся отсюда? У меня мурашки от этого места. Королева забрала принцессу, но, оставаясь тут, мы точно ничего не изменим.

Забрала, подумал я. Да, она забрала Изабель. Во второй раз ее уведут, словно зверушку. И опять причина — темнейшее.

— Тварь, — процедил я, поднимаясь.

Только теперь заметил в руках паренька какой-то сверток. Он расправил его и встряхнул. Оказалось — моя лацерна, которую я сбросил, когда дрался с королевой.

— Вот, — проговорил он. — Пока ты лежал, я слезил и забрал.

Я взял плащ и накинул на плечи. Замок с тихим щелчком закрылся. Опустив взгляд вниз, посмотрел на Талисман. В голове мелькнула безумная мысль.

Вскинув руку с золотистым предметом, я прорычал:

— Верни мне Изабель!

Воздух содрогнулся, мир перестал быть четким, все загудело и понеслось навстречу. Шамко снова повалился на четвереньки. Мы помчались с бешеной скоростью, только ветер в ушах свистит, затем последовала короткая вспышка. Я зажмурился.

Когда открыл глаза, обнаружил себя рядом с агатовым камнем с зажатым в ладони Талисманом. Вокруг синяя трава и сверкающие кусты. Под ногами валяется Шамко и стонет.

— Нет, такие путешествия не для меня, — проговорил он с мукой. — Ты уверен, что Талисман работает?

Я посмотрел на предмет, мысли потекли вялые, словно их тоже потрепало в битве с Ильвой.

— Он действительно слишком похож на осколок, — пробормотал я.

— Если так, то должны быть остальные детали, — предположил парень, глядя на блестящую поверхность кусочка.

Сквозь мутную пелену стали проступать более связные мысли, хотя пустота в середине живота все еще крутилась бесконечным вихрем.

— Тогда понятно, почему не сработал, — сказал я глухо. — Точнее, силы хватило лишь, чтобы вытащить нас из мира духов. Значит, нужно собрать остальные части Талисмана.

Лицо Шамко вытянулось, в глазах мелькнуло страдание от понимания, что может последовать за этими словами. Я шумно сглотнул, сухой язык проскреб нёбо и заставил закашляться. Когда прекратил фыркать, как подыхающая лиса, парень все еще смотрел на меня несчастным взглядом.

— Вставай, Шамко, — проговорил я. — Наш путь продолжается.

Парень что-то слабо промычал, но с колен поднялся. Глаза мутные, устал от непривычки. Я давно решил, что отведу его в Восточный край, чтобы обжился на нормальной земле, а не среди болот и роцер.

— Куда теперь? — спросил он, вытирая лоб тыльной стороной ладони.

— К одному гоблину, — проговорил я отстраненно.

Про себя подумал: отдам паренька на воспитание Курту с Азутой. Им лишние руки не помешают. И надо где-то лошадь достать для зеленомордого.

А мне самая дорога в Межземье. Чует мое нутро, где-то там должен быть тот самый чародей. А если не там, то еще где-то. У меня хватает упорности, чтобы выследить.

Потерпи немного, я найду тебя, Изабель.

Оглавление

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	39
Глава 4	47
Глава 5	55
Глава 6	70
Глава 7	87
Глава 8	106
Глава 9	121
Глава 10	135
Глава 11	151
Глава 12	185
Глава 13	204
Глава 14	220
Глава 15	237
Глава 16	256
Глава 17	271
Глава 18	286
Глава 19	306
Глава 20	322
Глава 21	337

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ЗОЛОТОЙ ТАЛИСМАН

**Орловский Гай Юлий
Генер Марго**

ВОРГ. УСПЕТЬ ДО ПОЛУНОЧИ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Кондратьева*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Э. Полосухиной*
Корректор *И. Федорова*

В коллаже иллюстрации на обложке использованы фотографии:
Kiselev Andrey Valerevich, photoagent, Unholy Vault Designs, e71lena /
Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com.

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтыта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 24.11.2016. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж 5 000 экз. Заказ 9313.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», 344023, г. Ростов-на-Дону,
ул. Страны Советов, 44 А. Тел.: (863) 303-62-10.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д. 46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ISBN 978-5-699-93202-3

9 785699 932023 >

Ворги — хищная раса оборотней.
Они не подвластны влиянию Луны и живут в чащах
Изумрудного леса. Сила, здоровье и хитрость —
главные умения воровского племени. Все обходят стороной
этих полузверей-полулюдей. Особенно опасны ворги-одиночки.
Гоблин Курт Зут'Вакар хорошо знал об этом, когда спасал
от грабежа случайного попутчика по имени Лотер.
Не знал только, что его новоиспеченный приятель — ворг.
А когда узнал, за оружие хвататься было уже как-то неудобно.
Впрочем, оборотень Лотер, если надо, умеет прикинуться
безобидной овечкой...

ISBN 978-5-699-93202-3

9 785699 932023 >